

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2026
Т. 26, № 1

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Решением ВАК России включен в Перечень рецензируемых научных изданий

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

Основной целью журнала является продвижение новейших исследований в области социально-гуманитарных наук: исторических, филологических (литературоведения и журналистики), искусствоведения. Приоритетное право на публикацию имеют результаты качественных исследований по истории, историографии, источниковедению, искусствоведению, методологически актуальные исследования в области литературоведения и журналистики, результаты исследований общих методологических вопросов социально-гуманитарных наук.

Редакционная коллегия

д. филол. н., доц. **Шестеркина Л. П.**
(гл. редактор),
д. филол. н., проф. **Семьян Т. Ф.**
(зам. гл. редактора)
д. ист. н., проф. **Сибиряков И.В.**
(зам. гл. редактора),
к. социол. н., доц. **Салганова Е. И.**
(отв. секретарь),
к. филол. н, доц. **Афанасьев А. С.**
д. полит. н., доц. **Балынская Н. Р.**
д. филол. н., проф. **Варганова Е. Л.**
к. культурологии **Ворошин С. Д.**
д. ист. н., проф. **Епимахов А. В.**
д. филол. н., доц. **Лободенко Л. К.**
д. ист. н., доц. **Никонова О. Ю.**
д. ист. н., д. искусств., проф. **Парфентьев Н. П.**
д. искусств., проф. **Парфентьева Н. В.**
к. филол. н. **Смышляев Е. А.**
д. ист. н., проф. **Таиров А. Д.**
к. филол. н. **Федорова Е. В.**
Ph. D., проф. **Шенк Б.**

Редакционный совет

академик РАН, д. ист. н., проф. **Алексеев В. В.**
д. ист. н., проф. **Ахметова Л. С.**
Ph. D., проф. **Баберовски Й.**
Ph. D., проф. **Байрау Д.**
Dr. habil **Буренина-Петрова О. Д.**
к. филол. н., доц. **Градюшко А. А.**
Ph. D., проф. **Ичин К.**
Ph. D., проф. **Кайзер Э.**
д. искусств. **Москалюк М. В.**
д. ист. н. **Нарский И. В.**
д. ист. н. **Самашев З. С.**
Ph. D., проф. **Хелльбек Й.**

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY

2026

Vol. 26, no. 1

SERIES

“SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES”

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta.
Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye Nauki”

South Ural State University

The main purpose of the journal is to promote the latest research in the field of social and humanities sciences: historical, philological (literature and journalism), art history. Priority is given to publishing the results of qualitative research in history, historiography, source studies, art criticism, methodologically relevant research in the field of literary studies and journalism, the results of research on general methodological issues of social and humanities sciences.

Editorial Board

Shesterkina Lyudmila Petrovna, editor-in-chief, D. Sc. (Philology), associate professor
Semyan Tatiana Fedorovna, Deputy Chief Editor, D. Sc. (Philology), professor
Sibiriyakov Igor Vyacheslavovich, Deputy Chief Editor, D. Sc. (History), professor
Salganova Elena Ivanovna, executive secretary, Cand. Sc. (Sociology), associate professor
Afanasiev Anton Sergeevich, Cand. Sc. (Philology), associate professor
Balynskaya Natalia Rinatovna, D. Sc. (Politics), associate professor
Fyodorova Ekaterina Viktorovna, Cand. Sc. (Philology)
Lobodenko Lidia Kamilovna, D. Sc. (Philology), associate professor
Nikonova Olga Yurievna, D. Sc. (History), associate professor
Parfentyeva Natalia Vladimirovna, D. Sc. (Art History), professor
Parfentyev Nikolay Pavlovich, D. Sc. (History), D. Sc. (Art History), professor
Smyshlyaev Evgeny Alexandrovich, Cand. Sc. (Philology)
Schenk Benjamin, Ph. D., professor
Tairov Alexander Dmitrievich, D. Sc. (History), professor
Vartanova Elena Leonidovna, D. Sc. (Philology), professor
Voroshin Semyon Dmitrievich, Cand. Sc. (Culturology)
Yepimakhov Andrey Vladimirovich, D. Sc. (History), professor

Editorial Council

Alekseev Veniamin Vasilyevich, academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History), professor (Russian Federation)
Akhmetova Laila Seisembekovna, D. Sc. (History), professor (Kazakhstan)
Baberowski Joerg, Ph. D., professor (Germany)
Beyrau Dietrich, PhD, professor, Tübingen University (Tübingen, Germany)
Burenina-Petrova Olga Dmitrievna, Dr. habil (Switzerland)
Gradyushko Alexander Aleksandrovich, Cand. Sc. (Philology), associate professor (Belarus)
Ichin Cornelia, Ph. D., professor (Serbia)
Jochen Hellbek, PhD, professor (USA)
Kaiser Elke, Ph. D., professor (Germany)
Moskalyuk Marina Valentinovna, D. Sc. (Art History), professor (Russian Federation)
Narsky Igor Vladimirovich, D. Sc. (History) (Russian Federation)
Samashev Zainolla Samashevich, D. Sc. (History) (Kazakhstan)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	5
Исторические науки	
НАЗАРЕНКО Н. Н. Результативность естественного движения населения Урала в 1927–1934 гг.....	6
ЛУБНИН А. С. Архивные документы государственного архива административных органов Свердловской области как источник изучения национальных операций НКВД 1937–1938 гг.....	15
РАЕВА Т. В., ХЛОПИН А. Ю. Репрезентация дела Бейлиса в газете «Киевлянин» (1911–1913 гг.).....	24
Искусствоведение	
ГУМЕРОВА О. А. Магнификат И. К. Баха: метаморфозы жанра на пути от барокко к классицизму.....	33
КОВТУН О. А. Золотное шитье монастырей в конце XIX – начале XX века на Урале.....	42
МЕЛЕХОВА К. А. Тематические и стилистические особенности воплощения эпоса в живописи Монголии.....	48
Литературоведение. Журналистика	
БОРИСОВА И. М. Графическая композиция лирики А. С. Пушкина.....	57
ЕВСЕЕВ М. В. Анализ контент-стратегии корпоративных медиа промышленного предприятия: кросс-медийный аспект.....	63
КОСИЦИН А. А. Произведения Р. М. Акульшина для детей и юношества: идеи, сюжеты, герои	73
СЕЛЮТИНА Е. А. Стратегия самопредставления Л. Н. Андреева в интервью в прессе начала XX века	82
ЧУЙДУК А. А. Особенности и уровни формирования информационной повестки по экологии интернет-СМИ и социальными медиа промышленного региона.....	92
Рецензии	
КОНЮЧЕНКО А. И. Исетская провинция как новое территориально-административное образование на Южном Урале в зоне фронта. О сборнике документов «Исетская провинция: повседневная жизнь в документах Миасской крепости».....	100

CONTENTS

From the Editorial Board	5
Historical studies	
NAZARENKO N. N. The efficiency of the natural movement of the Ural population during the 1927–1934.....	6
LUBNIN A. S. Archival documents of state archive of the administrative agencies of the Sverdlovsk Region as a source for the study of national operations of the NKVD in 1937–1938.....	15
RAEVA T. V., KHLOPIN A. Yu. Representation of the Beilis case in the newspaper «Kievlyanin» (1911–1913).....	24
Art criticism	
GUMEROVA O. A. J. C. Bach’s Magnificate: metamorphoses of the genre on the way from Baroque to Classicism.....	33
KOVTUN O. A. Gold embroidery of monasteries at the end of the 19th – beginning of the 20th century in the Urals.....	42
MELEKHOVA K. A. Thematic and stylistic features of epic tradition in Mongolian painting.....	48
Literary criticism. Journalism	
BORISOVA I. M. Graphic composition of A. S. Pushkin’s lyrics.....	57
EVSEEV M. V. Analysis of content strategy of corporate media of an industrial enterprise: cross-media aspect	63
KOSITSIN A. A. Works by R. M. Akulshin for children and youth: ideas, plots, heroes.....	73
SELYUTINA E. A. The strategy of L. N. Andreev’s self-presentation in an interview with the press of the early XX century	82
CHUIDUK A. A. Features and levels of formation of the information agenda on ecology by Internet media and social media of the industrial region.....	92
Reviews	
KONYUCHENKO A. I. Isetskaya province as a new territorial-administrative formation in the Southern Urals in the frontier zone. About the collection of documents “Isetskaya province: everyday life in the documents of the Miass fortress”.....	100

От редакционной коллегии

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета» в серии «Социально-гуманитарные науки». Цель данной серии – представить научному сообществу новейшие исследования в сфере социально-гуманитарного знания.

Раздел «Исторические науки» открывается статьей Н. Н. Назаренко «Результативность естественного движения населения Урала в 1927–1934 гг.», в которой показано, что происходившие в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. социально-экономические процессы коллективизации и индустриализации катастрофически не отразились на результативности естественного движения населения Урала. А. С. Лубнин в статье «Архивные документы государственного архива административных органов Свердловской области как источник изучения национальных операций НКВД 1937–1938 гг.» на основе исследованных материалов делает вывод о том, что архивно-следственные дела жертв политических репрессий обладают большим исследовательским потенциалом и позволяют рассмотреть национальные операции НКВД сквозь призму их отдельных жертв. В статье Т. В. Раевой и А. Ю. Хлопина «Репрезентация дела Бейлиса в газете «Киевлянин» (1911–1913 гг.)» предмет исследования представлен в широком историческом контексте модернизации и национализма в России начала XX в.

В разделе «Искусствоведение» представлены исследования, освещающие актуальные аспекты изучения различных видов искусства. В статье О. А. Гумеровой «Магнификат И. К. Баха: метаморфозы жанра на пути от барокко к классицизму» опус И. К. Баха анализируется сквозь призму лютеранского и католического толкования канонического текста и практики использования средств музыкальной риторики для его воплощения. О. А. Ковтун в статье «Золотное шитье монастырей в конце XIX – начале XX века на Урале» ставит своей задачей актуализацию темы церковного искусства в современной российской культуре в связи с процессом возрождения церковного шитья и возвращением литургических тканей в храмовое пространство. Статья К. А. Мелеховой «Тематические и стилистические особенности воплощения эпоса в живописи Монголии» посвящена эпосу как одному из фундаментальных компонентов монгольской культуры, определяющему особенности художественного мышления и изобразительных особенностей национального искусства.

В разделе «Литературоведение. Журналистика» представлены статьи, освещающие различные аспекты филологической отрасли. Статья И. М. Борисовой «Графическая композиция лирики А. С. Пушкина» посвящена сравнительному анализу графической композиции лирических произведений А. С. Пушкина с творческим наследием его предшественников периода XVII–XVIII веков. М. В. Евсеевым в статье «Анализ контент-стратегии корпоративных медиа промышленного предприятия: кросс-медийный аспект» проведен сравнительный анализ особенностей реализации контент-стратегий корпоративных СМИ и социальных медиа промышленного предприятия в контексте кросс-медийного подхода. А. А. Косицин в статье «Произведения Р. М. Акульшина для детей и юношества: идеи, сюжеты, герои» анализирует поэтику, тематику, сюжеты и образы этих сочинений, выявляет основные черты творческой манеры писателя. В статье Е. А. Селютиной «Стратегия саморепрезентации Л. Н. Андреева в интервью в прессе начала XX века» интервью рассматривается в контексте интенсификации взаимодействия прессы с читающей публикой как жанр, отвечающий запросам аудитории на интеракцию с автором. В статье А. А. Чуйдук «Особенности и уровни формирования информационной повестки по экологии интернет-СМИ и социальными медиа промышленного региона» показано, что информационная повестка функционирует не просто как инструмент информирования, а как иерархическая система проблем в сфере экологии, где приоритизация одних тем над другими является результатом целенаправленного управления вниманием аудитории.

В разделе «Рецензии» А. И. Конюченко представил критический обзор сборника документов «Исетская провинция: повседневная жизнь в документах Миасской крепости» (Челябинск, 2024).

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В 1927–1934 гг.

Н. Н. Назаренко

*Южно-Уральский государственный медицинский университет, г. Челябинск,
Российская Федерация*

Рассмотрен вопрос естественного движения населения Уральской области РСФСР и Башкирской АССР в 1927–1934 гг. и проведена оценка с использованием коэффициента его результативности (КРЕД), используемого в современной российской демографии для оценки демографической ситуации в современных регионах России. Показано, что происходившие в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. социально-экономические процессы коллективизации и индустриализации катастрофически не отразились на результативности естественного движения населения Урала. Краткосрочный демографический кризис был в городах Урала в 1933 г. На селе падение результативности естественного движения населения было в отдельных регионах Среднего Урала. Ситуацию в городах, исходя из динамики результативности естественного движения населения, нельзя полагать началом демографического перехода, а локальное непродолжительное падение результативности естественного движения населения Урала в 1933 г. – демографический кризис не коллективизации и сельского населения, а в первую очередь индустриализации (городов и прилегающих урбанизированных регионов). Для населения Урала за весь рассмотренный период в целом характерен достаточно высокий показатель естественного прироста с общим приростом городского населения около 140 тыс. чел. и сельского – 1 млн 260 тыс. человек. Результативность естественного движения населения Урала в считающемся катастрофическим 1933 г. была гораздо лучше, чем в 2023 г. и 1892 г.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, естественное движение населения, 1920–1930-е гг., 1933 г., Урал, Уральская область РСФСР, Башкирская АССР.

Введение

Уральский регион во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. в административно-территориальном отношении включал в себя конституционно оформленную в 1925 г. Башкирскую АССР и образованную в 1923 г. Уральскую область РСФСР, в которую вошли старопромышленные регионы Среднего Урала, аграрный Южный Урал, Западная Сибирь и Тобольский Север с его лесными ресурсами, формируя самодостаточный в экономическом плане макрорегион [1, с. 46]. С точки зрения современного административно-территориального устройства это территория Уральского федерального округа, Пермский край и Республика Башкортостан. Географически относящаяся к Уралу Оренбургская область в тот период входила в Средне-Волжский край (Поволжье), в связи с чем в настоящем исследовании не рассматривается.

В современной историографии вторая половина 1920-х – начало 1930-х гг. в СССР обычно рассматриваются в контексте двух важнейших экономических реформ – коллективизации и индустриализации. Если в советский период эти реформы аграрного и промышленного секторов экономики оценивались в позитивном ключе, то современные историки значительное внимание уделяют их негативной оценке, в первую очередь ука-

зывая на процессы раскулачивания, депортации и репрессирования различных социальных групп населения, а также негативные экономические последствия, увязывая с ними голодные проявления и голод 1932–1933 гг.

На Урале, где проходила коллективизация и крайне активно шла индустриализация, а в регион и через него в Сибирь шли миграционные потоки и депортация нелояльных власти слоев населения, экономические реформы и миграция должны были отразиться на демографии, в том числе и на процессах естественного движения населения (рождаемость и смертность) как в городах, так и в сельской местности.

Таким образом, задачей данной работы является сравнительная оценка результативности естественного движения населения Уральской области РСФСР и Башкирской АССР в период активных экономических преобразований (1927–1934 гг.).

Обзор литературы

Демографические процессы на Урале в связи с процессами коллективизации, индустриализации и голодом 1932–1933 гг. в современной историографии достаточно подробно рассмотрены и обобщены уральскими исследователями [2–5].

Авторы указывают, что точность демографической статистики того времени на Урале оставляла желать лучшего. Проблема полноты охвата учетом

населения и точности его учета имела место, что отражалось в отчетах местных статистических органов. В связи с активной миграцией в города Урала в результате активно идущей «сверхиндустриализации» возникают вопросы, связанные с точностью учета не только рождаемости и смертности, но и наличного населения.

Еще одной проблемой является наличие и представление данных о рождаемости и смертности. Так, по Башкирской АССР приводятся ряды рождаемости и смертности в абсолютных числах [6, с. 217], что вызывает вопросы корректности сопоставления данных, особенно на фоне проблемы точности учета. Ряды рождаемости и смертности по Уралу построены по показателям, выраженным в промилле [2, с. 492, 495], судя по всему, рассчитанным на численность населения. Однако сопоставление этих коэффициентов за 1933 г. с данными статистической отчетности тех лет [7, л. 25–28; 8, л. 78–88, 91–92] вызывает вопрос: исходя из какой численности населения рассчитаны коэффициенты? Также опубликованы архивные данные с коэффициентами рождаемости, смертности и естественного прироста населения Уральской области в 1932–1934 гг. [9, с. 257–258], однако для 1933–1934 гг. эти данные – доисчисленные и оценочные [7, л. 15], а в документе данные по населению по месяцам приведены только за 1934 г. [7, л. 25] (в сборнике [9, с. 257–258] они не опубликованы).

Величины коэффициентов рождаемости и смертности критически зависят от того, какие именно показатели численности населения взяты при расчетах – показатели зарегистрированного, постоянного, наличного, среднегодового, обслуживаемого территориальными органами ЗАГС населения. Соответственно, используемые разными авторами показатели вызывают вопросы, какую численность населения (каким образом его учитывали) использовали в расчетах.

При этом еще в конце XIX века известный российский статистик В. И. Покровский рассматривал схожую проблему связи естественного прироста населения с социально-экономическими проблемами (анализировались рыночные цены на зерно и урожайность) в условиях, когда невозможен точный учет не только рождений и смертей, но и численности населения губерний Российской империи. Для оценки естественного прироста им был предложен показатель «живучесть», который рассчитывался как отношение числа учтенных рождений к числу учтенных смертей [10, с. 183]. В современных исследованиях естественного движения населения России был предложен коэффициент результативности естественного движения (КРЕД) населения как отношение числа умерших к числу родившихся на 1000 [11], который является выраженной в промилле обратной величиной

«живучести» В. И. Покровского и также не зависит от численности населения.

КРЕД позволяет в оценках отчасти снять проблему точности учета рождений и смертей, «уйти» от проблемы точности учета населения, корректно сравнивать результативность естественного движения населения административных единиц с разной площадью и численностью населения с построением динамических рядов, что дает возможность корректной сравнительной оценки очагов депопуляции населения на одной и той же и на разных территориях в разные годы. Поскольку КРЕД исходит из смертности (чем она выше, тем выше КРЕД и хуже результативность естественного движения), это важно для оценки уровней демографических катастроф – КРЕД свыше 1000 указывает на естественную убыль населения.

Методы исследования

Методологической и методической основой исследования стали общенаучные методы историзма, научного сравнения, анализа, синтеза, типологизации, демографо-статистические методы и методы геоинформационного картографирования.

В качестве источниковой базы использованы отчеты об учтенном числе родившихся и умерших в РСФСР, подготовленные статистиками Центрального Управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР в связи с переписью населения 1937 г. по архивным отчетам региональных статистических управлений [12, л. 15–22]. Для Уральской области РСФСР возможно построение непрерывных корректных рядов рождаемости и смертности за период 1927–1934 гг. (1933–1934 гг. как сумм показателей по Свердловской, Челябинской и Обско-Иртышской областям, на которые была разукрупнена Уральская область РСФСР). Далее построение корректного ряда по этим данным не представляется возможным из-за передачи восточных районов в новообразованную Омскую область и Воткинского и Сарапульского районов на западе в Удмуртскую АССР, более точная оценка возможна только с учетом порайонных данных из другой отчетной документации. Для корректного сравнения показатели соседней Башкирской АССР взяты за тот же период 1927–1934 гг.

Рассчитывались величины КРЕД как отношение числа умерших к числу родившихся на 1000 для городского и сельского населения. Для сравнительной оценки также выполнялся расчет КРЕД за 2023 г. по Уральскому федеральному округу и Пермскому краю, территория которых в современных границах сопоставляется с административными границами Уральской области РСФСР в рассматриваемый период, и по Республике Башкортостан [13]. Также рассчитывался КРЕД населения за 1892 г. по уездам, сопоставляемым с территорией Уральской области РСФСР и Башкирской АССР в границах 1933 года [14, 15].

Результаты и дискуссия

Рассчитанные показатели результативности естественного движения городского населения Уральской области (табл. 1) в целом сопоставляются с выводами Г. Е. Корнилова [5, с. 126–127]: конец 1920-х гг. в уральских городах характеризуется высокими показателями КРЕД, фактически указывающими на высокий и стабильный рост городского населения за счет почти двукратного превышения рождаемости над смертностью. Такая же картина характерна и для городов Башкирии (табл. 2). Городская популяция Урала, независимо от региона, в этот период характеризовалась единообразными процессами естественного воспроизводства населения и являлась стабильно устойчиво прогрессирующей (рождаемость, смертность и КРЕД колебались без тренда роста или падения) с достаточно высокой скоростью роста.

С 1930 г. ситуация в городах меняется, особенно резко в Уральской области, когда наряду с взрывным (почти на 30 %) ростом числа рождений наблюдается и взрывной (почти 50 %), опережающий рождаемость рост смертности, в результате чего результативность естественного движения населения падает. Похожие процессы шли и в Башкирии, но гораздо меньшей интенсивности, здесь результативность естественного движения стабилизировалась в следующем 1932 г. В городах же Уральской области кризисные явления продолжали развиваться.

Демографический кризис (под которым понимается резкое изменение показателей воспроизводства населения) в городах Уральской области проявился в виде естественной убыли населения исключительно в 1933 г. (КРЕД > 1000 (см. табл. 1)). В городах Башкирии, несмотря на гораздо меньшую естественную убыль, кризисные явления были сходными с городами Уральской области, хотя и менее интенсивными. По сути, демографический кризис 1933 г. одинаково ударил практически по всему городскому населению Урала. При этом в городах Уральской области в следующем 1934 г. ситуация улучшилась, вернувшись к показателям КРЕД, близким к показателям 1931 г. В башкирских же городах кризисные явления продолжались и в 1934 г., хотя и без естественной убыли населения.

Г. Е. Корнилов пишет, что на динамику естественного движения городского населения Урала в тот период повлияли социально-экономические условия [5, с. 130]. Однако, исходя из КРЕД, проходившие в конце 1920-х – начале 1930-х гг. социально-экономические процессы катастрофически не отразились на результативности естественного движения городского населения Урала в целом. Несмотря на кризис 1933 г., общий естественный прирост городского населения Уральской области за рассмотренный период был около 117 тыс. человек, а в Башкирии – около 23 тыс. человек.

Г. Е. Корнилов отмечает, что на динамику естественного движения городского населения Урала в тот период также повлияла демографическая «яма», вызванная Первой Мировой и Гражданской войнами [5, с. 128]. Однако, исходя из величин КРЕД (табл. 1), существенное влияние на ситуацию она также не оказала. Ситуацию в городах, по нашему мнению, нельзя в полной мере полагать началом демографического перехода, а можно рассматривать как локальный внезапный краткосрочный пиковый демографический кризис 1933 г. урбанизированной части Уральского региона. Судя по всему, «взрывная» миграция в уральские города предыдущих лет [5, с. 129] в связи с индустриализацией дала кумулятивный эффект «миграционного скачка», приведшего сначала к резкому росту рождаемости, но далее к еще более резкому росту смертности, в связи с неприспособленностью мигрантов к городским уральским условиям, а также с краткосрочным перенапряжением систем жизнеобеспечения городов, которые усугубил кризис хлебозаготовок 1932 г. [16, 17]. В городах Башкирии кризисные явления проявились в меньшей степени, видимо, в связи с невысокой урбанизацией – по большей части это был демографический кризис в г. Уфе.

В современной историографии характеристика процессов коллективизации, как правило, сопровождается негативными оценками ее экономических последствий для сельского населения, в том числе указанием на падение уровня жизни, ухудшение питания и, как следствие этих процессов, массовый голод. В числе пострадавших указывается сельское население Башкирии и зернопроизводящих регионов Уральской области. Периодизация падения уровня жизни и голодных проявлений в некоторых публикациях датируется не только 1932–1933 гг., но и предыдущими и последующими годами [2, с. 492, 494; 4; 18, с. 55–57].

Такое описываемое в исследованиях падение уровня жизни и голод должны были непосредственно отразиться на естественном движении сельского населения и на его результативности. Между тем, в Башкирской АССР, исходя из величины КРЕД, процессы коллективизации и раскулачивания вообще не повлияли на результативность естественного движения населения: на протяжении всего рассматриваемого периода результативность крайне высокая, а рождаемость на селе более чем в два раза переживает смертность (табл. 2). И даже в кризисный для городов 1933 г., несмотря на некоторый рост, КРЕД в Башкирии был низким.

Сходная ситуация была и в сельской местности Уральской области (табл. 1): КРЕД несколько выше, чем в Башкирии, что объясняется более суровыми условиями Среднего и Северного Урала и Западной Сибири, однако его величина указывает на достаточно высокий уровень естественного

воспроизводства населения. Только в 1933 г. КРЕД приближается к уровню нулевого естественного прироста, но не показывает убыли сельского населения, а со следующего 1934 г. начинается его возврат к значениям начала 1930-х гг.

Таким образом, показатели результативности естественного движения населения не указывают на демографическую катастрофу в селах Урала в период коллективизации, раскулачивания, индустриализации и массовых депортаций населения. За рассматриваемый период естественный прирост сельского населения Башкирии был устойчиво высоким и даже с учетом некоторого падения в 1933 г. составил более 524 тыс. чел., что не указывает на ухудшение уровня жизни. В сельской местности Уральской области РСФСР, несмотря на близкий к нулевому в 1933 г., естественный прирост населения был около 736 тыс. чел. При этом период до 1931 г., когда на селе шли наиболее активные процессы коллективизации, характеризовался стабильным достаточно высоким естественным приростом, что также не указывает на падение уровня жизни. Локальным кризисным был только 1933 г., который на селе Уральского региона в целом проявился слабо.

Рассматривая демографические кризисы XX века на Урале, Г. Е. Корнилов пишет, что с начала 1990-х гг. XX века Уральский регион характеризуется новой продолжительной, не имеющей аналогов в истории демографической катастрофой, исследование которой только начато [2, с. 500]. В связи с этим показательна сравнительная оценка результативности естественного движения населения Урала в 2023 г. с величинами 1933 г. Территории Башкирской АССР и Уральской области 1933 г. по административным границам сопоставимы с современными границами Пермского края, Башкортостана и УрФО за исключением части западной границы (с 1935 г. два района в составе Удмуртии) и передачи Аргаяшского и Кунашакского района из Башкирской АССР в состав Челябинской области. Это позволяет сопоставлять индексы КРЕД по региону (табл. 1–2). Результативность естественного движения населения в считающемся в современной историографии катастрофическим 1933 г. как для территории, входившей в Уральскую область, так и для Башкирии выше, чем в 2023 г. Демографическая ситуация на Урале в кризисном 1933 г. в целом была гораздо лучше, чем в 2023 г.

Рассматривая статистику народонаселения европейской России, В. И. Покровский указывает 1892 г. как самый «печальный» по отношению к естественному движению населения [10, с. 202]. В связи с этим, а также с голодом 1891–1892 гг., поразившим значительные регионы России, показательно сравнение результативности естественного движения населения Урала в голодном 1933 г. с КРЕД «печального» 1892 г. На тот год рассмат-

риваемая территория Урала входила в состав Пермской, Уфимской, Оренбургской и Тобольской губерний Российской империи (табл. 3).

Результативность естественного движения в городах Уральской области РСФСР в 1933 г. (КРЕД 1563 (табл. 1)) ниже результативности естественного движения в городах губерний Урала в 1892 г. (КРЕД 1634 (табл. 3)). Фактически в 1933 г. города Урала с точки зрения естественного движения населения «провалились» на 40 лет в прошлое. Результативность естественного движения сельского населения Урала в 1933 г. (см. табл. 1) была гораздо лучше, чем в 1892 г., когда в уральских губерниях на селе была естественная убыль населения (см. табл. 3). Фактически в Уральском регионе на селе в 1933 г. в сравнении с 1892 г. демографического кризиса не было.

Границы уральских губерний Российской империи не совпадают с границами Уральской области РСФСР и Башкирской АССР 1933 г., уезды также не сопоставляются с районами 1930-х гг. Для более корректного сравнения региональной специфики результативности естественного движения населения 1892 и 1933 гг. карты административно-территориального устройства привязывались к единой топографической основе с последующей оцифровкой уездов 1892 г. и районов 1933 г. и привязкой к ним атрибутивной базы демографических данных. В этом случае пространственное распределения КРЕД указанных годов можно визуально сопоставить в границах 1933 г. (рис. 1).

В 1892 г. кризис естественного движения населения охватил практически весь юг, центр и восток рассматриваемого Уральского региона. Среди наиболее пострадавших были уезды Тобольской губернии. Кризис не затронул северо-запад (территорию современного Пермского края). В 1933 г. ситуация резко отличается – наиболее пострадали высокоурбанизированные районы Среднего Урала (районы современных Свердловской области и центра Пермского края) и север современного Пермского края. Как видно из географического распределения, снижение результативности естественного движения населения Урала в 1933 г. – кризис не коллективизации, а индустриализации (в первую очередь урбанизированных районов), а высочайшие КРЕД в северных районах будущего Пермского края, вероятнее всего, связаны с депортациями в этот регион сосланных и высланных.

Выводы

Городская популяция Уральской области РСФСР и Башкирской АССР во второй половине 1920-х гг. характеризовалась единообразными процессами естественного воспроизводства населения и являлась стабильно устойчиво прогрессирующей с достаточно высоким естественным приростом.

Исторические науки

С 1930 г. результативность естественного движения городского населения Урала начинает ухудшаться до резкого краткосрочного (1933 г.) демографического кризиса. Этот кризис в городах, по-видимому, связан с кумулятивным миграционным эффектом в связи с индустриализацией, когда первоначальный краткосрочный резкий рост рождаемости сопровождался более длительным и высоким ростом смертности в связи с неприспособленностью мигрантов к городским уральским условиям, с перенапряжением систем жизнеобеспечения городов и кризисом снабжения городского населения из-за кризиса продовольственных заготовок 1932 г. В следующем 1934 г. результативность естественного движения населения в городах Урала начала возвращаться к докризисным показателям.

Таким образом, происходившие в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. социально-экономические процессы, несмотря на локальный демографический кризис в городах в 1933 г., катастрофически не отразились на общей результативности естественного движения городского населения Урала: общий его прирост, несмотря на локальный годовой кризис урбанизированных регионов, за 1927–1934 гг. составил 140 тыс. чел., ситуацию в городах, исходя из динамики результативности естественного движения населения, нельзя полагать началом демографического перехода.

Показатели результативности естественного движения сельского населения не указывают на негативные демографические процессы в селах

Урала в период коллективизации, раскулачивания, индустриализации и массовых депортаций населения. Период до 1931 г., когда на селе шли активные процессы коллективизации, характеризовался стабильным достаточно высоким естественным приростом, что также не указывает на падение уровня жизни.

Демографический кризис в уральских селах проявился только в 1933 г. в форме локального падения результативности естественного движения сельского населения на Среднем Урале. В остальных регионах Урала естественный прирост был сниженным, но положительным.

В целом сельская популяция Урала характеризовалась высокими показателями воспроизводства даже несмотря на локальное (1933 г.) его падение с общим приростом за рассмотренный период около 1 млн 260 тыс. чел.

Локальное непродолжительное падение результативности естественного движения населения Урала в 1933 г. – кризис не коллективизации, а индустриализации (городов) и результат депортаций в северные районы будущего Пермского края.

Демографическая ситуация в 1933 г. была гораздо лучше, чем в 1892 г. и кризисном 1892 г. При этом города Урала с точки зрения естественного движения населения в 1933 г. оказались на уровне 1892 г., а результативность естественного движения сельского населения Урала в 1933 г. была гораздо лучше по сравнению с селами в 1892 г.

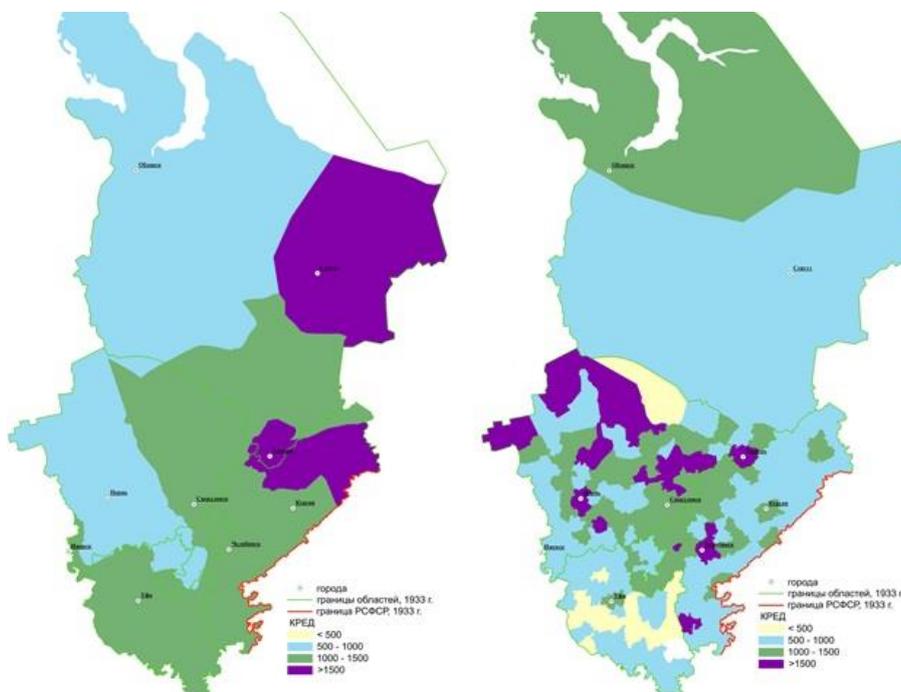

Рис. 1. Результативность естественного движения населения Уральской области РСФСР и Башкирской АССР в 1892 (слева) и 1933 г. (справа).

Составлено и рассчитано в границах 1933 г. [8, л. 78–88, 91–92; 14, 15]

Fig. 1. The efficiency of the natural movement of the population of the Ural region of the RSFSR and the Bashkir ASSR in 1892 (left) and 1933 (right)

Таблица 1

Естественное движение населения (чел.) Уральской области РСФСР в 1927–1934 и 2023 гг.

Table 1

The natural movement of the population (people) of the Ural oblast of the RSFSR in 1927–1934 and 2023

Показатель	Года								
	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	2023
города									
Родилось	70145	74333	72133	74504	95636	101723	70091	82337	–
Умерло	39983	37867	41871	52310	76465	93215	109537	72851	–
Прирост	30162	36466	30262	22194	19171	8508	–39466	9468	–
КРЕД	570	509	580	702	800	916	1563	885	–
села									
Родилось	298500	318543	304503	272051	251305	197556	156401	134901	–
Умерло	189207	151616	166058	152846	159475	121279	151664	105920	–
Прирост	109293	166927	138445	119205	91830	76277	4737	28981	–
КРЕД	634	476	545	562	635	614	970	785	–
всего									
Родилось	369045	392876	376636	346555	346941	299279	226492	217238	139772
Умерло	229190	189483	207929	205156	235940	214494	261201	178771	174976
Прирост	139855	203393	168707	141399	111001	84785	–34709	38467	–35204
КРЕД	621	482	552	592	680	717	1153	823	1252

Примечание. Составлена и рассчитана: 1927–1932 гг. – в границах Уральской области г.г., 1933–1934 гг. – суммарно в границах Свердловской, Челябинской и Обско-Иртышской областей [12, л. 15–22]; 2023 г. – в границах современного Уральского федерального округа и Пермского края [13].

Таблица 2

Естественное движение населения (чел.) Башкирской АССР в 1927–1934 и 2023 гг.

Table 2

The natural movement of the population (people) of the Bashkir ASSR in 1927–1934 and 2023

Показатель	Года								
	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	2023
города									
Родилось	10727	10218	9456	10059	9926	11280	7963	8380	–
Умерло	5916	4531	5103	6150	7557	7543	10363	7812	–
Прирост	4811	5687	4353	3909	2369	3737	–2400	568	–
КРЕД	552	443	540	611	761	669	1301	932	–
села									
Родилось	115884	141318	130103	112003	113589	103025	88225	91200	–
Умерло	50995	44574	53741	38371	52519	35597	52324	42865	–
Прирост	64889	96744	76362	73632	61070	67428	35901	48335	–
КРЕД	440	315	413	343	462	346	593	470	–
всего									
Родилось	126611	151536	139559	122062	123515	114305	96188	99580	35388
Умерло	56911	49105	58844	44521	60076	43140	62687	50677	47701
Прирост	69700	102431	80715	77541	63439	71165	33501	48903	–12313
КРЕД	449	324	422	365	486	377	652	509	1348

Примечание. Составлена и рассчитана: 1927–1934 гг. – в границах Башкирской АССР [12, л. 15–22]; 2023 г. – в границах Республики Башкортостан [13].

Таблица 3

Результативность естественного движения населения (чел.) Урала в 1892 г.

Table 3

The efficiency of the natural movement of the population (people) of the Urals in 1892

Губерния		Родилось	Умерло	КРЕД
Тобольская	города	2414	5424	2247
	села	61338	85893	1400
	всего	63752	91317	1432
Уфимская	города	3893	5661	1454
	села	84155	93380	1109
	всего	88048	99041	1125
Пермская	города	5931	7875	1328
	села	127648	129890	1018
	всего	133579	137765	1031
Оренбургская	города	6240	11235	1800
	села	61644	73690	1195
	всего	67884	84925	1251
Урал (всего)	города	18478	30195	1634
	села	334785	382853	1143
	всего	353263	413048	1169

Примечание. Составлена и рассчитана по уездам указанных губерний Российской империи на 1892 г. [14, 15].

Литература

1. Мотревич, В. П. Уральская область РСФСР (к 90-летию образования) / В. П. Мотревич // Аграрный вестник Урала. – 2013. – № 11 (117). – С. 45–49.
2. Корнилов, Г. Е. Демографические катастрофы в XX веке на Урале / Г. Е. Корнилов // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2016. – № 1. – С. 490–502.
3. Баранов, Е. Ю. Население и общественные трансформации в СССР: демографические кризисы в условиях «социалистических» преобразований 1930-х гг.: (на материалах Урала) / Е. Ю. Баранов // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2012. – № 3 (104). – С. 219–227.
4. Баранов, Е. Ю. Крестьянство, социальные трансформации и голод в начале 1930-х гг. в СССР (на материалах Урала) / Е. Ю. Баранов // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 1. – С. 1–16. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28498 (дата обращения 21.04.2025).
5. Корнилов, Г. Е. Трансформация демографических структур в городских поселениях (на материалах Уральской области в 1923–1934 годах) / Г. Е. Корнилов // Исторический курьер. – 2021. – № 4 (18). – С. 121–132.
6. Ажигулова, А. И. Демографические процессы на Южном Урале во второй половине 1920-х – 1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук / А. И. Ажигулова. – Оренбург, 2019. – 223 с.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 20. – Д. 41.
8. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 18.
9. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг. : сборник документов и материалов. – Оренбург : Оренбургское литературное агентство, 2005. – Т. 1. – 285 с.
10. Покровский, В. И. Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения / В. И. Покровский // Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. – СПб. : Тип. В. Киришаума, 1897. – С. 171–238.
11. Рыбаковский, Л. Л. Региональная дифференциация результативности демографических процессов / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова // Социально-трудовые исследования. – 2020. – № 3 (40). – С. 8–17.
12. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 256.
13. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Естественное движение населения Российской Федерации. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения 21.04.2025).
14. Статистика Российской империи. XXXVIII. Движение населения Европейской России за 1892 год. – СПб. : Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1896. VI. – 211 с.
15. Обзор Тобольской губернии за 1892 год. Тобольск : Губ. стат. ком., 1893. – [3], 19, [52] с.
16. Журавлева, В. А. Причины смерти городского населения Урала в 1920–1930-е гг. / В. А. Журавлева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2009. – № 32 (165). – С. 10–15.
17. Макарова, Н. Н. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930–1935) / Н. Н. Макарова // Социум и власть. – 2009. – № 3 (23) – С. 96–100.
18. Денисевич, М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). / М. Н. Денисевич. – Екатеринбург : УрО АН СССР, 1991. – 195 с.

Назаренко Назар Николаевич – доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры биохимии им. Р. И. Лифшица, Южно-Уральский государственный медицинский университет (Челябинск), e-mail: 1000nnn@rambler.ru. ORCID 0000-0002-2425-3649

Поступила в редакцию 5 сентября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260101

THE EFFICIENCY OF THE NATURAL MOVEMENT OF THE URAL POPULATION DURING THE 1927–1934

N. N. Nazarenko

South Ural State Medical University, Chelyabinsk, Russian Federation

The problem of the natural movement of the population of the Ural Oblast of the RSFSR and the Bashkir ASSR in 1927–1934 is considered and an assessment is made using the coefficient of its efficiency (KRED), used in modern Russian demography to assess the demographic situation in regions of Russia. It is shown that the socio-economic processes of collectivization and industrialization that took place in the USSR in the late 1920s and early 1930s did not catastrophically

affect the natural movement efficiency of the Ural's population. There was a short-term demographic crisis in the cities of the Urals in 1933. In rural areas, there was a decrease in the efficiency of the natural movement of the population in certain regions of the Middle Urals.

Based on the dynamics of the effectiveness of the natural movement of the population, the situation in cities cannot be considered the beginning of a demographic transition, and the local short-term decline in the effectiveness of the natural movement of the population of the Urals in 1933 is a demographic crisis not of collectivization and rural populations, but primarily of industrialization (cities and adjacent urbanized regions). For the entire period under review, the population of the Urals as a whole is characterized by a fairly high rate of natural growth with a total increase in the urban population of about 140 thousand people and rural – 1 million. 260 thousand people. The effectiveness of the natural movement of the population of the Urals in the considered catastrophic 1933 was much better than in 2023 and 1892. Based upon the dynamics of the effectiveness of the natural movement of the population, the situation in cities cannot be considered the beginning of a demographic transition, and the local short-term decline in the effectiveness of the natural movement of the population of the Urals in 1933 is not a demographic crisis of collectivization and rural populations, but primarily of industrialization cities and adjacent urbanized regions. For the entire period under review, the population of the Urals as a whole is characterized by a fairly high rate of natural growth with a total increase in the urban population of about 140 thousand people and rural – 1 million. 260 thousand people. The effectiveness of the natural movement of the population of the Urals in the considered catastrophic 1933 was much better than in 2023 and 1892.

Keywords: birth rate; mortality; natural population movement; 1920s-30s; 1933; Urals; Ural Oblast of the RSFSR; Bashkir ASSR.

References

1. Motrevich V.P. Ural'skaya oblast' RSFSR (k 90-letiyu obrazovaniya) [Ural Region of Russia (the 90th Anniversary of the Formation)] // *Agrarnyy vestnik Urala*. 2013. № 11 (117). P. 45–49.
2. Kornilov G.E. Demograficheskie katastrofy v XX veke na Urale [The Demographic Catastrophes of the XXth Century in the Urals Region] // *Ezhгодnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*. 2016. № 1. P. 490–502.
3. Baranov E.Y. Naselenie i obshchestvennye transformatsii v SSSR: demograficheskie krizisy v usloviyakh «sotsialisticheskikh» preobrazovaniy 1930-kh gg. (na materialakh Urala) [Population and Social Transformations in the USSR: Demographic Crises During the «Socialist» Transformations of the 1930-ies (on Materials of the Urals Region)] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2012. № 3 (104). P. 219–227.
4. Baranov E.Y. Krest'yanstvo, sotsial'nye transformatsii i golod v nachale 1930-kh gg. v SSSR (na materialakh Urala) [Peasantry, Social Transformations and Famine in the Early 1930s in the USSR (Based on Materials from the Urals)] // *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2019. № 1. P. 1–16. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28498 (date of accessed: 21.04.2025).
5. Kornilov G.E. Transformatsiya demograficheskikh struktur v gorodskikh poseleniyakh (na materialakh Ural'skoy oblasti v 1923–1934 godakh) [Transformation of Demographic Structures into Urban Settlements (Based on the Materials of the Ural Region in 1923–1934)] // *Istoricheskiy kur'er*. 2021. № 4 (18). P. 121–132.
6. Azhigulova A.I. Demograficheskie protsessy na Yuzhnom Urale vo vtoroi polovine 1920-kh – 1930-eg. [Demographic Processes in the Southern Urals in the Second Half of the 1920s – 1930s.]: dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2019. 223 P.
7. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE) [Russian State Archive of Economics (RSAE)]. F. 1562. O. 20. D. 41.
8. RGAE [RSAE]. F. 1562. O. 329. D. 18.
9. Agrarnoe razvitiye i prodovol'stvennoye obespecheniye naseleniya Urala v 1928 – 1934 gg. [Agrarian Development and Food Supply of the Population of the Urals in 1928–1934]: sbornik dokumentov i materialov. Orenburg: Orenburg Literary Agency, 2005. Vol. 1. 285 p.
10. Pokrovskiy V.I. Vliyanie kolebaniy urozhaya i khlebynykh tsen na estestvennoe dvizheniye naseleniya [The Impact of Fluctuations in Harvest and Grain Prices on the Natural Movement of the Population] // *Vliyanie urozhayev i khlebynykh tsen na nekotorye storony russkogo narodnogo khozyaystva*. Saint Petersburg: V. Kirshbaum Publishing House, 1897. P. 171–238.
11. Rybakovskii L.L., Kozhevnikova N.I. Regional'naya differentsiatsiya rezul'tativnosti demograficheskikh processov [Regional Differentiation of Efficiency of Demographic Processes] // *Sotsial'no-trudovye issledovaniya*. 2020. Vol. 40, № 3. P. 8–17.

12. RGAE [RSAE]. F. 1562. O. 329. D. 256.
13. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat). Estestvennoe dvizhenie naseleniya Rossiyskoy Federatsii [Federal State Statistics Service (Rosstat). Natural movement of the population of the Russian Federation]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (date of accessed: 21.04.2025).
14. Statistika Rossiyskoy imperii. XXXVIII. Dvizhenie naseleniya Evropeyskoy Rossii za 1892 god [Statistics of the Russian Empire. XXXVIII. The Population Movement of European Russia in 1892]. Saint Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1896. VI. 211 p.
15. Obzor Tobol'skoy gubernii za 1892 god [Overview of Tobolsk Province for 1892.]. Tobol'sk: Provincial Statistical Committee, 1893. [3], 19, [52] p.
16. Zhuravleva V.A. Prichiny smerti gorodskogo naseleniia Urala v 1920–1930-e gg. [Reasons of Mortality of Ural Urban Population in 1920–1930s] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnye nauki"*. 2009. № 32 (165). P. 10–15.
17. Makarova N.N. Demograficheskaya kharakteristika Magnitogorska: analiz prichin smertnosti i rozhdaemosti (1930–1935) [Demographic Characteristic of Magnitogorsk: Analysis of the Reasons of Mortality and Birth-Rate (1930–1935)] // *Sotsium i vlast'*. 2009. № 3 (23). P. 96–100.
18. Denisevich M.N. Individual'nye khozyaystva na Urale (1930–1985 gg.) [Individual Farms in the Urals (1930–1985)]. Ekaterinburg: UrO AS USSR, 1991. 195 p.

Nazar N. Nazarenko – D. Sc. (Biology), Associate Professor, Professor of the Biochemistry Department named after R. I. Lifshits, South Ural State Medical University (Chelyabinsk), e-mail: 1000nnn@rambler.ru

Received September 5, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Назаренко, Н. Н. Результативность естественного движения населения Урала в 1927–1934 гг. / Н. Н. Назаренко // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 6–14. DOI: 10.14529/ssh260101

FOR CITATION

Nazarenko N. N. The efficiency of the natural movement of the Ural population during the 1927–1934. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 1, pp. 6–14. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260101

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ НКВД 1937–1938 гг.

А. С. Лубнин

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

В статье анализируются архивно-следственные дела жертв массовых политических репрессий, осужденных в 1937–1938 гг. в рамках проведения «Национальных» операций НКВД. Несмотря на большое количество опубликованных документов, имеющих прямое и косвенное отношение к репрессиям эпохи Большого террора, вне поля зрения исследователей остается большой пласт документов ГААОСО, исследование которых поможет ликвидации пробелов в исследованиях региональной истории Свердловской области 1937–1938 гг. На основе исследованных материалов автор делает вывод о том, что архивно-следственные дела жертв политических репрессий обладают большим исследовательским потенциалом и позволяют рассмотреть национальные операции НКВД сквозь призму их отдельных жертв. Документы позволяют увидеть, что наиболее распространенным обвинением в отношении арестованных была их причастность к осуществлению контрреволюционных преступлений в пользу иностранных государств. Поведение подследственных на допросах было двойственно. Одни признавали свою вину в инкриминируемых им преступлениях, сообщая следствию о совершенных ими деяниях. Другие заявляли о своей невинности, отрицая обвинения, выдвигаемые против них. Чаще всего обвиняемые приговаривались к высшей мере наказания, а позднее – подлежали посмертной реабилитации.

Ключевые слова: Государственный архив административных органов Свердловской области, национальные операции, НКВД, репрессии, реабилитация.

Введение

Наряду с Великой Отечественной войной пристальное внимание ученых-советологов приковано к теме массовых политических репрессий довоенных и послевоенных лет. Одним из факторов столь повышенного интереса к этой странице советской истории можно назвать их масштабы. По подсчетам исследователей этого вопроса, в период с 1921 по 1954 гг. сотрудниками НКВД было расстреляно от более 800 тыс. [1] до более 1 млн человек [2].

Наибольший масштаб репрессий пришелся на 1937 и 1938 гг. В мировой историографии этот период получил название «Большой террор» [3]. В отечественной историографии пик репрессий принято обозначать термином «ежовщина» [4]. Согласно данным ученых, в течение этих двух лет был репрессирован 1 млн 600 тыс. человек, из которых 700 тыс. было расстреляно [5].

Одной из самых известных страниц «Большого террора» можно назвать репрессивные акции против раскулаченных крестьян. Они вошли в историю как «кулацкая операция» и проводились в соответствии с действием приказа НКВД СССР № 004447 от 30 июля 1937 г. [6]. По оценкам исследователей, в ходе этой операции было арестовано свыше 800 тыс. человек. Сама же «кулацкая» операция унесла жизни от 350 тыс. [7] до 443 тыс. человек [8].

Но при наличии большого пласта опубликованных исторических источников и написанной литературы, в теме т. н. «сталинских репрессий»

по сей день остаются малоизученные эпизоды. К таковым можно отнести т. н. «национальные операции» НКВД, начавшиеся в июле 1937 г. и окончившиеся в ноябре 1938 г. Это была серия репрессивных акций, направленных против советских граждан определенных национальностей. По оценкам ученых, в результате этих операций пострадали сотни тысяч невинных граждан [8].

Целью настоящей статьи является изучение оперативных приказов, шифротелеграмм и директив НКВД СССР, а также архивно-следственных дел жертв политических репрессий как основных исторических источников. Помимо их изучения, целью является определение их исследовательского потенциала для дальнейшего изучения национальных операций НКВД.

Обзор литературы

Большой вклад в изучение этой темы был внесен отечественными учеными. Они рассматривали политические репрессии как в масштабах всей страны [9], так и на уровне отдельных регионов, таких как, например, Свердловская область [10]. В своих трудах историки затрагивали самые различные аспекты репрессий, например, они рассматривали вопросы правомерности проводившихся арестов [11]. Помимо этого, ученые изучали гендерную принадлежность жертв репрессий [12] и источниковую базу для изучения самой темы национальных операций [13]. Также исследователи прослеживали судьбы репрессированных [14].

Не меньший вклад в разработку темы национальных операций внесли и мировые исследователи. Они изучали вопросы характеристики репрессий [15], а также соотношения представителей репрессированных национальностей с общим количеством жертв [16]. Помимо этого, в их трудах исследовалась корреляция между национальностью репрессированных и основанием для их последующего ареста [17].

Методы исследования

В рамках написания настоящей статьи были использованы общенаучные и специально-исторические методы. В качестве основного общенаучного метода был использован нарративный, или же описательно-повествовательный метод [18]. Его использование обусловлено необходимостью демонстрации инкриминируемых обвинений, линии поведения подсудимых и их показаний, а также оснований, послуживших для их реабилитации. В качестве основного специально-исторического метода использован историко-сравнительный метод [19]. Его использование обусловлено диаметрально противоположным поведением обвиняемых на предварительном следствии.

Результаты и дискуссия

Рассматривая национальные операции НКВД, необходимо обратить внимание и на политику Большого террора как таковую. Обращаясь к этой теме, исследователи давали разные ответы на вопросы о том, чем был Большой террор и на ком лежит ответственность за его организацию и проведение [20]. Помимо этого, вокруг темы Национальной операции велась дискуссия о т. н. этнизации сталинизма, т. е. представления репрессий «по национальным линиям» как формы этнических чисток. Эта концепция нашла в исследовательском сообществе как сторонников [21], так и противников [22].

Первой крупной национальной операцией, проведенной сотрудниками НКВД, был комплекс репрессивных мер, направленный против этнических немцев. Его правовой основой стал Оперативный приказ НКВД № 00439, датированный 25 июля 1937 г. [23]. В его преамбуле нарком внутренних дел СССР Н. И. Ежов писал о подрывной деятельности Германии на территории СССР.

По его словам, эта деятельность осуществляется руками агентов Гестапо и немецкого Генерального штаба. Для пресечения подобной деятельности нарком поручил своим подчиненным в течение трех дней провести перепись германских подданных, работающих на советских предприятиях. Помимо этого, Н. И. Ежов обязал провести серию арестов указанных лиц, начиная с 29 июля 1937 г. Сама операция должна была быть окончена 2 августа того же года.

Помимо основного документа по немецкой операции, самого Оперативного приказа, исследователю темы преследования советских немцев

в столице СССР и его регионах также следует обратить внимание и на уголовные дела репрессированных. Ученому, изучающему репрессии против немцев Свердловской области, следует обратиться в Государственный архив административных органов Свердловской области.

Одно из дел, способных привлечь внимание ученого, хранится в фонде Р-1 под номером 23978. Обвиняемым по нему стал Д. Р. Кайзер, бухгалтер Богословского рудоуправления. Согласно ордеру на арест, мужчина был заключен под стражу 27 декабря 1937 г. [24, л. 3]. На допросе от 10 января 1938 г. арестованный признался в участии в деятельности контрреволюционной организации, выполнявшей задания диверсионного и шпионского характера в пользу Германии [24, л. 7].

Говоря о причинах, побудивших его выполнять указанные поручения, мужчина назвал желание помочь этнической родине. В качестве своих задач, поставленных перед ним как перед участником организации, подсудимый называл создание на рудоуправлении повстанческих групп из числа боеспособной молодежи, а также осуществление их руками диверсий на предприятии [24, л. 16].

Помимо протокола допроса арестованного, в его деле находится Заключение Военной коллегии Верховного суда СССР от 11 января 1957 г. Согласно этому документу, вербовщик Д. Р. Кайзера, Д. Х. Фромиллер, был репрессирован как распространитель антисоветской пропаганды, а не иностранный шпион. Помимо этого, другие участники организации, названные осужденным, во время допроса не называли бухгалтера одним из членов организации. Вместе с этим в материалах МВД и КГБ СССР отсутствовали компрометирующие материалы на Д. Р. Кайзера. На основании всего вышеперечисленного Военным трибуналом бухгалтер был посмертно оправдан и реабилитирован [24, л. 166].

Немецкая операция НКВД завершилась в ноябре 1938 г. Причиной этому послужило вступление в силу директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 15 ноября. Согласно ей, партийным и советским органам СССР предписывалось приостановить ведение уголовных дел в ускоренном порядке [25]. Также окончание немецкой операции ознаменовалось публикацией 26 ноября приказа НКВД № 00762, согласно которому, приказ № 00439 объявлялся утратившим силу [25]. По оценкам исследователей, за период с июля 1937 г. по ноябрь 1938 г. было осуждено 56 тыс. 747 человек, из которых 41 тыс. 898 человек расстреляли [8].

Вслед за немецкой операцией сотрудниками НКВД был осуществлен комплекс репрессивных мер, жертвами которого стали советские поляки. Польская операция началась 11 августа 1937 г. – в день выхода Оперативного приказа НКВД № 00485 [23]. В предисловии к нему Н. И. Ежов

сообщал о деструктивной деятельности «Польской организации войсковой» на территории СССР. Нарком писал, что эту деятельность ПОВ осуществляет по прямому указанию польских спецслужб.

Для устранения подобного рода угрозы для СССР Н. И. Ежов обязал в течение трех месяцев провести серию арестов участников ПОВ. По словам наркома, в эту организацию входили представители самых разных социальных групп. В частности, Н. И. Ежов относил к членам ПОВ бывших польских военнопленных, политэмигрантов, членов польских партий, а также польских националистов. Сама операция должна была быть окончена 20 ноября 1937 г.

Безусловно, Оперативный приказ НКВД № 00485 имеет большую ценность как основной документ для изучения репрессий против советских поляков. Однако столь же важными источниками для исследования польской операции являются архивно-следственные дела репрессированных поляков. Уголовные дела в отношении лиц, преследуемых в рамках польского дела на территории Свердловской области, также находятся в фонде Р-1 ГААОСО.

Одним из таких дел является дело № 26903 по обвинению Е. Л. Бродовской, директрисы химического завода г. Кировграда. Из материалов уголовного дела следует, что женщина была арестована 25 мая 1937 г. [26, л. 3]. Из обвинительного заключения следует, что она была завербована в контрреволюционную организацию троцкистов-зиновьевцев, которую возглавлял 1-й заместитель наркома тяжелой промышленности СССР Г. Л. Пятаков. Будучи завербованной в организацию, Е. Л. Бродовская произвела ряд диверсионно-вредительских действий, в результате которых приостановилась деятельность некоторых заводов и химических комбинатов [26, л. 207].

Помимо обвинительного заключения, в материалах уголовного дела присутствует Заключение ВКВС СССР от 5 мая 1956 г., согласно которому Г. Л. Пятаков на предварительном следствии показаний против директрисы не дал. Вместе с этим проверкой было установлено отсутствие человеческого фактора в эпизодах, интерпретировавшихся государственным обвинением как диверсия. Вдобавок ко всему из Заключения было видно нарушение следователями НКВД принципа социалистической законности по отношению к людям, давшим показания против директрисы. На этих основаниях Е. Л. Бродовская была посмертно реабилитирована [26, л. 211–212].

Как и предыдущая, польская операция НКВД закончилась в ноябре 1938 г. Ее окончание ознаменовалось выходом директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 15 ноября [25]. Также окончание польской операции было связано со вступлением в силу приказа НКВД № 00762 [25]. По под-

счетам исследователей, ее жертвами стали 143 тыс. 810 человек. Количество людей, лишенных жизни, равняется 111 тыс. 071 человеку [8].

Третьей в череде национальных операций стала операция по репрессированию бывших работников КВЖД и реэмигрантов из г. Харбина. Она была начата 20 сентября 1937 г. одновременно с выходом Оперативного приказа № 00593 [23]. В предисловии к нему Н. И. Ежов сообщал о подрывной деятельности Японии, проводившейся на территории СССР. По словам наркома, эта деятельность осуществлялась руками антисоветски настроенных граждан.

Для пресечения этой деятельности Н. И. Ежов приказал сотрудникам НКВД с 1 октября 1937 г. провести серию арестов бывших жителей Харбина. К таковым относились члены левых и правых политических объединений, вооруженных и силовых организаций, бывшие бизнесмены, уголовники, а также служители религиозных культов. Помимо этого, аресту подлежали нелегальные иммигранты, торговцы наркотиками и китайские подданные, принявшие советское гражданство. Сама операция должна была быть окончена 25 декабря 1937 г.

Ценность Оперативного приказа НКВД № 00593 как основного документа для изучения харбинской операции не подлежит сомнению, однако не меньшим исследовательским потенциалом при изучении харбинского дела обладают и архивно-следственные дела реэмигрантов, работавших на КВЖД. Уголовные дела на харбинцев, подвергшихся репрессиям в Свердловской области, также находятся в фонде Р-1 ГААОСО.

Одним из таких дел является архивно-следственное дело под номером 39750. Его фигурантом стал А. И. Варшавский, зубной техник Научной лаборатории нержавеющей стали г. Свердловска. В материалах дела имеется информация о том, что мужчина был взят под арест 2 октября 1937 г. [27, л. 3]. На допросах, прошедших 25, 26 и 28 октября того же года, ему были предъявлены обвинения в осуществлении шпионажа в пользу Польши.

На первых двух допросах мужчина отрицал эти обвинения, но на третьем все же признал свою вину, сообщив о своей вербовке С. С. Ассом. Говоря о преступлениях, совершенных им в качестве резидента польской разведки, мужчина сообщил о сборе и передаче С. С. Ассу информации о численности воинских частей Свердловского гарнизона. Помимо этого, арестованный рассказал о том, что выявлял среди свердловских рабочих и служащих антисоветски настроенных людей и сообщал о них своему вербовщику [27, л. 16–17]. Помимо протокола допроса, к материалам дела было приобщено Заключение, датированное 16 мая 1989 г., согласно которому А. И. Варшавский попал под действие Указа Президиума ВС СССР от 16 января 1989 г. [27, л. 20].

Харбинская операция, как и немецкая и польская, окончилась в ноябре 1938 г. в связи с выходом 15 ноября директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) [25], а также приказа НКВД № 00762 26 ноября [25]. Согласно исследованиям, в ходе ее проведения было репрессировано 49 тыс. 470 человек. Из этого числа 31 тыс. 226 человек расстреляли [8].

Четвертой из операций «по национальным линиям» стала кампания служащих НКВД против советских латышей. Днем ее начала стало 30 ноября 1937 г., а ключевым документом – шифротелеграмма НКВД № 49990 [23]. В предисловии к ней Н. И. Ежов сообщал о деструктивной деятельности латвийских спецслужб, правотроцкистских и националистических объединений в СССР. По словам наркома, эти мероприятия осуществляются антисоветски настроенными латышами.

Для предотвращения этой деятельности Н. И. Ежов поручил провести с 3 декабря 1937 г. серию арестов советских латышей. По указанию наркома аресту подлежали политические эмигранты из Латвии, латышские стрелки, руководители и члены латышских национальных клубов. Помимо этого, глава НКВД предписывал арестовывать акционеров обществ «Продукт» и «Лесопродукт». Сама операция, по словам Н. И. Ежова, должна была закончиться 5 декабря 1937 г.

Вне всяких сомнений, шифротелеграмма № 49990 как основной документ по изучению латышской операции имеет большую ценность для исследователя. Однако столь же важным историческим источником могут быть архивно-следственные дела, возбужденные против советских латышей. Дела в отношении представителей одного из народов стран Балтии, репрессированных в Свердловской области, хранятся в фонде Р-1 ГААОСО.

Одно из таких дел находится в фонде архива под номером 27404. Обвиняемым по нему стал Ю. А. Бедрит, бывший школьный учитель п. Ауэрбах, на момент ареста находившийся на пенсии. Сам арест произошел 3 декабря 1937 г. [28, л. 3]. На допросе от 10 декабря 1938 г. мужчине было предъявлено обвинение в участии в деятельности контрреволюционной организации, выполнявшей поручения латышского государства. В ответ на это бывший учитель заявлял о своей непричастности к инкриминируемым ему обвинениям [28, л. 7].

Помимо протокола допроса, в материалах уголовного дела присутствует Заключение ВКВС СССР от 29 октября 1957 г., согласно которому арестованный и впоследствии казненный бывший учитель был привлечен к уголовной ответственности при отсутствии объективных доказательств его вины. На этом основании Ю. А. Бедрит был по-смертно реабилитирован [28, л. 84].

Как и три другие национальные операции, латышская операция НКВД окончилась в ноябре

1938 г. Это было связано со вступлением в силу 15 ноября директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) [25]. Также окончание репрессий против советских латышей стало следствием публикации 26 ноября приказа НКВД № 00762 [25]. По подсчетам исследователей, за период ее проведения было осуждено 22 тыс. 353 человека. Из их числа 16 тыс. 575 человек было расстреляно [8].

Вслед за предыдущими операциями сотрудниками НКВД был предпринят комплекс мер по репрессированию советских греков. Он начался 11 декабря 1937 г. одновременно с изданием почтотелеграммы НКВД № 50215 [29]. В ее преамбуле Н. И. Ежов писал о подрывной деятельности греческих спецслужб на территории СССР. Нарком утверждал, что эта деятельность осуществляется советскими греками в интересах английской, германской и японской разведок.

Для прекращения этой деятельности Н. И. Ежов поручил своим подчиненным, начиная с 15 декабря 1938 г. провести серию арестов представителей греческого населения СССР. По словам наркома, арестованы должны были быть политические эмигранты, сотрудники Иностранного отдела НКВД и Разведуправления РККА. Помимо этого, сотрудники НКВД должны были арестовать раскулаченных советских греков, а также греков, занимавшихся валютной, спекулятивной и пропагандистской деятельностью.

Несомненно, изучение текста телеграммы № 50215 является одной из первостепенных задач для ученого – исследователя греческой операции НКВД, поскольку это – ее основной документ. Однако столь же важными историческими источниками для ее изучения могут быть архивно-следственные дела репрессированных советских греков. Уголовные дела в отношении греков, которые были репрессированы в Свердловской области, также находятся в фонде Р-1 ГААОСО.

Одно из таких дел находится в фонде архива под номером 40357. Его фигурантом был Д. И. Юрьев, заведующий конным двором нижнетагильского совхоза. Его арест произошел 5 января 1938 г. [30, л. 3]. На допросе, датированном 10 января 1938 г., мужчине было предъявлено обвинение в членстве в организации, осуществлявшей контрреволюционную деятельность в пользу Германии.

Мужчина признал свою вину, однако причины, побудившей его присоединиться к указанной организации, не назвал. В качестве действий, совершенных им в статусе резидента немецкой разведки, Д. И. Юрьев назвал поджог здания конного двора. Также арестованный сообщил о проведенной им подготовке рабочих двора к вооруженному выступлению против советской власти на случай войны СССР и капиталистических стран [30, л. 5–6].

Помимо протокола допроса, к материалам дела заведующего конным двором приобщено Заключение о приведении в исполнение расстрель-

ного приговора в его отношении [30, л. 14]. Также в материалах дела присутствует свидетельство о распространении на осужденного указа от 16 января 1989 г., на основании чего он и был посмертно реабилитирован [30, л. 15].

Греческая операция НКВД, как и предыдущие, подошла к концу в ноябре 1938 г. в связи с выходом 15 ноября директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) [25]. Также окончание греческой операции ознаменовалось выходом 26 ноября приказа НКВД № 00762 [25]. Согласно данным исследователей, за время проведения этой операции было осуждено 12 тыс. 867 человек. Из них 10 тыс. 545 человек было расстреляно [8].

Выводы

Обобщая исследование операций НКВД «по национальным линиям», можно сделать несколько выводов. В первую очередь, следует сказать о том, что каждая кампания имеет большое количество исторических источников. В их число входят Оперативные приказы НКВД, телеграммы и директивы, а также архивно-следственные дела жертв репрессий. Исследуя эти документы, ученые смогут определить причины проведения той или иной репрессивной кампании, а также узнать категории лиц, становившихся объектом репрессий. Изучая уголовные дела, исследователи смогут узнать о судьбах отдельных людей, репрессированных в рамках национальных операций НКВД.

Помимо этого, важно сказать о том, что, кроме рядовых сотрудников НКВД, в организацию и проведение национальных операций были вовлечены высшие эшелоны государственных ведомств. Подобный вывод можно сделать из того, что документы, имеющие отношение к национальным операциям, подписывались Н. И. Ежовым. Помимо этого, в подтверждение тезиса о вовлеченности руководства НКВД в организацию и проведение национальных операций говорит то, что в текстах приказов и директив, знаменующих начало каждой операции, Н. И. Ежов требовал от руководителей региональных УНКВД отчетов о ходе и результатах оперативных мероприятий.

Вместе с этим, изучая дела людей, репрессированных в ходе проведения национальных операций, исследователь сможет увидеть, что жертвами операций становились люди, относящиеся к различным социальным группам. Анализируя анкеты арестованных, ученый увидит, что обвиняемыми были как представители рабочего класса, так и те, кого можно отнести к интеллигенции.

Также, изучив протоколы допросов обвиняемых, исследователь узнает, что наиболее частым обвинением в адрес арестованных была причастность к осуществлению т. н. «контрреволюционной» деятельности. Также, анализируя материалы уголовных дел, ученый может увидеть, что наиболее часто применяемой мерой наказания для жертв национальных операций была смертная казнь.

Помимо этого, необходимо отметить и то, что уже при жизни и особенно после смерти И. В. Сталина общественно-политическая система начала постепенную и частичную демократизацию. Одним из наиболее ярких проявлений этой демократизации стало принятие 27 марта 1953 г. Верховным Советом СССР Постановления об амнистии, предложенного Министром внутренних дел СССР Л. П. Берией [31].

По проекту Министра предлагалось освободить 1 млн человек, осужденных на срок до 5 лет за «неполитические» преступления, беременных женщин, матерей с детьми младше 10 лет. Помимо этого, предполагалось освободить несовершеннолетних, осужденных преклонного возраста и страдающих неизлечимыми заболеваниями. Согласно исследованиям, в этот день было освобождено 1 млн 349 тыс. 263 человека [32].

По-настоящему широко процесс, получивший в литературе название «десталинизация» [33], развернулся в годы «оттепели». 25 февраля 1956 г. Н. С. Хрущев огласил доклад «О культе личности и его последствиях», в котором озвучил факт проведения в СССР массовых политических репрессий. Помимо факта их признания, доклад Первого секретаря ЦК КПСС примечателен тем, что в нем репрессии 1920–1930-х гг. были оценены как акт террора [34].

Однако ценность и важность доклада Н. С. Хрущева заключается не только в факте признания и осуждения репрессивной политики И. В. Сталина. После его публикации Президиумом ВС СССР был принят ряд Указов и Постановлений о восстановлении в правах народов, подвергшихся репрессиям в годы Великой Отечественной войны [35].

К сожалению, в годы, когда Генеральными секретарями ЦК КПСС были Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов и К. У. Черненко, десталинизация общества и государства замедлилась, однако вследствие политики гласности обсуждение эпохи И. В. Сталина вновь стало возможным.

Новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, провозгласивший курс на перестройку социально-политического устройства СССР, не мог остаться в стороне от этих дискуссий. Вследствие этого 28 сентября 1987 г. с санкции Политбюро ЦК КПСС была создана специальная комиссия, посвятившая себя исследованию материалов, связанных со сталинскими репрессиями [36].

Результатом деятельности этой комиссии стало вступление в силу Постановления Политбюро ЦК КПСС от 11 июля 1988 г., провозгласившего продолжение политики реабилитации жертв репрессий. Всего за время работы указанной комиссии было реабилитировано 1 млн 354 тыс. 902 человека [36]. 16 января 1989 г. Президиумом ВС СССР был принят Указ, предусматривающий

прижизненную или посмертную реабилитацию жертв репрессий 1930-х, 1940-х и 1950-х гг. [37]. За это время, по оценкам исследователей, было реабилитировано 1 млн 500 тыс. человек [8].

Литература

1. Земсков, В. Н. Масштаб политических репрессий в СССР (правда и домыслы) / В. Н. Земсков // Труды Института российской истории. – 2012. – № 10. – С. 303–318.
2. Жемкова, Е. А. Между сочувствием и равнодушием – реабилитация жертв советских репрессий / Е. А. Жемкова, А. Б. Рогинский. – URL: https://www.memo.ru/media/uploads/2017/08/22/mezh-hdu-sochuvstviem-i-ravnodushuem_reabilitacia-zhertv-sovetskikh-repressiy.pdf (дата обращения: 01.10.2025).
3. Конквест, Р. Большой террор / Р. Конквест; пер. с англ. Л. Владимиров. – Рига: Ракстникс, 1991. – 428 с.
4. Днепровец, А. Ежовщина. Забыть нельзя... / А. Днепровец. – Мюнхен: Типография ЦОПЭ, 1958. – 58 с.
5. Хлевнюк, О. В. Большой террор: Сталин, Ежов и массовые операции НКВД / О. В. Хлевнюк // Живая история (Приложение к журналу «Живая история»). – 2017. – № 2. – С. 2–11.
6. Книга памяти жертв политических репрессий: Российская Федерация, Ульяновская обл. / под ред. Ю. М. Золотова. – Ульяновск: Дом печати: Прокуратура Ульян. обл., 1996. – 1023 с.
7. Биннер, Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447 / Р. Биннер, Г. А. Бордюгов, М. Юнге. – М.: Новый Хронограф, 2008. – 784 с.
8. Кривенко, С. В. Статистика национальных операций НКВД 1937–1938 годов / С. В. Кривенко, С. Б. Прудовский. – URL: <https://lib.memo.ru/media/book/27344.pdf> (дата обращения: 01.10.2025).
9. Репрессии против поляков и польских граждан: сборник статей / Л. С. Еремина. – М.: Звенья, 1997. – 247 с.
10. Чевардин, А. В. Поляки и польские граждане в Свердловской области в 1938–1948 гг. / А. В. Чевардин – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. – 224 с.
11. Чевардин, А. В. К вопросу о существовании на Урале «Польской военной организации» (ПОВ) в 1930-е гг. / А. В. Чевардин // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы V региональной научной конференции. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2003. – С. 380–382.
12. Мотревич, В. П. Осужденные уроженки Германии в Свердловской области (по материалам архивно-следственных дел) / В. П. Мотревич // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: материалы XII Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – Калининград: Изд-во Балтийского федерального ун-та им. И. Канта, 2019. – С. 175–178.
13. Мотревич, В. П. Источники по истории репрессий против поляков и польских граждан на Среднем Урале / В. П. Мотревич // Каторга и ссылка на Севере России. – Архангельск, 2003. Т. 1. – С. 283–285.
14. Мотревич, В. П. Судьбы оставшихся в СССР военнопленных Первой мировой войны (по материалам архивно-следственных дел ГААОСО) / В. П. Мотревич // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2019. – № 3. – С. 83–91.
15. Неймарк, Н. Геноцид: всемирная история / Н. Неймарк; пер. с англ. И. С. Давидян. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 256 с.
16. Мартин, Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин; пер. с англ. О. Р. Щелоковой. – М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 855 с.
17. Снайдер, Т. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным / Т. Снайдер; пер. с англ. Л. Ю. Журнаджи. – Киев: Дуліби, 2015. – 584 с.
18. Теория и методология истории: учебник для вузов / В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. – Волгоград: Учитель, 2014. – 504 с.
19. Мазур, Л. Н. Методы исторического исследования: учебное пособие / Л. Н. Мазур. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. – 608 с.
20. Степанов, М. Г. Большой террор в СССР (1937–1938 гг.): проблемы концептуального осмысления в современной российской историографии / М. Г. Степанов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 8 (34), ч. 2. – С. 179–181.
21. Баберовски, Й. Красный террор: История сталинизма / Й. Баберовски. – М.: РОССПЭН, 2007. – 278 с.
22. Потапова, Н. А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг.: механизмы, целевые группы и масштабы репрессий / Н. А. Потапова. – СПб.: Алетейя, 2020. – 252 с.
23. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. / Н. Верт, С. В. Мироненко Т. 1. – М.: РОССПЭН, 2004. – 728 с.
24. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). – Ф. Р-1. – Оп. 2 – Д. 23978.
25. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 / В. П. Наумов, Н. С. Плотникова, В. Н. Хаустов. – М.: МФД, 2004. – 738 с.

26. ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2 – Д. 26903.
27. ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2 – Д. 39750.
28. ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2 – Д. 27404.
29. Директива НКВД СССР № 50215 от 11 декабря 1937 года «Греческая операция НКВД». – URL: https://bessmertnybarak.ru/article/direktiva_nkvd_50215/ (дата обращения: 14.05.2025).
30. ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2 – Д. 40357.
31. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / А. Н. Яковлев. – М. : МФД, 1999. – 507 с.
32. Эли, М. Слух о бандитском разгуле в 1953–1954 гг. / М. Эли // Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории : сборник статей ; ред. кол. : И. В. Нарский и др. – Челябинск : Каменный пояс, 2011 – С. 146–147.
33. 50/50. Опыт словаря нового мышления / Ю. Н. Афанасьев, М. Ферро. – М. : Прогресс, 1989. – 557 с.
34. Хрушев, Н. С. О культе личности и его последствиях : доклад к XX съезду КПСС / Н. С. Хрушев. – URL: https://lib.ru/MEMUARY/HRU_SHEW/kult.txt (дата обращения: 01.10.2025).
35. Савина, Л. М. Правовые основы реабилитации репрессированных народов СССР в 1950–60-е годы / Л. М. Савина // Армия и общество. – 2014. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-reabilitatsii-repressirovannyh-narodov-sssr-v-1950-60-e-gody> (дата обращения: 01.10.2025).
36. Реабилитация: как это было : документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы : в 3 т. / под ред. А. Н. Яковлева. Т. 3. – М. : МФД : Материк, 2004. – 722 с.
37. Репрессии в Архангельске 1937–1938 : документы и материалы / под ред. Р. А. Ханталиной. – Архангельск : Изд-во Поморского гос. ун-та, 1999. – 289 с.

Лубнин Александр Сергеевич – аспирант исторического факультета, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), e-mail: aleksandr.lubnin@inbox.ru. ORCID 0009-0004-3695-396X

Поступила в редакцию 24 ноября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260102

ARCHIVAL DOCUMENTS OF STATE ARCHIVE OF THE ADMINISTRATIVE AGENCIES OF THE SVERDLOVSK REGION AS A SOURCE FOR THE STUDY OF NATIONAL OPERATIONS OF THE NKVD IN 1937–1938

A. S. Lubnin

*Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation*

The article analyzes the archival and investigative files of the victims of mass political repressions, convicted in 1937–1938 within the framework of the “National” operations of the NKVD. Despite the large number of published documents directly and indirectly related to the repressions of the Great Terror era, a large number of documents of the SAABSR remain out of the researchers’ field of vision, the study of which will help to eliminate gaps in the research of the regional history of the Sverdlovsk Oblast in 1937–1938.

On the basis of the researched materials, the author concludes that the archival-investigation files of the victims of political repressions have a great research potential and allow us to consider the NKVD national operations through the prism of their individual victims. The documents make it possible to see that the most common charge against those arrested was their involvement in carrying out counter-revolutionary crimes in favor of foreign countries. Most often, the accused were sentenced to capital punishment and later subjected to posthumous rehabilitation.

Keywords: State Archive of Administrative Bodies of the Sverdlovsk Region, National Operations, NKVD, repressions, rehabilitation.

References

1. Zemskov V.N. Masshtab politicheskikh repressiy v SSSR (pravda i domysly [The Scale of Political Repressions in the USSR (Truth and Speculation)] // *Trudy Instituta rossiyskoy istorii*. 2012. № 10. P. 303–318.
2. Zhemkova E.A., Roginsky A.B. Mezhdru sochuvstviem i ravnodushiem – reabilitatsiya zhertv sovetkikh repressiy [Between Sympathy and Indifference – Rehabilitation of Victims of Soviet Repressions]. URL: https://www.memo.ru/media/uploads/2017/08/22/mezhdu-sochuvstviem-i-ravnodushuem_reabilitacia-zhertv-sovetkikh-repressiy.pdf (date of accessed: 01.10.2025).
3. Konkvest R. Bol'shoy terror [The Great Terror]; per. s angl. L. Vladimirov. Riga: Rakstnieks, 1991. 428 p.
4. Dneprovets A. Ezhovshchina. Zabyt' nel'zya... [Yezhovshchina. It is Impossible to Forget...] / pod red. A. Dneprovtsa. Munich: TsOPE Printing House, 1958. 58 p.
5. Khlevnyuk O.V. Bol'shoy terror: Stalin, Ezhov i massovye operatsii NKVD [The Great Terror: Stalin, Yezhov, and the NKVD Mass Operations] // *Zhivaya istoriya (Prilozhenie k zhurnal "Zhivaya istoriya")*. 2017. № 2. P. 2–11.
6. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Rossiyskaya Federatsiya, Ul'yanovskaya obl. [Book of Remembrance of Victims of Political Repression: Russian Federation, Ulyanovsk Region]; pod red. Y.M. Zolotova. Ulyanovsk: Printing House: Ulyanovsk Region Prosecutor's Office, 1996. 1023 p.
7. Binner R., Bordyugov G.A., Junge M. Vertikal' bol'shogo terrora. Istoriya operatsii po prikazu NKVD № 00447 [The Vertical of the Great Terror. History of Operation by NKVD Order № 00447]. Moscow: New chronograph, 2008. 784 p.
8. Krivenko S.V., Prudovsky S.B. Statistika natsional'nykh operatsiy NKVD 1937–1938 godov [Statistics of National Operations of the NKVD in 1937–1938]. URL: <https://lib.memo.ru/media/book/27344.pdf> (date of accessed: 01. 10. 2025).
9. Repressii protiv polyakov i pol'skikh grazhdan [Repressions against Poles and Polish Citizens]: sbornik statey; pod red. L.S. Eremina. Moscow: Links, 1997. 247 p.
10. Chevardin A. V. Polyaki i pol'skie grazhdane v Sverdlovskoy oblasti v 1938–1948 gg. [Poles and Polish Citizens in the Sverdlovsk Region in 1938–1948]. Ekaterinburg: Bank of cultural information, 2010. 224 p.
11. Chevardin A.V. K voprosu o sushchestvovanii na Urale "Pol'skoy voennoy organizatsii" (POV) v 1930-e gg. [On the Issue of the Existence of the "Polish Military Organization" (POV) in the Urals in the 1930s] // *Ural industrial'nyy*. Bakuninskiye chteniya: materialy V regional'noy nauchnoy konferentsii. Ekaterinburg: Publishing house of the Humanitarian University, 2003. P. 380–382.
12. Motrevich V.P. Osuzhdennyye urozhentki Germanii v Sverdlovskoy oblasti (po materialam arkhivno-sledstvennykh del) [Convicted Women of German Descent in the Sverdlovsk Region (Based on Archival Investigative Files)] // *Zhenshchiny i muzhchiny v migratsionnykh protsessakh proshlogo i nastoyashchego: materialy XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Rossiyskoy assotsiatsii issledovateley zhenskoy istorii i Instituta ehtnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN*. Kaliningrad: Publishing House of the Immanuel Kant Baltic Federal University, 2019. P. 175–178.
13. Motrevich V.P. Istochniki po istorii repressiy protiv polyakov i pol'skikh grazhdan na Srednem Urale [Sources on the History of Repressions against Poles and Polish Citizens in the Middle Urals] // *Katorga i ssylka na Severe Rossii*. Arkhangelsk, 2003. Vol. 1. P. 283–285.
14. Motrevich V.P. Sud'by ostavshikhsvya v SSSR voennoplennykh Pervoy mirovoy voyny (po materialam arkhivno-sledstvennykh del GAAOSO) [The Fates of Prisoners of War from the First World War who Remained in the USSR (Based on Materials from the Archival and Investigative Files of the State Archives of the Russian Academy of Agricultural Societies)] // *Ehlektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu*. 2019. № 3. P. 83–91.
15. Neimark N. Genotsid: vseмирnaya istoriya [Genocide: A World History]; per. s angl. I.S. Davidyan. Moscow: AIRO-XXI, 2021. 256 p.
16. Martin T. Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939 [The Empire of "Positive Activity". Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939]; per. s angl. O.R. Shcheklovoy. Moscow: ROSSPEN: The Boris Yeltsin Presidential Center Foundation, 2011. 855 p.
17. Snyder T. Krovavyye zemli: Evropa mezhdru Gitlerom i Stalinyim [Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin]; per. s angl. L.Y. Zurnadzhi. Kyiv: Dulibi, 2015. 584 p.
18. Teoriya i metodologiya istorii [Theory and Methodology of History: a textbook for universities]: uchebnik dlya vuzov; pod red. V.V. Alekseeva, N.N. Kradina, A.V. Korotaeva, L.E. Grinina. Volgograd: Uchitel, 2014. 504 p.
19. Mazur L.N. Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of Historical Research]: uchebnoe posobie. Yekaterinburg: Ural University Press, 2010. 608 p.
20. Stepanov M.G. Bol'shoy terror v SSSR (1937–1938 gg.): problemy kontseptual'nogo osmysleniya v sovremennoy rossiyskoy istoriografii [The Great Terror in the USSR (1937–1938): Problems of Conceptual

Understanding in Contemporary Russian Historiography] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2013. № 8 (34), part 2. P. 179–181.

21. Baberowski Y. *Krasnyy terror: Istoriya stalinizma* [The Red Terror: A History of Stalinism]. Moscow: ROSSPEN, 2007. – 278 p.

22. Potapova N.A. “Kharbinskaya” operatsiya NKVD SSSR 1937–1938 gg.: mekhanizmy, tselevye gruppy i masshtaby repressiy [The NKVD’s “Harbin” Operation, 1937–1938: Mechanisms, Target Groups, and Scale of Repression]. Saint Petersburg: Aleteya, 2020. 252 p.

23. Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov [History of Stalin’s Gulag. Late 1920s – First Half of the 1950s]: sobranie dokumentov: v 7 t.; pod red. N. Vert, S.V. Mironenko. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN, 2004. 728 p.

24. Gosudarstvennyy arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoy oblasti (GAAOSO) [State Archives of Administrative Bodies of the Sverdlovsk Region (SAABSR)]. F. R-1. Op. 2 D. 23978.

25. Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD [Lubyanka. Stalin and the Main Directorate of State Security of the NKVD. 1937–1938] / pod red. V.P. Naumova, N.S. Plotnikovoy, V.N. Khaustova. Moscow: MFD, 2004. 738 p.

26. GAAOSO [SAABSR]. F. R-1. Op. 2. D. 26903.

27. GAAOSO [SAABSR]. F. R-1. Op. 2. D. 39750.

28. GAAOSO [SAABSR]. F. R-1. Op. 2. D. 27404.

29. Direktiva NKVD SSSR № 50215 ot 11 dekabrya 1937 goda “Grecheskaya operatsiya NKVD” [Directive of the NKVD of the USSR № 50215 of December 11, 1937 “Greek operation of the NKVD”]. URL: https://bessmertnybarak.ru/article/direktiva_nkvd_ssr_50215/ (date of accessed: 05.14.2025).

30. GAAOSO [SAABSR]. F. R-1. Op. 2. D. 40357.

31. Lavrentiy Beriia. 1953. Stenogramma iyul’skogo plenuma TSK KPSS i drugie dokumenty [Lavrenty Beria. 1953. Transcript of the July Plenum of the CPSU Central Committee and Other Documents] / pod red. A.N. Yakovleva. Moscow: MFD, 1999. 507 p.

32. Eli M. Slukh o banditskom razgule v 1953–1954 gg. [Rumor of a Bandit Rampage in 1953–1954] // *Neofitsial’naya kommunikatsiya i “krutye povoroty” rossiyskoy istorii: sbornik statey*; red. kol.: I.V. Narskiy i dr. Chelyabinsk: Stone Belt, 2011. P. 146–147.

33. 50/50. Opyt slovarya novogo myshleniya [50/50. An Experiment in the Dictionary of New Thinking] / pod red. Y.N. Afanasyeva, M. Ferro. Moscow: Progress, 1989. 557 p.

34. Khrushchev N.S. O kul’te lichnosti i ego posledstviyakh [On the Cult of Personality and Its Consequences]: doklad XX s’ezdu KPSS. URL: <https://lib.ru/MEMUARY/HRUSHEW/kult.txt> (date of accessed: 01.10.2025).

35. Savina L.M. Pravovye osnovy rehabilitatsii repressirovannykh narodov SSSR v 1950–60-e gody [Legal Foundations for the Rehabilitation of Repressed Peoples of the USSR in the 1950s and 1960s] // *Armiya i obshchestvo*. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-rehabilitatsii-repressirovannykh-narodov-sssr-v-1950-60-e-gody> (date of accessed: 01.10.2025).

36. Rehabilitatsiya: kak ehto bylo [Rehabilitation: How It Was]: dokumenty Prezidiuma TSK KPSS i drugie materialy: v 3 t. / pod red. A.N. Yakovleva. Vol. 3. Moscow: MFD: Mainland, 2004. 722 p.

37. Repressii v Arkhangel’ske 1937–1938 [Repressions in Arkhangel’sk, 1937–1938]: dokumenty i materialy / pod red. R.A. Khantalina. Arkhangel’sk: Publishing house of Pomor State University, 1999. 289 p.

Alexander S. Lubnin – Postgraduate Student of the Faculty of History, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), e-mail: aleksandr.lubnin@inbox.ru

Received November 24, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Лубнин, А. С. Архивные документы государственного архива административных органов Свердловской области как источник изучения национальных операций НКВД 1937–1938 гг. / А. С. Лубнин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 15–23. DOI: 10.14529/ssh260102

FOR CITATION

Lubnin A. S. Archival documents of state archive of the administrative agencies of the Sverdlovsk Region as a source for the study of national operations of the NKVD in 1937–1938. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and Humanities*, 2026, vol. 26, no. 1, pp. 15–23. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260102

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕЛА БЕЙЛИСА В ГАЗЕТЕ «КИЕВЛЯНИН» (1911–1913 гг.)

Т. В. Раева¹, А. Ю. Хлопин²

¹Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

²ГТРК «Южный Урал», г. Челябинск, Российская Федерация

В статье изучена репрезентация громкого дела Бейлиса во влиятельной консервативной газете Юго-Западного края «Киевлянин». Предмет исследования представлен в широком историческом контексте модернизации и нациестроительства в России начала XX в. Эти процессы обусловили появление самого «дела» и публичной дискуссии вокруг него по широкому кругу наиболее важных вопросов. СМИ сыграли большую роль в освещении дела Бейлиса и общественном обсуждении связанных с ним актуальных проблем. Правая газета «Киевлянин», представляя местную печать, имела большую аудиторию и пользовалась авторитетом. В «деле» она выступила с критикой ритуальной версии и настаивала на невиновности Бейлиса. При помощи метода контент-анализа авторы статьи изучили материалы газеты за 1911–1913 гг., установили семантическое ядро публикаций, реконструировали нарратив о «деле», выявили особенности подхода «Киевлянина» к «еврейскому вопросу» в России, журналистские способы и приемы его трансляции. Сделали вывод о том, что дело Бейлиса обнаружило раскол в правоконсервативном лагере, подсветило оттенки русского национализма начала XX в.

Ключевые слова: дело Бейлиса, газета «Киевлянин», кровавый навет, русский национализм в начале XX в., контент-анализ.

Введение

Современная Россия является многонациональным государством, где продолжается нациестроительство и время от времени обостряются межэтнические отношения. Немалое влияние на ход этих процессов оказывают средства массовой информации, которые не просто отражают действительность, но и формируют определенные представления о происходящем, (де)мобилизуют, (де)интегрируют общество, актуализируют те или иные нарративы, эмоции, убеждения. Нередко такое воздействие оказывается имплицитно. В контексте современных национальных проблем и роли в них средств массовой информации опыт Российской империи, пережившей в начале XX в. громкое дело Бейлиса, представляется небезынтересным.

Резонанс, произведенный жестоким убийством в Киеве А. Ющинского, расследованием преступления и судом над обвиняемым М. Бейлисом, был колоссальным. СМИ сыграли решающую роль в распространении информации о событиях: «Вряд ли сыщется место на земном шаре, где живут люди, умеющие читать и получающие газеты, и где бы не знали о деле Бейлиса или были равнодушны к нему», – писал В. Д. Набоков [цит. по: 1, с. 188]. Газеты в деле Бейлиса не просто информировали, но и формировали у своей аудитории версии случившегося, влияли на ход следствия, а некоторые журналисты даже вели собственное расследование. Открытый судебный процесс привлек представителей ста пятидесяти новостных агентств, чтобы справиться с возросшим потоком сообщений, на киевский телеграф наняли еще сорок служащих и наладили новые линии [1, с. 188–189].

Обращение к материалам влиятельной местной газеты «Киевлянин», изучение репрезентации дела Бейлиса на ее страницах будет способствовать более глубокому пониманию общественной жизни в России в начале XX в.

Обзор литературы

Гипотеза данной статьи строится на представлении о деле Бейлиса как симптоме глубокого и сложного модернизационного перехода и процесса нациестроительства в дореволюционной России. В соответствии с этим значимую историографическую группу составляют исследования, где авторы на основе модернизационного подхода дают комплексный анализ политического, экономического, социокультурного развития империи в XIX – начале XX в., изучают особенности русского перехода к модерности, его акторов, сложности и издержки [2–4]. Более объемное представление о дореволюционной империи позволяют сформировать работы, посвященные истории национализмов в России, проблемам межнациональных отношений, взаимодействию империи и этносов / наций, «еврейскому вопросу» [5]. В современных исследованиях отвергается редуцированное понятие русификации как насильственной политики принудительной ассимиляции, указывается на отсутствие цельного последовательно реализуемого имперского национального проекта и наличие конкуренции со стороны нерусских национализмов.

Специальных работ, посвященных делу Бейлиса, немного. Первое научное исследование темы появилось в 1933 г. [6] Его автор, опираясь на широкий круг источников, в т. ч. неопубликованных, реконструировал ход дела и развенчал ритуальную

версию убийства, обвинив в ее фабрикации черносотенные круги. Вновь дело Бейлиса привлекло внимание исследователей уже в постсоветский период. Был опубликован ряд статей и монографий, где предпринимались попытки подробно изложить историю расследования киевского убийства и суда над М. Бейлисом [1], разобрать версии следствия, допущенные в его ходе нарушения, подлоги и фальсификации [7, 8], изучить влияние правых сил на ход «дела» [9] и восприятие его российской общественностью [10]. Особую группу составляют публикации, авторы которых исследуют роль дореволюционных СМИ и отдельных журналистов в деле Бейлиса [11–14]. На основе изучения материалов периодической печати, публицистического наследия и эго-документов они реконструируют дискурс о «деле», анализируют отношение к «еврейскому вопросу», русскому национализму и проблемам развития Российской империи.

Однако влиятельная региональная газета «Киевлянин» и репрезентация ею дела Бейлиса не нашли в научной литературе достаточного освещения. Кроме того, исследователи не использовали возможности контент-анализа для интерпретации содержания газетного нарратива о «деле».

Методы исследования

Большим эвристическим потенциалом для осмысления эпохи «великих потрясений» в России обладает теория модернизации. Характеризуя развитие страны во второй половине XIX – начале XX в., мы опирались на концепцию общей модернизации, разработанную в трудах Б. Н. Миронова [2].

Для работы с материалами периодической печати использовался метод контент-анализа. Его процедура предполагает выделение и подсчет повторяющихся смысловых единиц исследуемого текста. Интерпретация этих количественных характеристик и учет внешних форм организации текстового материала позволяют сделать выводы о качественном содержании документа.

В данном исследовании была изучена сплошная выборка газетных номеров «Киевлянина» за 1911–1913 гг. Затем осуществлен отбор необходимой совокупности текстов, посвященных делу Бейлиса, определена динамика их появления на страницах газеты по годам и месяцам, зафиксировано расположение материалов о «деле», их принадлежность к определенным рубрикам, авторство, жанр. Для проведения количественного контент-анализа установлена единица аналитического исследования – слово, за единицу счета принята абсолютная частота упоминаний (количество раз). При помощи сервиса для семантического анализа текста Advego (<https://advego.com/text/seo/>) произведен подсчет и выделены десять наиболее часто встречающихся слов, проанализирован контекст их употребления. Данные проведенного исследования обобщены в виде таблицы и интерпретированы.

Результаты и дискуссия

К началу XX в. результаты российской модернизации, сложной и противоречивой, оказались амбивалентны. В стране успешно шел процесс индустриализации: темпы роста промышленного производства в России были одними из самых высоких в мире, увеличился выпуск потребительских товаров и оборот внутренней торговли. Доступным становилось народное образование и здравоохранение. В целом, индекс человеческого развития, учитывающий продолжительность жизни, уровень образования, ВВП на душу населения увеличился в 1,8 раза [15, с. 213, 216, 337, 372–373, 429, 457, 529–539, 547, 598–609, 629–630]. Стали оформляться контуры российского политического сообщества, благодаря развитию образования, земского и городского общественного управления, распространению неправительственной печати, думскому опыту. Вместе с тем Россия выделялась многоукладностью своей экономики, низкой производительностью и культурой труда, слабой социальной защитой работников, что усугублялось маргинализацией значительной части населения, неравномерностью в распределении общественных благ, ростом социально-политической напряженности и случаев девиантности.

Серьезными вызовами для российских властей явились значительный рост и омоложение населения, диспропорции в его территориальном размещении, установившаяся в ходе Первой русской революции дуалистическая форма правления и усложнившийся политический ландшафт. Они требовали гибких, продуманных и последовательных решений, однако государственная политика зачастую запаздывала, оказывалась противоречивой, склонной к применению насильственных методов [3, с. 135].

В XIX – начале XX в. в России развернулись процессы национальной консолидации и национально-государственного строительства, одной из «болевых точек» которых стал «еврейский вопрос». Численность еврейского населения в империи насчитывала более 5 миллионов человек, что составляло почти половину евреев всего мира. Политика Александра II способствовала правовой эмансипации евреев. Одновременно с этим в стране начался переход к модерному национализму. Евреи стали восприниматься как угроза для русского народа, пагубно влияющая на его «здоровые силы». Экономические успехи некоторых евреев усиливали этот страх. Бытовой и государственный антисемитизм, достигший своей кульминации в еврейских погромах, послужил причиной эмиграции евреев из России, их массового прихода в революционное движение, вызывая волну еврейского национализма [3, с. 129–130].

«Приглашение к ассимиляции» евреев в этих обстоятельствах становится невозможным [5, с. 65]. После убийства Александра II позиция власти по

«еврейскому вопросу» ужесточилась. В новом русском националистическом дискурсе иудеофобия, включая ее архаичные проявления, дискриминация евреев стали рассматриваться как «защита слабого» от иудейского доминирования. Вместе с тем отдельные представители бюрократии и часть интеллигенции перманентно поддерживали идею расширения прав и интеграции евреев в российскую жизнь.

Успехи и издержки российской модернизации, которые принесли расширение свобод даже для непривилегированных групп, ослабление социального контроля, рост вертикальной и горизонтальной мобильности, революционные изменения в сфере коммуникации, усиление напряженности и фрустрации в обществе, сделали возможным феномен громких процессов, подобных делу Бейлиса. Резонанс, произведенный им, обуславливался не только жестокостью совершенного преступления и несправедливостью по отношению к обвиняемому. Он был связан со смысловой емкостью «дела», которая позволила разным силам инструментализировать его и развернуть дискуссию по широкому кругу наболевших вопросов: о политическом устройстве страны, взаимоотношениях власти и общества, правах подданных и их равенстве перед законом, правосудии и его значении, сосуществовании разных народов и религий в империи, просвещении общества, исторической судьбе России, ее культурных и духовных основах.

В общественной дискуссии о деле Бейлиса заметную роль играло движение правого монархического толка. Оно объединило в своем составе очень разных людей: от малоземельных крестьян, мелкого чиновничества и мещанства до помещиков-латифундистов, промышленников и представителей высшей бюрократии. В большинстве своем правые выступали против конституции и формальных ограничений власти царя, отмечали особую роль русского народа и настаивали на предоставлении ему преимуществ, разделяли антисемитские убеждения [16, с. 18, 26–27]. Многочисленными и влиятельными они были в западных и юго-западных губерниях России. Взгляды правого политического крыла представляла литературная и политическая газета Юго-Западного края «Киевлянин».

Созданная в 1864 г. в Киеве газета явилась реакцией на польское восстание. Ее целью было утверждение «русской государственности» в Юго-Западном крае и его «исконно русского характера по истории, по природе, по нраву» [17, с. 2]. Основное внимание в газете уделялось «польскому» и «крестьянскому» вопросам, «украинская» и «еврейская» проблематика затрагивалась в меньшей степени. Благодаря талантливым редакторам, крупным общественно-политическим деятелям – В. Я. и В. В. Шульгиным, Д. И. Пихно – «Киевлянин» к началу XX в. превратился в авторитетное

издание правого толка, в рупор русского национализма. Он вышел за пределы Юго-Западного края, расширил читательскую аудиторию, а с 1898 г., как и центральные газеты, не подвергался предварительной цензуре.

Отстаивая охранительные, монархические и антисемитские взгляды, «Киевлянин», тем не менее, не поддерживал еврейские погромы, выступал против ряда ограничительных мер в отношении евреев, а с подачи Д. И. Пихно, высказался за постепенную отмену черты оседлости. Когда во Франции развернулось громкое дело Дрейфуса, Дмитрий Иванович на страницах газеты поддержал обвиняемого, подверг критике судей и политические силы, вмешавшиеся в рассмотрение дела [18, с. 2]. В редакторской колонке он писал: «Суд – не арена для политической борьбы, суд – не прибежище для партийных интересов... Где нет правосудия, там не может быть и прочного общественного порядка» [19, с. 1]. Именно такой позиции газета будет придерживаться в ходе дела Бейлиса, требуя прекратить «политический шабаш над трупом Ющинского» [20, с. 2–3].

Первый материал, посвященный делу Бейлиса, появился на страницах «Киевлянина» 21 марта 1911 г., на следующий день после обнаружения тела убитого А. Ющинского. Вплоть до конца декабря 1913 г., когда суд над Менделем Бейлисом был уже завершен и общество обсуждало его первые итоги, газета освещала «дело».

Жестокое преступление, совершенное накануне Пасхи, жертвой которого стал христианский мальчик, потрясло не только киевлян, но и всю страну: поползли самые невероятные слухи, актуализировались архаичные суеверия о ритуальном убийстве. В этих обстоятельствах редакция «Киевлянина» пыталась предостеречь своих читателей от поспешных выводов. 30 марта 1911 г. газета сообщала: «Следственная власть не располагает никакими материалами, по которым можно было бы судить о лицах, виновных в этом преступлении. Ввиду этого всякие предполагаемые подробности преступления являются преждевременными и необоснованными, поэтому мы воздержимся от их сообщения» [21, с. 3]. Объективные результаты расследования газета ожидала только от органов полиции и следствия, не пытаясь оказывать на них давление и не приветствуя самочинных сыщиков из черносотенной среды.

Материалы, посвященные делу Бейлиса в газете «Киевлянин», выходили в постоянных рубриках, существование которых не было связано с этим громким событием. Небольшие сообщения появлялись в отделах «Местные известия», «Среди газет», «Из зала суда», «Телеграммы». Объемные публикации печатались на передовице или вне рубрик, а также в «Судебной хронике» и «Отрывках».

Всего за время освещения дела Бейлиса в «Киевлянине» появилось 173 публикации. Из них

в 1911 г. вышло 26 статей, в 1912 г. – 35, в 1913 г. – 112. Пик интереса к теме пришелся на сентябрь–октябрь 1913 г., что связано с судебным процессом над М. Бейлисом. Перед началом судебного разбирательства газета дала большой обобщающий материал на несколько страниц, напоминающий читателям события преступления и основные вехи следствия. Новый редактор «Киевлянина» В. В. Шульгин, сменивший Д. И. Пихно буквально накануне суда, как и предшественник, считал дело Бейлиса крупнейшей государственной и политической ошибкой. Через несколько дней после начала процесса Шульгин выступил со статьей, где критиковал сторону обвинения, которая, не имея достаточных доказательств, возбудила дело не столько против Бейлиса, сколько против целого народа, целой религии, вменив им одно из самых тяжких преступлений. Такой суд, по мнению Василия Витальевича, оскорблял чувство справедливости каждого человека [22, с. 1–2]. Статья Шульгина произвела сенсацию, цена на этот номер газеты подскочила до 15 руб. Либеральная общественность увидела в ней российский вариант «Я обвиняю», а Василий Витальевич приобрел славу «эстетического антисемита». Крайне правые заклемили «Киевлянин» как «еврействующую» газету, изменившую делу русской национальной партии, «замывающую невинную кровь [Ющинского] на руках еврейства». Корреспондент газеты «Новое время» М. О. Меньшиков язвительно назвал Шульгина «маленьким Золя» [23]. Правительство ответило изъятием тиража «Киевлянина» и усилением давления на прессу.

Для освещения «дела» корреспонденты газеты «Киевлянин» использовали целый спектр журналистских жанров. Заметки чаще всего появлялись в период расследования убийства Ющинского, они коротко информировали читателя о событиях в Киеве и его окрестностях, ходе следствия и действиях представителей власти. Статьи, репортажи, письма в редакцию публиковались преимущественно во время судебного процесса. Они включали в себя стенографические отчеты из зала суда, записанные сотрудниками «Киевлянина», авторские обзоры, где не только фиксировалось происходящее на заседании, но и давалась ему эмоциональная оценка, эссеистические материалы с размышлениями о судьбе еврейства, русской монархии, национализме, антисемитизме, российской судебной системе и др. Аналитическими были передовицы, которые чаще всего принадлежали авторству Д. И. Пихно и В. В. Шульгина. В них они нередко полемизировали со сторонниками ритуальной версии убийства. Большинство материалов «Киевлянина» были оригинальными, созданными редактором и корреспондентами газеты, однако их авторство указывалось редко. Незначительное число публикаций представляло собой перепечатку сообщений телеграфного агентства.

Изучение материалов о «деле» показало, что подавляющее количество их имело заголовки (без названия за период 1911–1913 гг. вышло всего 20 статей, преимущественно передовиц). В большинстве своем заглавия имели констатирующий характер: «К убийству Ющинского», «К делу Бейлиса». Лишь некоторые были рассчитаны на привлечение внимания читателей, например, «У позорного столба», «Доморожденные Шерлоки», «Кровавый навет» и др. Публикации с такими названиями появлялись преимущественно в 1913 г., многие материалы принадлежали перу Виктора Соседова. Чаще всего это были статьи, отражающие настроения в обществе в связи с «делом», либо написанные под впечатлением судебного процесса.

Освещая дело Бейлиса, «Киевлянин» не прибегал к специальным средствам для привлечения читательского внимания. Изображения газета поместила лишь дважды в обобщающих статьях в ходе судебного разбирательства. Это были фото, представляющие Ющинского в гробу, пещеру, где был обнаружен труп мальчика, дом В. Чеберяк, портреты следователей, Веры и Жени Чеберяк, а также план кирпичного завода Зайцева.

Все тексты газеты «Киевлянин», посвященные делу Бейлиса, были изучены при помощи метода контент-анализа. В публикациях за 1911–1913 гг. семантическое ядро обнаружило устойчивость, более половины составляющих его слов повторялось. Частота встречаемости единиц анализа представлена ниже в таблице.

Наиболее упоминаемым за весь период освещения «дела» оказалось слово «убийство». В материалах газеты оно использовалось для названия произошедшего события, без какой-то эмоциональной окраски. Например: «В. И. Фененко доводит до всеобщего сведения, что у него в производстве находится дело об убийстве Андрея Ющинского» [27, с. 3]. Лишь изредка совершенное преступление называлось «зверским» и «кошмарным». Чаще издание отмечало запутанный и резонансный характер дела: «На днях арестован Приходько, отчим мальчика Ющинского, загадочное убийство которого вызвало столько толков о ритуальном убийстве и сильно волновало общество» [28]. Слово «убийство» нередко употреблялось в связке с именем и / или фамилией Андрея Ющинского, что позволяло конкретизировать событие. При этом внимания судьбе ребенка, его личностным качествам не уделялось. Почти единственной персонифицирующей его характеристикой было слово «мальчик». Если в 1911–1912 гг. по частоте упоминаний фамилия убитого находилась в первой тройке, то в 1913 г. она сместилась на последнюю позицию, что объясняется вытеснением ее как маркера «дела» фамилией Бейлиса.

В 1912 г. в качестве синонима слова «убийство» на страницах газеты появилось слово «дело», которое оказалось более емким: им обозначалось

лись не только события совершенного преступления, но и работа следствия. Однокоренные к слову «убийство» слова, например, «убийца(ы)», встречаются на страницах газеты только в 1912–1913 гг., что связано с сознательным отказом редакции до завершения расследования строить свои версии и голословно обвинять кого бы то ни было. В 1912 г. газета, ссылаясь на выводы следователя Н. А. Красовского, называла убийцами «воровскую шайку В. Чеберяковой». В 1913 г. эта единица анализа использовалась во фразах, выражающих желание, чтобы настоящие убийцы были найдены и наказаны. В материалах газеты не встречалось обвинений в адрес Бейлиса, она отстаивала убеждение в его невиновности.

Рассказывая читателям о совершенном преступлении, авторы газеты «Киевлянин» старались реже использовать слова «ритуал» или «кровь», в ходе всего изученного периода они либо не входят в семантическое ядро, либо занимают низкие позиции по количеству употреблений. В 1911 г. наряду со словами «ритуал», «кровь» встречается слово «христианский». Газета критиковала версию ритуального убийства, считая ее проявлением глубокого невежества и видя в ней эмоциональное давление на следствие и суд со стороны иудеофобски настроенной части общества. На начальном этапе следствия «Киевлянин» уверенно заявлял: «одно уже можно считать, по-видимому, несомненным: никаких следов ритуального убийства не найдено» [28, с. 2]. Слова «ритуал», «кровь» встречались на страницах газеты в перепечатанных из других источников материалах или в контексте осуждения слухов и констатации позиции сторонников кровавого навета.

В течение всего изучаемого периода в число наиболее употребляемых слов входили «суд» и его производные. Чаще всего они использовались в словосочетаниях «судебная власть», «судебный чин», «здание суда», в 1913 г. – «судебный процесс». Эти слова не сопровождалась эмоциональной оценкой действий судебных органов, а лишь описывали их работу. Критика и осуждение его представителей, настаивавших на виновности Бейлиса, появилась на страницах «Киевлянина» в публикациях 1913 г. Корреспонденты газеты, полагали, что это «дело», опираясь на слабую доказательную базу и архаичные представления, дискредитирует всю российскую судебную систему, монархию и идеи «здорового» русского национализма.

Слова «еврей» и «еврейство» в материалах газеты использовались для указания национальной принадлежности Менделя Бейлиса, обозначения народа или его части, которая занимала активную общественно-политическую позицию в ходе «дела», маркирования религиозного сообщества, особого образа жизни, поведенческих стратегий, черт характера, присущих определенной группе. Обсуждение убийства, следствия и суда подталкива-

ло редакцию газеты к размышлениям о месте евреев в российском обществе, их взаимоотношениях с христианами, влиянии еврейской культуры на русскую жизнь. В 1911–1912 гг. слово «еврей» и производные встречались в перепечатках сторонних материалов или при обсуждении тех или иных высказываний по поводу убийства Ющинского.

В 1913 г., в разгар судебного процесса Бейлиса, в «Киевлянине» появилась объемная статья, посвященная «еврейскому вопросу», автором которой выступил В. В. Шульгин. В ней он, отстаивая позиции «здорового и осмысленного антисемитизма», заявлял, что для противостояния негативным чертам «еврейства» русские должны быть «нравственно неизмеримо выше», «в противовес еврейской лжи говорить правду». Это, по мнению автора, должно послужить защитой русских от «ожидовления» [29, с. 2]. Смысловое наполнение слов «еврей» и «еврейство» в газете «Киевлянин» носило ярко выраженный националистический, антисемитский характер, при этом редакция осуждала черносотенный фанатизм и оголтелость «политических Митрофанушек», придавала своим взглядам на еврейство разумный вид и высокоморальное содержание.

Слова «Киев», «киевский» по частоте упоминания занимали низкие позиции. Чаще всего они использовались для обозначения территориальной принадлежности тех или иных органов и локализации событий.

Вариативную часть семантического ядра составили слова, которые встречались в публикациях, принадлежащих к отдельным годам. Для 1911 г. – это «запрос», 1912 г. – «Чеберяк (Чеберякова)», «квартира», «шайка», «Бейлис», «свидетель», 1913 г. – «вопрос». Эти слова прямо отражали основные этапы развития «дела».

Появление в 1911 г. слова «запрос» на страницах «Киевлянина», связано с освещением деятельности правого крыла Государственной думы, представители которого внесли на рассмотрение вопрос о практике ритуальных убийств у евреев, требовали скорейшего расследования преступления и наказания виновных, не сомневаясь в том, что это представители еврейства [30, с. 4]. Газета внимательно следила за действиями правых, реакцией либеральной общественности и развернувшейся между ними дискуссией.

Фамилия «Чеберяк (Чеберякова)», а также связанные с ней лексические единицы «квартира», «шайка» входят в семантическое ядро в 1912 г. Они использовались для обозначения подозреваемых. При этом фамилией «Чеберяк» называлась прежде всего Вера. Газета представляла ее читателям как содержательницу воровского притона, участницу бандитской шайки. Хотя прямых обвинений в убийстве против нее редакция не выдвигала, не скрывая, демонстрировала мрачные стороны биографии женщины. Дети Веры Чебе-

ряк – Женя, товарищ Андриюши Ющинского, и его сестра Валя – почти не упоминались.

Фамилия «Бейлис» часто встречалась в текстах 1912–1913 гг. Кажущийся парадокс с ее отсутствием в семантическом ядре 1911 г. можно объяснить тем, что подозрения следствия в адрес Менделя Бейлиса и его арест пришлось на сентябрь. В информационном поле эти события оказались потеснены сообщениями о прибытии в Киев царской семьи и убийстве П. А. Столыпина. В публикациях, посвященных Бейлису, газета не уделяла внимания описанию его внешнего вида, черт характера, не рассказывала читателям о его семье или профессиональных занятиях, эмоциях, которые он испытывал в ходе дела. Основная масса упоминаний его фамилии сводилась к освещению этапов следствия и судебного процесса.

Слово «свидетель» появилось в газете в период расследования и в публикациях «из зала суда». Описание дачи свидетельских показаний дополнялось характеристиками личностей конкретных свидетелей, их манеры держаться, убедительности речей.

В 1913 г. новым в семантического ядре становится слово «вопрос». Им обозначались проблемы, которые возникали в ходе следствия и суда, например, «вопрос о помещении» (где будет проходить процесс) или проблемы российской действительности, обострившиеся в связи с делом Бейлиса. Словосочетание «еврейский вопрос» не встречалось.

Последний материал, посвященный делу Бейлиса, появился в газете 24 декабря 1913 г. В нем редакция вступила в полемику с М. О. Меньшиковым по поводу сбора средств на часовню в память об А. Ющинском, раскритиковала эту идею как попытку подвергнуть ревизии судебное решение и подспудно обвинить евреев в совершении ритуального убийства. После этого «Киевлянин» к делу Бейлиса не обращался. Газета не разделяла победных восторгов ни правых, ни левых относительно вердикта суда, настаивая, что «дело» само по себе нанесло России большой ущерб.

Семантическое ядро в публикациях газеты «Киевлянин», посвященных делу Бейлиса [24–26]

Таблица

Table

Semantic core in the publications of the newspaper «Kievlyanin», dedicated to the Beilis case

1911 г.		1912 г.		1913 г.	
Слово	Кол-во упоминаний	Слово	Кол-во упоминаний	Слово	Кол-во упоминаний
Убийство	93	Ющинский	127	Суд	447
Ющинский	55	Убийство	98	Бейлис	291
Запрос	44	Суд	81	Еврей	177
Мальчик	25	Чеберяк	72	Убийство	146
Судебный	23	Бейлис	64	Процесс	146
Еврей	21	Свидетель	57	Свидетель	142
Кровь	18	Судебный	43	Киев	127
Киев	17	Киевский	36	Ритуал	114
Ритуал	17	Квартира	28	Вопрос	108
Христианский	16	Шайка	27	Ющинский	101

Выводы

В начале XX в. в России продолжался сложный и противоречивый процесс модернизации. Его успехи и издержки обусловили феномен громких политических дел, подобных делу Бейлиса. Общественный отклик на него и широкая дискуссия поддерживались СМИ более двух лет, пока шло расследование и суд по делу об убийстве А. Ющинского. Либеральная и левая печать использовала дело Бейлиса для критики правящего режима, а его защитники из правого лагеря старались доказать существование у иудеев кровавых ритуалов, оправдывающих дискриминационные меры против евреев.

Особое место в этом ландшафте заняла газета «Киевлянин» – издание правонационалистического толка. Будучи региональным органом печати, она в силу близости к месту происшествия, пристально следила за происходящим в рамках дела Бейлиса. В тематических материалах авторы «Киевлянина» старались воздерживаться от излишней эмоциональности, критиковали версию ритуального убийства, настаивали на невиновности М. Бейлиса в свя-

зи с отсутствием убедительных доказательств его причастности к преступлению. «Дело» рассматривалось газетой как политически мотивированное, обусловленное архаичной иудефобией и потому вредящее монархии, судебной системе, порочащее силы «здорового русского национализма». Выступая против кровавого навета, газета отнюдь не защищала евреев: следуя своей антисемитской позиции, справедливость и беспристрастное правосудие она рассматривала как утверждение «чистоты и высокой нравственности русского духа».

Выделенные нами в ходе проведенного контент-анализа наиболее часто встречающиеся в публикациях «Киевлянина» за 1911–1913 гг. слова, характеризующие репрезентацию дела Бейлиса, контекст их употребления, свидетельствовали о стремлении газеты объективистски, рационально освещать ход событий, не погружаясь в личную историю убитого мальчика или обвиняемого Бейлиса. Издание старалось минимально использовать чувства, эмоции своей аудитории. Апеллируя к разуму и здравому смыслу читателя, разделяя

антисемитские представления современного толка, авторы отвергали ритуальную версию и настаивали на невинности Бейлиса. В «деле», по их мнению, государство и русское православное население, отбросив средневековые суеверия, обеспечив справедливое расследование и суд, могли бы проявить свои лучшие качества, продемонстрировать превосходство над еврейством. Такой подход «Киевлянина» в освещении «дела Бейлиса» выделял его в правом националистическом дискурсе, отражал раскол консервативного лагеря и нюансы русского национализма.

Литература

1. Левин, Э. Дело Бейлиса и миф об иудейском заговоре в России начала XX века / Э. Левин. – М. : НЛЮ, 2022. – 368 с.
2. Миронов, Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2014–2018.
3. Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В. В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 2004. – 606 с.
4. Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / под ред. И. В. Побережникова. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2016. – 316 с.
5. Миллер, А. И. Империя Романовых и национализм / А. И. Миллер. – М. : НЛЮ, 2010. – 248 с.
6. Тагер, А. С. Царская Россия и дело Бейлиса / А. С. Тагер. – М. : Советское законодательство, 1933. – 306 с.
7. Иоффе, Г. Дело Бейлиса / Г. Иоффе // Свободная мысль. – 1993. – № 5. – С. 89–104.
8. Варфоломеев, Ю. В. Дело М. Бейлиса в материалах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Ю. В. Варфоломеев // Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право. – 2012. – № 1. – С. 101–105.
9. Степанов, С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.) / С. А. Степанов. – М. : ВЗПИ, 1992. – 329 с.

Раева Татьяна Витальевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: raevativ@susu.ru. ORCID 0000-0002-4126-2096

Хлопин Александр Юрьевич – ассистент режиссера телевидения, Служба информационных программ ГТРК «Южный Урал» (Челябинск), e-mail: comlevxii@gmail.com. ORCID 0009-0001-5866-6142

10. Кацис, Л. Ф. Кровавый навет и русская мысль: историко-теологическое исследование дела Бейлиса / Л. Ф. Кацис. – М. : Мосты культуры, 2006. – 494 с.

11. Санькова, С. М. Как дело Бейлиса превратилось в дело Шульгина / С. М. Санькова // Проблемы этнофобии в контексте исследования массового сознания : сборник научных статей. – М., 2004. – С. 95–110.

12. Санькова, С. М. М. О. Меньшиков и дело Бейлиса. К вопросу о влиянии периодической печати на ход судебного процесса / С. М. Санькова // История государства и права. – 2008. – № 19. – С. 21–23.

13. Санькова, С. М. Два лица «Нового времени». А. С. Суворин и М. О. Меньшиков в зеркале историографии / С. М. Санькова. – Орел : ФГОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК», 2011. – 224 с.

14. Рыбас, С. Ю. Василий Шульгин: судьба русского националиста / С. Ю. Рыбас. – М. : Молодая гвардия, 2014. – 544 с.

15. Миронов, Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века / Б. Н. Миронов – М. : Весь Мир, 2012. – 844 с.

16. Соловьев, К. А. Самодержавие и конституция. Политическая повседневность в России в 1906–1917 годах / К. А. Соловьев. – М. : НЛЮ, 2019. – 352 с.

17. Киевлянин. – 1913. – 3 августа.

18. Киевлянин. – 1899. – 31 августа.

19. Киевлянин. – 1899. – 9 сентября.

20. Киевлянин. – 1913. – 24 декабря.

21. Киевлянин. – 1911. – 30 марта.

22. Киевлянин. – 1913. – 27 сентября.

23. Новое время. – 1913. – 6 октября.

24. Киевлянин. – 1911. – Март–декабрь.

25. Киевлянин. – 1912. – Январь–декабрь.

26. Киевлянин. – 1913. – Январь–декабрь.

27. Киевлянин. – 1911. – 15 апреля.

28. Киевлянин. – 1911. – 1 июля.

29. Киевлянин. – 1913. – 15 октября.

30. Киевлянин. – 1911. – 29 апреля.

Поступила в редакцию 4 декабря 2025 г.

REPRESENTATION OF THE BEILIS CASE IN THE NEWSPAPER «KIEVLYANIN» (1911–1913)

T. V. Raeva¹, A. Yu. Khlopin²

¹South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

²Southern Urals State Television and Radio Broadcasting Company, Chelyabinsk, Russian Federation

The paper is devoted to the study of the representation of the Beilis case in the conservative newspaper “Kievlyanin”. The subject of the study is presented in the broad historical context of modernization and nation-building in Russia in the early 20th century. These processes determined the “case” and the public discussion around it. The media played a major role in covering the Beilis case and public discussion of the current issues associated with it. The “Kievlyanin” had a large audience and was respected. It criticized the ritual version of the murder and insisted on Beilis’s innocence. The authors of the paper studied the newspaper’s materials for 1911–1913 using the content analysis method, established the semantic core of the publications, reconstructed the narrative about the “case”, identified the features of the approach of “Kievlyanin” to the “Jewish question”, journalistic ways of broadcasting it. They concluded that the Beilis case revealed a split in the Russian nationalist camp and highlighted the nuances of Russian nationalism in the early 20th century.

Keywords: the Beilis case, newspaper “Kievlyanin”, blood libel, Russian nationalism in the early 20th century, content analysis.

References

1. Levin E. Delo Beylisa i mif ob iudeyskom zagovore v Rossii nachala XX veka [The Beilis Case and the Myth of the Jewish Conspiracy in Russia at the Beginning of the 20th Century]. Moscow: NLR, 2022. 368 p.
2. Mironov B.N. Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modern [Russian Empire: from Tradition to Modernity]: v 3 t. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2014–2018.
3. Modeli obshchestvennogo pereustroystva Rossii. XX vek [Models of Social Reorganization of Russia. XX Century]. Moscow: ROSSPEN, 2004. 606 p.
4. Aktory rossiyskoy imperskoy modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional’noe izmerenie [Actors of Russian Imperial Modernization (XVIII – Early XX Century): Regional Dimension]. Ekaterinburg: Bank of cultural information, 2016. 316 p.
5. Miller A.I. Imperiya Romanovykh i natsionalizm [The Romanov Empire and Nationalism]. Moscow: NLR, 2010. 248 p.
6. Tager A.S. Tsarskaya Rossiya i delo Beylisa [Tsarist Russia and the Beilis Case]. Moscow: Soviet Legislation, 1933. 306 p.
7. Ioffe G. Delo Beylisa [The Beilis Case] // *Svobodnaya mysl’*. 1993. № 5. P. 89–104.
8. Varfolomeev Y.V. Delo M. Beylisa v materialakh Chrezvychaynoy sledstvennoy komissii Vremennogo pravitel’sstva [The Case of M. Beilis in the Materials of the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. 2012. № 1. P. 101–105.
9. Stepanov S.A. Chernaya sotnya v Rossii (1905–1914 gg.) [The Black Hundreds in Russia (1905–1914)]. Moscow: VZPI, 1992. 329 p.
10. Katsis L.F. Krovavyy navet i russkaya mysl’: istoriko-teologicheskoe issledovanie dela Beylisa [Blood Libel and Russian Thought: A Historical and Theological Study of the Beilis Case]. Moscow: Bridges of culture, 2006. 494 p.
11. San’kova S.M. Kak delo Beylisa prevratilos’ v delo Shul’gina [How the Beilis Case Turned into the Shulgina Case] // *Problemy etnofobii v kontekste issledovaniya massovogo soznaniya: sbornik nauchnykh statyey*. Moscow, 2004. P. 95–110.
12. San’kova S.M. M.O. Men’shikov i delo Beylisa. K voprosu o vliyaniy periodicheskoy pechati na khod sudebnogo protsesssa [M.O. Menshikov and the Beilis Case. On the Influence of the Periodical Press on the Course of the Trial] // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2008. № 19. P. 21–23.
13. San’kova S.M. Dva litsa «Novogo vremeni». A.S. Suvorin i M.O. Men’shikov v zerkale istoriografii [Two Faces of the «New Time». A.S. Suvorin and M.O. Menshikov in the Mirror of Historiography]. Orel: Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «State University – UNPK», 2011. 224 p.

14. Rybas S.Y. Vasiliy Shul'gin: sud'ba russkogo natsionalista [Vasily Shulgin: the Fate of a Russian Nationalist]. Moscow: The Young Guard, 2014. 544 p.

15. Mironov B.N. Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii: XVIII – nachalo XX veka [Welfare of the Population and Revolutions in Imperial Russia: the 18th – Early 20th Centuries]. Moscow: The whole world, 2012. 844 p.

16. Solov'ev K. A. Samoderzhavie i konstitutsiya. Politicheskaya povsednevnost' v Rossii v 1906–1917 godakh [Autocracy and the Constitution. Everyday Political Life in Russia in 1906–1917]. Moscow: NLR, 2019. 352 p.

17. Kievlyanin [Kiev Citizen]. 1913. August 3.

18. Kievlyanin [Kiev Citizen]. 1899. August 31.

19. Kievlyanin [Kiev Citizen]. 1899. September 9.

20. Kievlyanin [Kiev Citizen]. 1913. December 24.

21. Kievlyanin [Kiev Citizen]. 1911. March 30.

22. Kievlyanin [Kiev Citizen]. 1913. September 27.

23. Novoe vremya [New Time]. 1913. October 6.

24. Kievlyanin [Kiev Citizen]. 1911. March–December.

25. Kievlyanin [Kiev Citizen]. 1912. January–December.

26. Kievlyanin [Kiev Citizen]. 1913. January–December.

27. Kievlyanin [Kiev Citizen]. 1911. April 15.

28. Kievlyanin [Kiev Citizen]. 1911. July 1.

29. Kievlyanin [Kiev Citizen]. 1913. October 15.

30. Kievlyanin [Kiev Citizen]. 1911. April 29.

Tatiana V. Raeva – Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: raevatv@susu.ru

Alexander Yu. Khlopin – Assistant Television Director, Information Programming Service of the Southern Urals State Television and Radio Broadcasting Company (Chelyabinsk), e-mail: comlevxii@gmail.com

Received December 4, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Раева, Т. В. Репрезентация дела Бейлиса в газете «Киевлянин» (1911–1913 гг.) / Т. В. Раева, А. Ю. Хлопин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 24–32. DOI: 10.14529/ssh260103

FOR CITATION

Raeva T. V., Khlopin A. Yu. Representation of the Beilis case in the newspaper «Kievlyanin» (1911–1913). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 1, pp. 24–32. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260103

МАГНИФИКАТ И. К. БАХА: МЕТАМОРФОЗЫ ЖАНРА НА ПУТИ ОТ БАРОККО К КЛАССИЦИЗМУ

О. А. Гумерова

Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье рассматривается Магнификат Иоганна Кристиана Баха, созданный в 1760 году в Милане. Впервые уточняется его место в эволюции музыкальной культуры XVIII века, семейной композиторской традиции и творчестве самого Иоганна Кристиана. Опус И. К. Баха анализируется сквозь призму лютеранского и католического толкования канонического текста и практики использования средств музыкальной риторики для его воплощения. Магнификат вписан в картину стилевого поворота предклассического периода. Отдельное внимание уделено музыкально-историческим представлениям того времени о единстве музыки и слова в рамках жанра с каноническим текстом и проблеме соотношения церковного и светского стилей в латинских литургических композициях. В качестве источников, дающих представление о дискуссиях по данной проблеме, рассматриваются положения энциклики папы Бенедикта XIV, конкурсные требования для церковных композиторов Милана и рассуждения о миланской музыке падре Мартини. Исследование позволяет сделать вывод о том, что Магнификат И. К. Баха занимает пограничное положение между канонами жанра высокого барокко и раннего венского классицизма и отражает глубинные эволюционные процессы, происходящие в культуре того времени.

Ключевые слова: магнификат, И. К. Бах, барокко, ранний классицизм, музыкальная риторика.

Введение

Литургический текст Песни Пресвятой Богородицы, лежащий в основе магнификата, привлекал внимание композиторов не менее часто, чем ординарий мессы или реквиема. Пройдя многовековой путь эволюции, магнификат к XVIII веку стал своеобразным «opus summum», то есть наивысшим творением, в котором автор концентрирует свой композиторский опыт, демонстрирует мастерство в создании сольной или многохорной композиции, владение разнообразными приемами полифонии и умение музыкально интерпретировать текст. Будучи одним из наиболее востребованных церковных жанров, он соединяет голоса разных культурных традиций и дает возможность запечатлеть переходные процессы на том или ином этапе. В ходе исследования предстоит выяснить, какие вехи мировоззренческой и стилевой эволюции обозначил Магнификат в творчестве Иоганна Кристиана Баха, вписать его в рамки фамильной традиции и шире – в культурный ландшафт «эпохи перемен», определив место в исторической эволюции этого жанра в XVIII веке.

Обзор литературы

Системные исследования творчества И. К. Баха в отечественной музыкальной науке пока отсутствуют. Не столь обширно до недавнего времени была представлена и иноязычная литература, включавшая первые биографические очерки К. Ф. Д. Шубарта [1], М. Шварца [2] и монографию К. Биттера [3], изданные еще в XIX веке.

Издание полного собрания сочинений И. К. Баха (Garland Publishing, 1984–1999), осуществлен-

ное по инициативе Э. Уорбертона, стимулировало появление новых, более масштабных исследований, освещающих содержательные и концептуальные аспекты наследия композитора. Среди наиболее значительных – статья П. Росса и В. Трауба о церковной музыке И. К. Баха в монастыре Айнзидельн, включающая в себя каталог и атрибутивное описание сочинений [4], и книга Х. Гертнера «Иоганн Кристиан Бах: друг и учитель Моцарта» [5], в которой творчество Иоганна Кристиана расценивается как важное связующее звено между барокко и венским классицизмом.

Осмысление родовых свойств магнификата невозможно без «погружения» в сферу музыкальной риторики. Традиция подобного анализа, заложенная еще в 1606 И. Бурмейстером в трактате «Musica poetica», на сегодняшний день представляет мощное научное направление, содержащее огромный массив исследований. В контексте заявленной темы особую ценность представляют труды А. Мальцевой, выдвинувшей свою методологию анализа музыкально-риторических фигур и критерии их типологии в лютеранских магнификатах XVII века [6] и произведениях сыновей И. С. Баха [7].

Активно разрабатываются вопросы смешения стилей в церковной музыке XVIII века. В статье М. Тоффетти «Падре Мартини и дискуссия о многообразии стилей духовной музыки XVI–XVIII веков» [8] маркируются допустимые границы использования светских элементов в церковных композициях. Родственную проблему поднимает и П. Кастанья в статье «Энциклика папы Бенедикта XIV (1749) и определение модели инструменталь-

ного сопровождения в духовной музыке» [9]. Представление о магнификате в творчестве разных композиторов дополняют исследования Е. А. Даниловой [10], К. Бланкен [11], Д. Брайдана [12], К. Харасима [13] и многочисленные труды классического баховедения.

Методы исследования

С целью определения перспективы развития магнификата в статье использован метод сравнительно-исторического, стилевого и интонационно-семантического анализа с привлечением магнификатов ряда предшественников и современников И. К. Баха.

Результаты и дискуссия

По утверждению К. Харасима, «ни один другой материал в 18 веке не мог сравниться с его универсальной пригодностью для различных исполнительских возможностей, будь то католические или протестантские церкви, литургические, нелитургические или даже концертные исполнения» [13, с. 1]. Вероятно, это объясняет тот факт, что многие композиторы использовали магнификат в качестве творческого «резюме», подтверждающего их профессиональную состоятельность при испытании на должность церковного кантора и органиста. Создавая Магнifikат W E22, И. К. Бах придерживается этой сложившейся традиции. Работа над произведением протекала непосредственно перед вступлением Иоганна Кристиана в должность штатного органиста Миланского собора, о чем свидетельствует дата в автографе (1760), и именно здесь состоялось первое исполнение Магнifikата в июне того же года.

Период работы в Милане, менее освещенный, чем годы, проведенные в Лондоне, стал для Иоганна Кристиана временем обретения зрелости и переоценки творчества его великого отца, которое еще совсем недавно олицетворяло в его понимании старую, отжившую традицию. В Милане (1754–1762) Иоганн Кристиан концентрирует свою творческую энергию на создании литургических композиций. Среди сочинений, написанных в эти годы, ординарные песнопения мессы, музыка для оффиция по усопшим, а также отдельные части Реквиема, который Х. Гертнер назвал «самым известным духовным произведением Кристиана» [5, с. 124], сравнив с Реквиемом Моцарта. В списке церковного наследия, кроме прочего, два антифона *Salve Regina*, два *Te Deum*, утерянный *Pater noster*, многочисленные псалмы и секвенции.

Тематический каталог произведений И. К. Баха, подготовленный Эрнестом Уорбертоном [14] включает в себя три композиции Магнifikата: «Magnificat a 8 C major» (W E20, неоконченный), «Magnificat a 8 C major» (W E21) и «Magnificat a 4 C major» (W E22). Литера «Е» перед номером опуса отсылает к разделу каталога «Литургическая латинская церковная музыка». Два первых восьмиголосных Магнifikата создавались, по всей

видимости, для торжественной вечерни, поскольку в миланской традиции, по утверждению Гертнера, композиции а *due cori* (для двух хоров) «исполнялись на праздниках в сопровождении двух органов» [5, с. 113]. Время создания первого неоконченного Магнifikата (W E20) можно установить по одной из двух сохранившихся партий, в рукописи которой указан 1758 год. Второй Магнifikат (W E21) был создан, по предположению Шварца, в том же году, для фестиваля Иоанна Непомуцкого [см. 2, с. 416].

Партитура и партии голосов Магнifikата W E22 сохранились в полном объеме, в отличие от многих других произведений Иоганна Кристиана¹. Оригинал хранится в Британской библиотеке в Лондоне, а рукописные копии 1770 года – в архиве монастыря Айнзидельн, который на сегодняшний день является самым полным собранием церковных композиций И. К. Баха². В лондонском каталоге он значится как «*Magnificat a Quattro Concertato con più Stromenti di G. C. Bach. 1760*» [14, с. 526], в каталоге Айнзидельна – «*Magnificat à 4° Concertato / Del Sig^r Gio. Bach*» [цит. по: 4, с. 98].

Что побудило Иоганна Кристиана обратиться к латинской церковной музыке в таком объеме, разнообразии жанров и литургических текстов? Для ответа на этот вопрос необходимо принять во внимание сразу несколько обстоятельств. Во-первых, создание литургических композиций входило в обязанности И. К. Баха, согласно требованиям его покровителя графа Агостино Литта. Гертнер описывает его «серьезным молодым человеком, увлекавшимся духовной музыкой в строгом полифоническом стиле» [5, с. 111]. Кроме того, Литта был заинтересован в обеспечении стабильного положения для Иоганна Кристиана, а поскольку сочинение инструментальной музыки или оперы на тот момент не обеспечивало безбедного существования, предпочтение отдавалось жанрам духовной музыки.

Во-вторых, благодаря поддержке графа Иоганн Кристиан получил возможность двухгодичного обучения в Болонской академии у падре Мартини – ревнителя строгого церковного стиля и поклонника творчества И. С. Баха. Сохранившаяся переписка с Д. Б. Мартини демонстрирует одержимость, с которой Иоганн Кристиан изучает основы строгого контрапункта и композиции старых мастеров. Почти все церковные сочинения, в том числе два первых Магнifikата (W E20,

¹ Многие рукописи сгорели во время Второй мировой войны, часть уцелевших была конфискована советскими войсками в Саксонии, где до 1945 года находился главный архив [см.: 4, с. 92].

² Монастырь Айнзидельн, находящийся в Швейцарии, поддерживал тесные отношения с миланским *Duomo*, в котором священники копировали или приобретали музыку для своего монастыря.

W E21), Иоганн Кристиан создает под непосредственным руководством своего учителя.

Наконец, еще одной причиной обращения И. К. Баха к латинской литургической музыке является его переход в католичество, вызвавший решительное осуждение его лютеранской семьи, но должность органиста кафедрального собора в Милане, которой так добивался для своего протеже Литта, требовала безоговорочной смены веры. Гертнер высказывает предположение, что это произошло в 1757 году [5, с. 130].

Насколько искренним было для И. К. Баха принятие подобного решения, дает понять сам композитор в письме к падре Мартини 22 октября 1757 года: «Я стараюсь максимально использовать свою работу здесь (в католической церкви – О. Г.). Я сочиняю отчасти для улучшения своего мастерства, отчасти для того, чтобы доставить удовольствие моему покровителю» [цит. по: 5, с. 129]. Очевидно, церковная деятельность Иоанна Кристиана в Милане исходила в первую очередь из практических соображений, интереса к композиционной технике и, несомненно, желания угождать своему покровителю.

Магнификат – жанр, имеющий равное значение как для католиков, так и для лютеран. В лютеранских княжествах Германии по воскресеньям магнификат распевался на немецкий текст в переводе М. Лютера *Meine Seele erhebt den Herren* («Величит душа моя Господа»), а в особо торжественных случаях – в средние и высокие праздники – на латыни.

Иоганн Кристиан положил на музыку все стихи Песни Богородицы, добавив к ним по традиции малую доксологию (малое славословие). Но даже при поверхностном сравнении с магнификатами его ближайших предшественников – отца и брата – обращает на себя внимание разная группировка текста – более дробная у Иоганна Себастьяна и Карла Филиппа Эмануэля и предельно компактная у Иоганна Кристиана³ (см. табл.).

Двенадцать стихов сгруппированы в пять условных номеров. Более широкий охват в условиях сквозной композиции свидетельствует о том, что текст в Магнификате Иоганна Кристиана находит менее детальное отражение в музыке. Только стих 5 «*Et misericordia ejus...*» («И милость Его всегда к боящимся Его») выделяется в отдельную часть *Largo*. Кроме того, И. К. Бах, следуя широко распространенной традиции фугированного завершения, придает относительную самостоятельность заключительному хору Магнификата *Et in saecula saeculorum* («И во веки веков»), пред-

ставляющему собой фугу. Намечившаяся тенденция к предельному структурному сжатию магнификата и полному преодолению номерного строения будет реализована в двух магнификатах В. Моцарта, каждый из которых станет лишь частью более крупного целого – *Vesperae solennes de Dominica KV321* (1779) и *Vesperae solennes de confessore» KV339* (1780).

При сравнении с Магнификатом BWV 243 И. С. Баха явно обнаруживается и различие в подходе к самому евангельскому тексту, которое в свою очередь восходит к некоторым отличиям лютеранской и католической мариологии. Особенно наглядно это проявляется в стихе *Quia respexit humilitatem ancillae suae* («Ибо призрел Он на смирение рабы Своей»). Иоганн Себастьян, стремясь донести до верующего смысл канонического текста, вдохновлялся лютеровским толкованием Магнификата. Согласно логике Лютера, Богородица – обычная женщина, «бедная», «ничтожная» «служанка», достойная восхищения своей верой и смирением: «Он призрел на неё, несмотря на её ничтожество, из чего можно заключить, что у неё были бедные и незнатные родители. <...> Её уважали не больше, чем в наше время уважают бедную служанку. <...> Приняв великий дар, она по-прежнему не считает себя поднявшейся выше нижайшего человека на земле» [15].

Ключевой смысл стиха *Quia respexit humilitatem ancillae suae* («Ибо обратил взор на смирение рабы Своей») определяют для И. С. Баха круг выразительных средств и музыкально-риторических фигур. Тональность *h-moll*, символизирующая тихую печаль, милосердие, тембр гобоя, уподобленный звучанию человеческого голоса и мелодические фигуры, имитирующие поклоны и вздохи, – все создает исполненный смирения образ Девы Марии.

Карл Филипп Эмануэль, как и отец, придерживается лютеранской экзегетической традиции. Он выбирает ту же тональность, медленный темп и близкие риторические фигуры, выражающие робость и покорность. Ниспадающая секста, имитирующая поклон, выделяет слово *humilitatem* («смирение»), а словосочетание *ancilla suae* («рабы своей») распевается фигурой *catabasis*, сотканной из кратких вздохов. Перед нами образ Марии, точно соответствующий описаниям Лютера в толковании Магнификата.

Римско-католическое почитание Девы Марии дает иное представление о Богородице. В трудах богословов, папских энциклах и катехизисах Мария – Царица Небесная, Мать всех христиан, посредница между Богом и людьми. Именно этот контекст определяет выбор музыкально-выразительных средств Иоганном Кристианом. В стихе *Quia respexit humilitatem ancillae suae* («Ибо обратил взор на смирение рабы Своей») нет печали и смирения, напротив, в музыке переданы радость,

³ Для сравнения, Немецкий магнификат Г. Шютца состоит из десяти разных, соответствующих строфам, разделов, образующих мотетную форму. Магнификат И. Куна (ок. 1705) содержит то же количество частей, что и у И. С. Баха. В Магнификате А. Вивальди (1715), имеющем номерную структуру, – девять номеров, включая доксологию.

восхваление и воодушевление. Сияющий *C-dur*, энергичный темп, фигура *exclamatio* (восклицание), используемая на словах *respexit* («обратил взор») и *ancillae suae* («рабы своей»), – воплощают, скорее, образ Царицы Небесной во славе, но не покорной «служанки». Остается узнаваемым лишь секстовый «поклон» на слове *humilitates* («смирение») (рис. 1).

Рис. 1. И. К. Бах. *Quia respexit humilitatem*
Fig. 1. J. C. Bach. *Quia respexit humilitatem*

Подобные способы визуализации смысла данного стиха доминируют и в других католических магнификатах, например, А. Вивальди (RV610) или В. Моцарта (KV339).

В целом И. К. Бах демонстрирует верность предписаниям учения о музыкально-риторических фигурах (*Figurenlehre*), используя утвердившиеся в барочной музыкальной практике способы акцентирования отдельных слов – «*exsultavit*» (возрадовался), «*humilitatem*» (смирение), «*potentiam*» (силу), «*deposuit*» (низложил), «*esurientes*» (вознес). В начале третьей части *Fecit potentiam* («Явил силу») величественно шагающая мелодия баса провозглашает божественное всемогущество, а нисходящее движение у альты на словах «*Deposuit potentes*» изображает низложение сильных с престолов. К концу раздела богатые получают возмездие, будучи отправленными «ни с чем», что передано веселой насмешкой тенора с колоратурой на слове «*inanes*» («ни с чем») и тихими эхообразными переключками скрипок, изображающими пустоту.

Разрыв Иоганна Кристиана с семейными религиозными устоями не означал отказа от фамильной музыкальной традиции. Уже в первом хоре Магнификата без труда обнаруживаются следы подражания Магнификату Wq 215 Карла Филиппа Эмануэля. Заклинательный характер мелодической формулы у сопрано с повтором одного звука и с такой же гармонизацией свидетельствует о том, что, приступая к созданию столь важной для себя композиции, Иоганн Кристиан внимательно изучал Магнификат брата (рис. 2а, 2б).

Рис. 2а. И. К. Бах. Магнификат W E22. Первый хор
Fig. 2a. J. C. Bach. Magnificat W E22. First choir

Рис. 2б. К. Ф. Э. Бах. Магнификат Wq 215. Первый хор
Fig. 2b. C. P. E. Bach. Magnificat Wq 215. First choir

И все же семейная преемственность в выявлении сакрального смысла Магнификата угасает от десятилетия к десятилетию. Достаточно вспомнить ту роль, которую играло использование *tonus peregrinus* – псалмового тона, на который распевался Магнификат у лютеран (см. рис. 3а). И. С. Бах обращался к нему как минимум трижды – в кантате *Meine Seel' erhebt den Herren* BWV 10 (№ 1, Хорал), в органной фуге на Магнификат BWV 733 и непосредственно в Магнификате BWV 243 в № 10 *Suscepit Israel* («Воспринял Израиля»), где цитата псалмтона поручена двум солилирующим гобоям, играющим в унисон. Псалмтон цитирует и К. Ф. Э. Бах в Магнификате Wq 215, вплетая его в № 4 на словах *Et misericordia ejus a progenie in progenies* («И милость Его в роды родов»), тоже в унисонной партии гобоев, а в гамбургской редакции и в партии хора. Это в очередной раз убеждает, что Карл Филипп Эмануэль унаследовал от отца литургически традиционный образ мышления. Впрочем, К. Биттер отмечает у К. Ф. Э. Баха «отсутствие того символического элемента, который занимает такое видное место в Magnificat Себастьяна Баха» [3, с. 128], и оценивает введение *tonus peregrinus* исключительно как «подражание».

Иоганн Кристиан, в отличие от отца и брата, избегает точного цитирования *tonus peregrinus*, можно сказать, что в партитуре Магнификата W E22 он практически отсутствует. Лишь в последних тактах хора *Gloria* с характерным резонированием терцового тона, и опять в партии гобоев вскользь улавливается родство с инициальной попевкой *tonus peregrinus* (рис. 3а, 3б).

Рис. 3а. *Tonus peregrinus*
Fig. 3a. *Tonus peregrinus*

Рис. 3б. И. К. Бах. Магнификат W E22, *Gloria*, тт. 230–244
Fig. 3b. J. C. Bach. Magnificat W E22, *Gloria*, bars 230–244

Продолжая семейную традицию, И. К. Бах отдает дань фугированному развитию. Заключительный хор *Et in saecula saeculorum* («И во веки веков») представляет собой фугу, выполненную с высочайшим мастерством. Заглавное ядро ее темы многократно использовалось композиторами XVII и XVIII веков – Г. Ф. Генделем в хоре *And with his stripes* («И Его ранами») из «Мессии», В. А. Моцартом в *Kyrie eleison* Реквиема, В. Любком в органной фуге *d-moll*, Й. М. Краузе в *Kyrie* Реквиема *d-moll*. Но для Иоганна Кристиана при-

мером, несомненно, стала fuga *Sicut erat in principio* («Как было изначально»), венчающая Магнификат Wq 215 К. Ф. Э. Баха⁴. Для каждого из них использование данной темы связано с рецепцией «*stile antico*». В обоих случаях тема воспроизводится несколько иначе, чем во всех вышеперечисленных минорных вариантах. У Карла Филиппа Эмануэля *saltus duriusculus* (жесткий скачок) – нисходящая уменьшенная септима в «крестовой» мелодической опоре, – заменена на малую, а сама fuga написана в глориальном *D-dur* (рис. 4а). Тема fugи *Et in saecula saeculorum* И. К. Баха (*C-dur*) предельно упрощена, она повторяет контуры известной интонационной модели приблизительно, без скачка на септиму и подчиняется инерции секвентного движения с аффектно-нейтральным квинтовым ходом вместо септимы (рис. 4б).

Рис. 4а. К. Ф. Э. Бах. Магнификат Wq 215, fuga *Sicut erat*
Fig. 4a. C. P. E. Bach. Magnificat Wq 215, Fugue *Sicut erat*

Рис. 4б. И. К. Бах. Магнификат W E22. Fuga *Et in saecula*
Fig. 4b. J. C. Bach. Magnificat W E22. Fugue *Et in saecula*

К концу 1740-х годов fuga в церковной музыке уже не относится к привычным формам. Гомофония стремительно вытесняет полифонию, а обращение к fugе становится лишь данью уважения старым мастерам. «Особые традиции, – утверждает К. Бланкен, – сохранились только в Берлине как выражение восхищения И. С. Бахом. И если Бах (К. Ф. Э. – О. Г.) использует форму, которая уже не является актуальной, то это происходит в условиях исключительности и используется сознательно, – здесь можно с осторожностью говорить о семейном историзме К. Ф. Э. Баха» [11, с. 249]. Продолжая данную мысль, можно предположить, что и fuga *Et in saecula saeculorum* в Магнификате Иоганна Кристиана – сознательная дань семейной традиции.

Магнификат W E22 – первое сочинение для церкви, созданное И. К. Бахом без помощи Мартини, и это заметно проявляется в его музыке. Новое хоровое письмо без прежних ограничений строгого стиля, в аккордовой фактуре, с легким подвижным оркестровым сопровождением в духе симфоний миланца Д. Б. Саммартини, демонстрирует безоговорочную победу гомофонии над полифонией. Не осталось и следа от хоров в псевдопалестриновском духе с *cantus firmus*, главенствовавших в первых двух магнификатах. Кроме того, в Магнификате немало разделов, напоминающих

арии и дуэты современной итальянской оперы, в том числе комической. Увлечение итальянской оперой, искусственно сдерживаемое графом Литта, заметно обостряется в период работы И. К. Баха над Магнификатом. В 1760 году он получил первый заказ на оперу «Артаксерс», исполненную в том же году, что придало его стилю и карьере совершенно иную направленность.

Сближение музыкального языка магнификатов с оперной стилистикой становится отчетливой тенденцией всего XVIII века. Практика использования элементов театральной музыки в церковных жанрах широко подвергалась сомнению еще в 1740-е годы. Дискутировался вопрос о допустимости подобного смещения стилей. Падре Мартини в одном из писем пишет: «В наше время храм Божий из-за несдержанности в музыке превратился в шумный дом с дурной репутацией, <...> я не хочу сказать, что композиторы плохи, но они уже не вызывают чувства преклонения» [цит. по: 5, с. 120]. Любопытные сведения на этот счет содержатся в отзыве по результатам конкурса на должность хормейстера Миланского собора в 1747 году и в энциклике папы Римского Бенедикта XIV *Annus qui hunc* (О содержании и чистоте церквей) (1749). В миланском Отзыве определяются стилистические горизонты и критерии, принятые при оценке сочинений кандидатов, и рассматриваются различия церковного стиля трех исторических школ. Музыка первой, представленная Палестриной, была, по мнению экспертов, способна «успокоить слух такой изобретательностью, что наши страсти, должным образом урегулированные, склоняли душу к добродетели» [8, с. 73]. Под изобретательностью, несомненно, подразумевались интеллектуальные приемы, используемые в полифонии. Представители второй школы, уже в XVII веке, «имели славу добавить к постоянству гармонического искусства все более подходящее изящество», сочетая «соблюдение правил выражения с заметным разнообразием в стиле» [8, с. 73], обогащая музыку приемами *concertato*. Композиторы третьей школы в XVIII веке попытались придать церковному стилю «еще большее изящество», но, по мнению экспертов, «доставляя дополнительное наслаждение для восприятия новизны интервалов и идей, они сделали его подходящим для театральной живости и менее пригодным для церковного достоинства» [8, с. 73]. Принципиальным недостатком третьей школы было признано «подавляющее разнообразие», а потому композиторам было предписано придерживаться эталонных принципов второй школы, которая «сочетала гармонически-фигуративное искусство с тем изяществом, какое терпит церковная серьезность» [8, с. 74]. В энциклике папы Бенедикта XIV (1749) декларируются и ограничения, накладываемые на инструментальные средства. В параграфе 13 он подчеркивает, что «инструментальные симфонии

⁴ К. Ф. Э. Бах использовал fuga «*Sicut erat*» с немецким текстом дважды, сначала как отдельное произведение, затем как часть пасхальной кантаты *Anbetung dem Erbarmen* («Поклонение милосердному») [см. 10, с. 202].

могут быть допущены там, где их использование уже принято, если они серьезны (*graves*) и не длятся долго» [9, с. 6].

Вслушиваясь в музыку Магнификата И. К. Баха, нетрудно заметить, что «церковная серьезность» здесь явно ущемлена, а целью композиции становится не столько «склонение души к добродетели», сколько поиски разнообразия средств на стыке с современной оперой, которая так влекла Иоганна Кристиана. «Его сочинение этого жанра не от сердца, – отмечает И. Шварц, – и в нем он не может отказать оперному композитору» [2, с. 416]. «Ученая» хоровая полифония сочетается здесь с исключительно светским покровом сольных партий – с изящной мелодией, легкой дробной мелизматикой, симметричными построениями, простейшими гармоническими оборотами и другими характерными чертами музыки рококо. Показателен в этом смысле уже упоминаемый сольный эпизод *Quia respexit* (рис. 1), напоминающий галантную арию. А в некоторых страницах партитуры, например, в инструментальном ригурнеле раздела *Fecit potentiam*, угадываются непосредственные прообразы будущей моцартовской музыки, причем связанной преимущественно с персонажами его комических опер (рис. 5).

Рис. 5. И. К. Бах. Ригурнель в эпизоде *Fecit potentiam*
Fig. 5. J. C. Bach. Ritournel in the episode *Fecit potentiam*

Новые черты исподволь нивелировали сакральную сущность музыки, позволяя секулярному все ощутимее одерживать верх над религиозным. К. Ф. Д. Шубарт в этом мирском налете уловил «запах тления» [1, с. 201]. Впрочем, наблюдаемые процессы вполне закономерны в свете происходящей в данный период перестройки коллективного сознания. В эпоху Просвещения настоящую религию теснит «религия разума», уже не нуждающаяся в поддержке догмы или Святого писания, отныне именно она во многом определяет новые ценности бытия.

Показательно, как в связи с этим преобразуется и самый устойчивый – семиотический – пласт в Магнификате, а именно риторические фигуры, связанные с интерпретацией канонического текста. Намеренное интонационное сопряжение И. К. Бахом близких по смыслу фигур наделяет их не только коммуникативными, но и формообразующими функциями, и это проникновение рационального начала в «святыя святых» музыкального текста привело к кардинальному пересмотру архитектоники жанра в целом.

В строении Магнификата И. К. Баха постепенно выкристаллизовываются черты сонатности, прежде в этом жанре не проявлявшиеся. Их при-

сутствие прослеживается не только в логике тонального развития, но и в специфике тематических контрастов и повторов. Сопоставление построений в первой трети формы в основной и доминантовой тональностях (*C-dur – G-dur*) напоминает зону экспозиции с главной и побочной партией. Несколькими обособлен здесь раздел *Et misericordia ejus* («И милосердие Его») в темпе *Largo* в *c-moll*. Заметно выделяются и два центральных неустойчивых раздела – оркестровый и сольный теноровый *Esurientes implevit bonis* («Алчущих исполнил благ») – в тональности *a-moll*, что позволяет сравнить их с зоной разработки. Наконец, возвращение в исходную тональность в разделе *Sicut locutus est* («Как говорил...») на теме *Fecit potentiam* из первой трети формы знаменует начало репризы. Дополнительную арку от репризы к экспозиции перебрасывает раздел *Gloria* в темпе *Larghetto*, напоминающий *Largo «Et misericordia ejus»* и придающий закругленность всей композиции.

Оркестровый состав у Иоганна Кристиана компактнее, чем у отца и брата, и в условиях главенства гомофонного мышления организован иначе. Из духовых инструментов здесь представлены два гобоя и две трубы. Струнная группа (I, II скрипки и альты) пополняется виолончелью, ныне изъятой из партии *basso continuo*. Примечательно, что в рамках господства гомофонно-гармонического склада и сама партия генерал-баса, порученная Иоганном Кристианом только органу, лишается прежнего значения, орган подключается на форте в полифонических разделах, для придания звучанию большей мощности, но чаще просто молчит. Само расположение инструментов в партитуре и распределение функций свидетельствует о влиянии оркестровки ранних итальянских симфоний и намечает путь к будущему симфоническому оркестру.

Отмеченные особенности подчеркивают необратимые процессы, происходящие на пути эволюции магнификата, которые, по мысли А. Мальцевой, «свидетельствуют о постепенном переходе от канонической трактовки композиции как части богослужения к концертной трактовке с ярко выраженным авторским началом» [7, с. 308].

Выводы

Магнификат И. К. Баха, создававшийся в период стилового перелома, ярко отразил те изменения, которые проявились в этом жанре в рамках новой эстетической парадигмы. Он со всей полнотой выражает дух своего времени, заметно поляризующийся между еще влиятельной, но постепенно угасающей барочной традицией и набирающими силу идеалами молодого классицизма. Вопреки удивительному представлению об Иоганне Кристиане как о приверженце исключительно нового стиля, «галантнейший из всех сыновей Себастьяна» (Г. Аберт) демонстрирует в Магнификате не только знание техники контрапункта, но и блестящее вла-

дение ею. Он проявляет свою осведомленность в учении о риторических фигурах, используя их для передачи библейского текста. Правда, как показывает Магнификат W E22, многие из этих фигур становятся, по меткому выражению А. Мальцевой, «известными “снаружи”, но забытыми “изнутри”» [6, с. 82] и в конечном итоге пополняют конструктивные приемы формообразования. Музыкально-риторические фигуры, оставленные в наследство эпохой барокко, продолжают жить в церковной практике не только переходного периода, но и у венских классиков. Тем не менее, в процессе стремительной секуляризации культуры переход к новому стилю в старом жанре оказался неизбежным. Традиционные для церковной музыки идиомы взаимодействуют у И. К. Баха с элементами современной оперной стилистики, а в тематическом ма-

териале обнаруживаются точки прямого соприкосновения с оперной мелодикой Моцарта.

Классицистские тенденции явно ощущаются и в подходе к оркестровке. Функциональное упорядочение партий, заметное ослабление роли *basso continuo* и главенство гомофонного принципа намечают путь к формированию раннего симфонического оркестра.

Магнификат И. К. Баха действительно стал тем «opus sumtum», который, вобрав в себя черты разных жанров и видов техники, продемонстрировал достижение автором творческой зрелости. Он позволил, с одной стороны, почувствовать неразрывность великой семейной традиции и вместе с тем обозначил важную веху мировоззренческой и стилевой эволюции И. К. Баха, начало нового этапа, целиком устремленного в будущее.

Группировка текста в магнификатах И. С. Баха и его сыновей

Таблица

Table

Grouping of text in Magnificats by J. S. Bach and his sons

И. С. Бах Magnificat in D BWV 243	К. Ф. Э. Бах Magnificat in D WQ.215, H.772	И. К. Бах Magnificat in C W.E 22
1. Magnificat anima mea Dominum (Chorus) 2. Et exultavit spiritus meus (Soprano) 3. Quia respexit humilitatem (Soprano) 4. Omnes generationes (Chorus) 5. Quia fecit mihi magna (Bass) 6. Et misericordia eius (Alto, Tenor) 7. Fecit potentiam (Chorus) 8. Deposuit potentes (Tenor) 9. Esurientes implevit bonis (Alto) 10. Suscepit Israel (Soprano I, II, Alto) 11. Sicut locutus est (Chorus) 12. Gloria patri (Chorus)	1. Magnificat anima mea Dominum (Chorus) 2. Quia respexit humilitatem (Soprano) 3. Quia fecit mihi magna (Tenor) 4. Et misericordia eius (Chorus) 5. Fecit potentiam (Bass) 6. Deposuit potentes (Alto, Tenor) 7. Suscepit Israel (Alto) 8. Gloria patri (Chorus) 9. Sicut erat in principio (Chorus)	1. Magnificat anima mea Dominum (Chorus, Soprano) 2. Et misericordia eius (Chorus) 3. Fecit potentiam (Chorus, Alto, Tenor, Bass) 4. Gloria patri (Chorus) 5. Et in saecula saeculorum (Chorus)

Литература

1. Schubart, C. F. D. Johann Christian Bach / C. F. D. Schubart // Ideen zu einer Ästhetik der Tonkunst. – Stuttgart : Scheible, 1839. – S. 201–204.
2. Schwarz, M. Johann Christian Bach / M. Schwarz // Sammelbände der Internationalen Musikgesellschaft. – Leipzig : Breitkopf & Härtel, 1901. – H. 3. – S. 401–454.
3. Bitter, C. H. Carl Philipp Emanuel und Wilhelm Friedemann Bach und deren Brüder / C. H. Bitter. – Berlin : W. Müller, 1868. – Bd. II. – 377 S.
4. Ross, P. Die Kirchenmusik von Johann Christian Bach im Kloster Einsiedeln / P. Ross, A. Traub // Fontes Artis Musicae. – Kassel : Bärenreiter, 1985. – Vol. 32, No. 2 (April-Juni 1985). – P. 92–102.
5. Gärtner, H. John Christian Bach : Mozart's friend and mentor / H. Gärtner. – Portland, Or. : Amadeus Press, 1995. – 400 p.
6. Мальцева, А. А. Музыкально-риторические фигуры барокко: проблемы методологии анализа (на материале лютеранских магнификатов

XVII века) : монография / А. А. Мальцева. – Новосибирск : Изд-во НГТУ. – 2014. – 324 с.

7. Мальцева, А. А. Магнификаты И. С. Баха и его сыновей в контексте традиций немецкой музыкальной риторики / А. А. Мальцева // Научный вестник Московской консерватории. – 2016. – № 1 (24). – С. 80–93.

8. Toffetti, M. Padre Martini e il dibattito sulla Varietà degli stili nella musica sacra dei secoli XVI–XVIII / M. Toffetti // La musica sacra nella Milano del Settecento : Atti del Convegno internazionale ; [a cura di] C. Fertonani, R. Mellace, C. Toscani. – Milano : LED, 2014. – P. 65–87.

9. Castagna, P. A Encíclica Annus Qui Hunc do Papa Bento XIV (1749) e a definição de um modelo para o acompanhamento instrumental da musica sacra / P. Castagna // VII Conferencia de la asociación Argentina de Musicología / XIII Jornadas Argentinas de Musicología, La Plata, 17–20 ago. – La Plata : Asociación Argentina de Musicología, 2006. – P. 1–17. – URL: <https://archive.org/stream/AEnciclicaAnnusQuiHuncDoPapaBentoXiv1749/200>

6-AEncclicaAnnusQuiHunc_djvu.txt (дата обращения: 15.05.2025).

10. Данилова, Е. А. Магнификат К. Ф. Э. Баха: Берлинская и Гамбургская версии / Е. А. Данилова // Карл Филипп Эмануэль Бах (1714–1788): К 300-летию со дня рождения : сборник статей ; ред.-сост. С. Г. Мураталиева. – М. : Московская консерватория, 2017. – С. 193–202.

11. Blanken, Ch. Zur Werk- und Überlieferungsgeschichte des Magnificat Wq 215. von Carl Philipp Emanuel Bach / Ch. Blanken // Bach Jahrbuch. – Leipzig : Evangelische Verlagsanstalt. – 2006, Bd. 92. – S. 229–271.

12. Brian, D. Three Bach Magnificats : Programme for Musicfestival «Three Bach Magnificats», Saint John's Smith Square 1 October / D. Brian. – London, 2015. – P. 7–11.

13. Harasim, C. Jan Dismas Zelenkas Magnificat-Vertonungen ZWV 107 und ZWV 108 / C. Harasim // Clavibus unitis. – 2016. – № 5. – P. 1–7. – URL: <https://studylibde.com/doc/7323165/jan-dismas-zelenkas-magnificat-vertonungen-zwv-107-und-zwv> (дата обращения: 15.05.2025).

14. Warburton, E. Thematic catalogue and Music supplement. Part two: Sources & documents / E. Warburton // The collected works of Johann Christian Bach. – New York, London : Garland Publishing, 1999. – Bd. 48, 2. – 669 p.

15. Лютер, М. Магнификат (Песнь Богородицы) в переводе с комментариями / М. Лютер ; пер с нем. Н. Козловой. – URL: https://bookscafe.net/read/lyuter_martin-magnifikat_pesn_bogorodicy_v_perevode_s_kommentariyami-160766.html#p2 (дата обращения: 15.05.2025).

Гумерова Ольга Анатольевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории и теории музыки, Челябинский государственный институт культуры (Челябинск), e-mail: gumerchik@mail.ru

Поступила в редакцию 4 июля 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260104

J. C. BACH'S MAGNIFICATE: METAMORPHOSES OF THE GENRE ON THE WAY FROM BAROQUE TO CLASSICISM

O. A. Gumerova

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russian Federation

The article examines the Magnificat by Johann Christian Bach, created in 1760 in Milan. For the first time, its place in the evolution of the musical culture of the 18th century, the family compositional tradition and the work of Johann Christian himself is clarified. J. C. Bach's opus is analyzed through the prism of the Lutheran and Catholic interpretation of the canonical text and the practice of using musical rhetoric for its embodiment. The Magnificat is inscribed in the picture of the stylistic turn of the pre-classical period. Special attention is paid to the musical and historical ideas of that time about the unity of music and words within the framework of the genre with the canonical text and the problem of the relationship between church and secular styles in Latin liturgical compositions. As sources giving an idea of the discussions on this problem, the provisions of the encyclical of Pope Benedict XIV, the competition requirements for church composers of Milan and the discussions of Milanese music by Padre Martini are considered. The study allows us to conclude that J. C. Bach's Magnificat occupies a borderline position between the canons of the high baroque genre and early Viennese classicism and reflects the deep evolutionary processes taking place in the culture of that time.

Keywords: magnificat, J. C. Bach, baroque, early classicism, musical rhetoric.

References

1. Schubart C.F. D. Johann Christian Bach // *Ideen zu einer Ästhetik der Tonkunst*. Stuttgart, 1839. S. 201–204.
2. Schwarz M. Johann Christian Bach // *Sammelbände der Internationalen Musikgesellschaft*. Leipzig, 1901. H. 3. S. 401–454.
3. Bitter C.H. Carl Philipp Emanuel und Wilhelm Friedemann Bach und deren Brüder. Berlin, 1868. Bd. II. 377 S.
4. Ross P., Traub A. Die Kirchenmusik von Johann Christian Bach im Kloster Einsiedeln // *Fontes Artis Musicae*. Kassel. 1985. Vol. 32, № 2 (April-Juni 1985). P. 92–102.

5. Gärtner H. John Christian Bach: Mozart's friend and mentor. Portland, Or, 1995. 400 p.
6. Mal'zeva A.A. Muzycalno-ritoricheskie figury barocco: problemy metodologii analiza (na materiale lyuterskikh magnificatov XVII veka) [Musical and Rhetorical Figures of the Baroque: Problems of the Methodology of Analysis (Based on the Material of the Lutheran Magnificats of the XVII Century)]. Novosibirsk, 2014. 324 p.
7. Mal'zeva A.A. Magnificaty I.S. Bakha i ego synovey v kontekste traditsiy nemeckoy muzykal'noy ritoriki [Magnificats of J.S. Bach and his Sons in the Context of the Traditions of German Musical Rhetoric] // *Nauchnyy vestnik Moscovskoj konservatorii*. 2016. № 1 (24). P. 80–93.
8. Toffetti M. Padre Martini e il dibattito sulla Varietà degli stili nella musica sacra dei secoli XVI–XVIII // *La musica sacra nella Milano del Settecento: Atti del Convegno internazionale* (Milano, 17–18 maggio 2011). Milano. 2014. P. 65–87.
9. Castagna P.A. Encíclica Annus Qui Hunc do Papa Bento XIV (1749) e a definição de um modelo para o acompanhamento in-instrumental da musica sacra // *VII Conferencia de la asociación Argentina de Musicología / XIII Jornadas Argentinas de Musicología*, La Plata, Argentina, 17–20 ago. 2006. P. 1–17. URL: https://archive.org/stream/AEnciclicaAnnusQuiHuncDoPapaBentoXiv1749/2006-AEnciclicaAnnusQuiHunc_djvu.txt (date of accessed: 15.05.2025).
10. Danilova E.A. Magnificat C.F.E. Bakha: Berlinskaya i Gamburgskaya versii [Magnificat by C.F.E. Bach: Berlin and Hamburg versions] // *Carl Filipp Emanuel Bach (1714–1788): k 300-letiyu so dnya rozhdeniya*. M., 2017. P. 193–202.
11. Blanken Ch. Zur Werk- und Überlieferungsgeschichte des Magnificat Wq 215. von Carl Philipp Emanuel // *Bach Jahrbuch*. 2006, Bd. 92. S. 229–271.
12. Brian D. Three Bach Magnificats: Programme for Musicfestival “Three Bach Magnificats”, Saint John's Smith Square 1 October. London. 2015. P. 7–11.
13. Harasim C. Jan Dismas Zelenkas Magnificat-Vertonungen ZWV 107 und ZWV 108 // *Clavibus unitis*. 2016. № 5. P. 1–7. URL: <https://studylibde.com/doc/7323165/jan-dismas-zelenkas-magnificat-vertonungen-zwv-107-und-zwv> (date of accessed: 15.05.2025).
14. Warburton E. Thematic Catalogue and Music Supplement. Part two: Sources & Documents // *The collected works of Johann Christian Bach*. New York; London. 1999. Bd. 48, 2. 669 p.
15. Lyuter M. Magnificat (Pesn' Bogorodicy) v perevode s kommentarijami [Luther M. Magnificat (Song of the Virgin Mary) translated with comments]. URL: https://bookscafe.net/read/lyuter_martin-magnifikat_pesn_bogorodicy_v_perevode_s_kommentarijami-160766.html#p2 (date of accessed: 15.05.2025).

Olga A. Gumerova – Cand. Sc. (Art History), Associate Professor of the Department of the History and Theory of Music, Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, e-mail: gumerchik@mail.ru

Received July 4, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Гумерова, О. А. Магнификат И. К. Баха: метаморфозы жанра на пути от барокко к классицизму / О. А. Гумерова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 33–41. DOI: 10.14529/ssh260104

FOR CITATION

Gumerova O. A. J. C. Bach's Magnificate: metamorphoses of the genre on the way from Baroque to Classicism. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 1, pp. 33–41. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260104

ЗОЛОТНОЕ ШИТЬЕ МОНАСТЫРЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА НА УРАЛЕ

О. А. Ковтун

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Автор ставит своей задачей актуализацию темы церковного искусства в современной российской культуре в связи с процессом возрождения церковного шитья и возвращением литургических тканей в храмовое пространство. Цель исследования – изучить влияние художественных промыслов на искусство церковного шитья монастырей уральского региона второй половины XIX века. Автор обращается к малоизученному произведению золотного шитья. В статье изложены результаты изучения Плащаницы, на основании которого выдвинута версия принадлежности плащаницы золотошвейной мастерской Ново-Тихвинского женского монастыря конца XIX века. Исследование базировалось на художественно-стилистическом изучении орнаментальных мотивов указанной плащаницы и тенденции развития золотного шитья в уральском регионе, а также литургическом и символическом значении плащаницы в художественно-образном решении храмового пространства. Плащаница рассмотрена как один из видов церковного искусства и выявлено её отличие от других предметов церковного шитья. Рассмотрены особенности орнаментального шитья, которое, в отличие от древнерусского лицевого, связано с традицией народной и светской вышивки. В результате художественно-стилистического анализа орнаментики плащаницы конца XIX века выявлено влияние на стиль церковной вышивки приемов и узоров крестьянской, городской и усадебной вышивки

Ключевые слова: золотное шитье, церковное шитье, плащаница, художественный промысел, орнамент.

Введение

Интерес отечественного искусствознания к церковному искусству связан с возрождением православия в России в 80–90-е годы XX века. С принятием христианства в X веке Русь переняла тип богослужения, для которого характерно использование тканей, которые украшались золотным шитьем. «Шитье – средневековое искусство вышивки (религиозной и светской) и позднейшее, следующее средневековым образцам (гл. обр. применительно к странам и обычаям православного культа)» – такое определение искусства шитья содержит терминологический словарь изобразительного и декоративного искусства [1, с. 689].

В X–XIII веках золотное шитье на Руси имело широкое распространение. Коллекция произведений золотного шитья, большую часть которой составляют вышивки домонгольского периода, находится в собрании Государственного Исторического музея. Как отмечают исследователи золотным шитьем украшались не только одежды светской и духовной знати, но и отдельные элементы праздничной одежды сельского населения Древней Руси [2]. Произведения церковного шитья: подвесные пелены, покровы, хоругви, облачения духовенства, выполняющие литургическую функцию, были в то же самое время видом храмового декора.

Среди разнообразных тканей, которые формировали храмовое убранство и использовались в богослужении, особое место занимает плащаница, иконография которой имеет глубокий богословский смысл. «Плащаница (погребальные пе-

лены) – в православном богослужении ткань с выполненным шитьем или красками изображением погребения Господа Иисуса Христа в среднике и орнаментальной композицией на кайме и текстом песнопения» [3, с. 699].

В XVII веке плащаница утверждается как самостоятельный богослужебный предмет и основное крупное произведение церковного шитья. Затем на протяжении XVIII и XIX веков характер изготовления и стиль шитья плащаниц изменяются в зависимости от конкретного культурно-исторического периода. В XVII веке усиление декоративности приводит к изменению соотношения лицевого и орнаментального в церковном текстиле и увеличению круга памятников с орнаментальным, которое начинает использоваться как самостоятельный вид вышивки в церковном искусстве.

Во второй половине XIX века развитие национальной традиции в оформлении тканей в сфере фабричного производства и образование Московского товарищества торговых и золотоканительных производств в 1899 году «В. Алексеев, П. Вишняков и А. Шамшин» способствовали вытеснению лицевого шитья орнаментированными тканями отечественного производства, унификации и стандартизации церковного текстиля, а также использованию нехарактерных для древнерусского лицевого шитья материалов: тунцал, блестки, фольга, бахромы, биты, стеклярус, мишура. Все это изменило не только художественные и технические приемы изготовления, но и иконографию плащаниц. Появляются погрудные изображения святых с рисованными масляными красками и печатными

ликами. Кроме того, утрата традиции лицевого шитья на протяжении XVIII–XIX веков обусловила сближение церковного шитья с народной крестьянской и городской культурой и вышивальными промыслами, что способствовало возрождению религиозного искусства, которое охватило в 80-е годы XIX века все виды прикладного искусства в России.

В советском искусствознании памятники орнаментального церковного искусства второй половины XIX оказались изучены недостаточно. Определить место создания позднего церковного текстиля сложно из-за отсутствия вкладных надписей, характерной особенности древнерусского лицевого шитья. В качестве еще одной причины, которая усложняет определение места создания изделий, Т. В. Хребина называет многообразие русских парчовых тканей, производимых в конце XIX – начале XX века, что способствовало выделению церковного текстиля в отдельную отрасль, но, с другой стороны, привело к его стандартизации [4, с. 79].

Цель исследования – на основе формально-стилистического и художественного анализа орнаментики плащаницы ввести в научный оборот изделие золотошвейного искусства конца XIX века и актуализировать тему церковного искусства в современной российской культуре.

Обзор литературы

Начало изучения церковного шитья в конце XIX века связано с именами коллекционеров А. С. Уварова и П. И. Щукина, а также Н. П. Кондакова, обративших внимание на художественную ценность этого вида искусства. В ряду известных историков и искусствоведов, обратившихся к исследованию произведений церковного шитья в начале XX века стоят имена В. Г. Георгиевского, Т. А. Бадяевой, А. Н. Свирина. Шитье рассматривается как вид церковного искусства в трудах А. А. Фролова [5]. В 70-е годы XX века свой вклад в изучение древнерусского искусства в отечественной историографии внесли И. И. Вишневецкая, Л. Д. Лихачева [6], Т. Н. Манушина [7], Н. А. Маясова [8], А. В. Силкин [9]. В их трудах преобладает исторический подход. Решаются вопросы создания, изучается техника исполнения и атрибуция предметов церковного шитья. Изучению археологического текстиля с вышивкой золотыми нитями, техники вышивки и типам орнамента золотного шитья посвящены работы Е. Ю. Катасоновой и М. В. Фехнер.

Среди периодических изданий, которые обращались к рассматриваемым вопросам, с 2003 года ведущее место принадлежит журналам «УБРУСЪ».

В постсоветское время появился интерес к произведениям орнаментального церковного шитья, которые хранятся не только в столичных, но и в региональных музеях России.

Методы исследования

В основе исследования лежит комплексный подход, включающий себя искусствоведческий, историко-сравнительный анализ художественной специфики декоративно-прикладного православного искусства уральского региона XIX – начала XX века. Формально-стилевой анализ образностиллистических особенностей орнаментики плащаницы дает возможность представить эволюцию развития церковного искусства.

Результаты и дискуссия

Во второй половине XIX века в России наблюдается численный рост числа женских монастырей и образование многочисленных женских общин, что, по мнению исследователей, стало решением духовных и социальных проблем этого периода.

Золотное шитье – традиционный для женских монастырей вид церковного искусства. Одежда из дорогих шелковых тканей для духовной элиты, украшенная золотой вышивкой, создавалась в монастырях. Из письменных источников известно, что сестра Владимира Мономаха Анна открыла в Киеве в Андреевском монастыре в 1086 году школу для обучения девочек вышивке золотом и серебром. Золотошвейное искусство было известно в древних государствах Азии, Византии и позднее получило распространение в Западной Европе. Техника древнерусского золотного шитья изучена в работах Е. В. Катасоновой и М. А. Новицкой, которые отмечают, что большинство вышивок были выполнены в технике шитья «в прокол» или «на проем», но в XIII веке техника шитья «в прикреп» вытесняет указанные и распространяется в Византии, Западной Европе и на Руси [10, с. 34].

Искусство церковной вышивки второй половины XIX века развивается в тесной связи с городской и традиционной крестьянской культурой. С целью сохранения традиций народного рукоделия в 80-е годы XIX века создаются промысловые центры вышивального искусства и учебные школы и мастерские. Во второй половине XIX века центром золотного шитья становится Торжок. По указанию Д. Д. Романова в 1912 году в Торжке Кустарный отдел Новоторжской Земской Управы с целью улучшения и развития золотошвейного промысла организовал учебные мастерские для обучения мастериц искусству шитья золотом и серебром. Кустарный отдел обеспечивал промысел заказами на изготовление золотошвейных изделий, причем предпочтение отдавалось церковным предметам для облачения священнослужителей. Еще одним центром золотошвейного искусства была Казань, где золотошвейными работами было занято десять тысяч работниц [11]. Золотошвейное искусство Торжка и Казани способствовало распространению традиции золотного шитья в Поволжье и в уральском регионе.

Традиции вышивки золотыми и серебряными нитями проявились во многих женских монастырях уральского региона¹. Ценным источником сведений о золотошвейной мастерской при Ново-Тихвинском монастыре является работа В. С. Иконникова, изданная в Санкт-Петербурге в 1875 году. Для подтверждения влияния золотного шитья Торжка и Арзамаса Нижегородской губернии на творчество монастырей уральского региона обратимся к описанию Ново-Тихвинского монастыря, составленному В. С. Иконниковым. Из описания известно, «что в 1842 послушница Марфа и монахиня Магдалина обучались искусству золотного шитья в Москве и Арзамасе». Как отмечает В. С. Иконников, при всем многообразии художественных промыслов монастыря в 1873 году золотошвейным рукоделием в мастерских были заняты сорок семь послушниц, для сравнения иконописанием занимались десять послушниц монастыря [12, с. 34, 118].

Искусство золотошвей Ново-Тихвинского монастыря высоко ценилось, подтверждением этому служит Высшая награда – почетный диплом (Grand prix), которым были награждены сестры Горно-Уральского Ново-Тихвинского женского монастыря в 1904 году в Петербурге на Первой Всероссийской Выставке монастырских работ и церковной утвари, на которой демонстрировались художественно выполненные предметы церковного искусства, созданные в монастырских мастерских в конце XIX – начале XX века. В разделе монастырских работ участвовали 78 монастырей, но почетный диплом получил Ново-Тихвинский женский монастырь [13].

Особый художественный интерес представляет Плащаница, которая хранится в церкви Вознесения Господня, созданной по проекту архитектора Эрнста Христиана фон Сарториуса в 1852 году в городе Касли (рис. 1). В XIX веке Касли был крупным промышленным центром, при котором сложилась женская община, которая в 1903 году была преобразована в Казанско-Богородицкий женский общежительный монастырь екатеринбургской епархии. В 1878 году каслинская община стала отделением Ново-Тихвинского женского монастыря. Екатеринбургские епархиальные ведомости за 1904 год содержат сведения, что монахини и послушницы Казанско-Богородицкого монастыря тоже занимались рукоделием: «шили церковные облачения, вышивали шелками, синелью, шерстями», но золотошвейное искусство их не достигло такого уровня мастерства, как в Ново-Тихвинском [14, с. 270–271].

Указанная Плащаница отличается монументальными размерами. Центральная композиция представляет собой «Положение во гроб» снятого

с креста тела Христа. Центрическая композиция средника плащаницы с размещением фигур Богоматери и Св. жен в самом центре аналогична трактовке этой сцены для плащаниц конца XIX века. Средник плащаницы обрамляет кайма, которая дополняет богословский смысл образов. Литургическая надпись «Благообразный Иосиф...», выполненная золотыми нитями по вишневому фону бархата, является контрастной по отношению к цвету парчи средника плащаницы и продолжает традиции древнерусской вышивки. В углах каймы плащаницы изображение херувимов с накладными ликами и с крыльями, вышитыми по карте в обрамлении растительного узора. Стилизованный растительный орнамент каймы с выющимися побегами листьев и несложными букетами, перевязанными бантом, свидетельствует о проникновении в церковное искусство элементов светской и крестьянской вышивки. Все элементы узора выполнены характерным для торжковского промысла приемом «литым швом» в «прикреп по карте». Техника шитья по «карте» (картону) золотыми нитями, которая подчеркивает драгоценную фактуру вышивки, особенно широко стала использоваться для украшения литургического шитья в XIX веке.

Рис. 1. Плащаница (общий вид). XIX в.
(ткань, литография, золотая нить, шитье по карте, шов в прикреп, кованный шов, канитель, бить, пайетки, стразы).
Касли. Храм Вознесения Господня
Fig. 1. The Shroud (general view). XIX century (fabric, lithography, gold thread, card sewing, seam in the center, forged seam, gimp, beat, sequins, rhinestones).
Kasli. Church of the Ascension of the God

Характерной особенностью указанной плащаницы являются накладные нимбы святых, которые выполнены в технике меднолитой пластики с позолотой и оформлены орнаментом с характерными зубцами, гармонирующим с серебряными и золотыми нитями парчи одежд святых. Меднолитая пластика была традиционным промыслом, который нелегально существовал в центрах поселения староверов Урала с XVII века, но легализовался только в 1883 году. Одним из центров меднолитой

¹ Например, высоким качеством золотошвейных работ был известен Ново-Тихвинский женский монастырь в Екатеринбурге (1809).

пластики был и Екатеринбург [15, с. 12]. Еще одна особенность рассматриваемой плащаницы – страстные символы и атрибуты, расположенные со стороны фигуры Иосифа. Включение символов Страстей Иисуса Христа в композицию характерно для плащаниц конца XIX века, что дает возможность более точно определить время её изготовления.

Художественное мастерство, а также характер орнаментального узора, выполненного «литым» швом «в прикреп» по карте, традиционным для торжокского промысла, дает основание предположить, что плащаница выполнена в золотошвейной мастерской Ново-Тихвинского монастыря в конце XIX века. Однако особенности искусства церковного шитья не позволяют сделать однозначных выводов. Проблема определения места создания большинства изделий церковного шитья конца XIX века остается открытой и нуждается в дальнейшем изучении.

Выводы

Таким образом, в результате исследования выявлены тенденции и особенности развития искусства церковного шитья монастырских мастерских уральского региона на примере плащаницы, типичной для предметов церковного искусства конца XIX – начала XX века. Плащаница рассмотрена как вид церковного искусства, выявлено её отличие от других предметов церковного шитья. Изучение плащаниц, имеющих орнаментальную вышивку XIX века, которая связана с крестьянской и светской вышивкой, в отличие от лицевого шитья, которое является полностью церковным искусством, может способствовать возрождению традиций русского церковного шитья в наше время и возрождению искусства мастериц-золотошвей.

Введение в научный оборот малоизученного произведения золотошвейного искусства позволяет определить роль мастерских монастырей уральского региона в развитии художественных промыслов на Урале и их влияние на процессы стилизации в художественной культуре в XIX – начале XX века и особенно на декоративно-прикладное искусство.

Литература

1. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура : терминологический словарь / под ред. А. М. Кантора. – М. : Эллис Лак, 1997. – 736 с.
2. Фехнер, М. В. Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании ГИМ / М. В. Фехнер // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. – 1993. – Вып. 82. – С. 8–9.
3. Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. LVI. – М., 2019.
4. Хребина, Т. В. Церковное шитье: традиции и современность : дис. ... канд. искусствоведения / Т. В. Хребина. – СПб., 2007. – 380 с.
5. Фролов, А. А. Подея. Декоративная ткань в византийском храме / А. А. Фролов // Церковное шитье в Древней Руси : сборник статей ; ред., сост. Э. С. Смирнова. – М. : Галарт, 2010.
6. Древнерусское шитье XV – начала XVIII века в собрании Государственного Русского музея : каталог выставки / Государственный Русский музей ; сост. кат. и авт. ст. Л. Д. Лихачева. – Л. : Гос. Русский музей, 1980. – 135 с.
7. Художественное шитье в Древней Руси в собрании Загорского музея : альбом / авт.-сост. Т. Н. Манушина. – М. : Советская Россия, 1983. – 294 с.
8. Маясова, Н. А. Древнерусское шитье : альбом / Н. А. Маясова. – М. : Искусство, 1971. – 57 с.
9. Силкин, А. В. Строгановское лицезовое шитье / А. В. Силкин // Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. И. Э. Грабаря. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – 397 с.
10. Катасонова, Е. Ю. Золотное шитье домонгольской Руси X–XIII вв. / Е. Ю. Катасонова. – URL: https://ubrus-ru.narod.ru/ubrus_4.html (дата обращения: 04.11.2025).
11. Кустарная промышленность России: очерки С. А. Давыдовой, Е. Н. Половцевой, К. И. Беренс и Е. О. Свицкой. – СПб. : Типо-лит. «Якорь», 1913. – 440 с. – URL: <https://www.prlib.ru/item/425782> (дата обращения: 07.11.2025).
12. Иконников, В. С. Историческое описание Екатеринбургского Новотихвинского первоклассного девичьего монастыря / В. С. Иконников. – СПб. : Типо-лит. Д. А. Лившица, 1875. – 119 с.
13. Всероссийская выставка монастырских работ и церковной утвари // Вестник Первой Всероссийской выставки монастырских работ и церковной утвари, 1904 г., Таврический Дворец ; ред. А. А. Ходнев. – СПб. : Тип. Альтшулера, 1904. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007902586/https://www.prlib.ru/item/425782 (дата обращения: 07.11.2025).
14. Павловский, С. Казанско-Богородицкий общежительный монастырь в Каслинском заводе Екатеринбургской епархии / С. Павловский // Екатеринбургские епархиальные Ведомости. – 1904. – № 12. – С. 266, 281.
15. Уральская икона: живописная, резная и литая икона 18 – нач. 20 в. / авт.-сост. Ю. А. Гончаров, Н. А. Гончарова, О. П. Губкин и др. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1998. – 351 с.
16. Народное искусство. Русская традиционная культура и православие. XVIII–XXI вв. Традиции и современность : сборник статей / авт.-сост. и науч. ред. М. А. Некрасова. – М. : Союз Дизайн, 2013. – 623 с.

Ковтун Ольга Автономовна – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии, культуры и искусства, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: ol.kowtun2012@yandex.ru. ORCID 0000-0003-2609-5813

Поступила в редакцию 9 ноября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260105

GOLD EMBROIDERY OF MONASTERIES AT THE END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY IN THE URALS

O. A. Kovtun

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The author aims to actualize ecclesiastical art in contemporary Russian culture due to the revival of ecclesiastical embroidery and the return of liturgical fabrics to churches. The research aims to study the impact of arts and crafts on the ecclesiastical embroidery in the Ural region covents in the second half of the 19th century. The author focuses on a poorly studied piece of ecclesiastical embroidery, which is kept in the Church of the Ascension of the Lord in Kasli. The research is based on a comprehensive approach to investigating the liturgical and symbolic purpose of the shroud and its role in the Orthodox Church decoration. The shroud is considered as one of the types of church art and its differences from other objects of church art are revealed. The features of ornamental embroidery are considered. The research results in the scientific introduction of the first published monument of gold embroidery art, which can become a pillar for studying the work of individual monastic art workshops of the Ural region in the second half of the 19th century.

Keywords: gold embroidery, ecclesiastical embroidery, shroud, art and craft, ornament.

References

1. Apollon. *Izobrazitel'noe i dekorativnoe iskusstvo. Arkhitektura* [Fine and Decorative Arts. Architecture]: terminologicheskii slovar' / pod red. A.M. Kantora. Moscow: Ellis Luck, 1997. 736 p.
2. Fekhner M.V. *Drevnerusskoye zolotoye shitye X–XIII vv. v sobranii GIM* [Old Russian Gold Embroidery of the 10th–13th Centuries in the Collection of the State Historical Museum] // *Srednevekovyye drevnosti Vostochnoy Yevropy. Trudy GIM*. 1993. Iss. 82. P. 8–9.
3. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]; pod red. Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla. T. LVI. Moscow, 2019.
4. Hrebina T.V. *Tserkovnoe shitye: tradicii i sovremennost'* [Church Sewing: Traditions and Modernity]: dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Saint Petersburg, 2007. 380 p.
5. Frolov A.A. *Podea. Dekorativnaya tkan v vizantiyskom khrame* [Podea. Decorative fabric in a Byzantine Church] // *Tserkovnoe shit'e v Drevney Rusi: sbornik statey; red., sost. E.S. Smirnova*. Moscow: Galart, 2010.
6. *Drevnerusskoye shitye XV – nachala XVIII veka v sobranii Gosudarstvennogo Russkogo Muzeya* [Old Russian Embroidery of the 15th – early 18th Centuries in the Collection of the State Russian Museum]: katalog ystavki; Gosudarstvennyy Russkiy muzey; sost. kat. i avt. st. L.D. Likhacheva. Leningrad: State Russian Museum, 1980. 135 p.
7. *Khudozhestvennoye shitye v Drevney Rusi v sobranii Zagorskogo muzeya* [Artistic Sewing in Ancient Rus in the Collection of the Zagorsk Museum]: albom; avt.-sost. T.N. Manushina. Moscow: Soviet Russia, 1983. 294 p.
8. Mayasova N.A. *Drevnerusskoe shit'e* [Old Russian Sewing]. Moscow: Art, 1971. 57 p.
9. Silkin A.V. *Stroganovskoye litsevoye shitye* [Stroganov Face Sewing]; *Vserossiyskiy khudozhestvennyy nauchno-restavratsionnyy tsentr im. I.E. Grabarya*. Moscow: Progress-Tradition, 2002. 397 p.
10. Katasonova E.Y. *Zolotoye shitye domongolskoy Rusi. X–XIII vv.* [Gold Embroidery of Pre-Mongol Russia, 10th–13th Centuries]. URL: https://ubrus-ru.narod.ru/ubrus_4.html (date of accessed: 04.11.2025).
11. *Kustarnaya promyshlennost Rossii: ocherki* S.A. Davydovoy, E.N. Polovtsevoy, K.I. Berens i E.O. Sviderskoy [Handicraft Industry of Russia: Essays by S.A. Davydova, E.N. Polovtseva, K.I. Berens and E.O. Sviderskaya]. Saint Petersburg: Typo-lit. "Anchor", 1913. 440 p. URL: <https://www.prilib.ru/item/425782> (date of accessed: 07.11.2025).

12. Ikonnikov V.S. Istoricheskoe opisaniye Ekaterinburgskogo Novotikhvinskogo pervoklassnogo devich'ego monastyrya [Historical Description of Ekaterinburg Novotikhvinsky First-Class Girl Monastery]. Saint Petersburg: Typo-lit. Livshits Publ., 1875. 119 p.

13. Vserossiyskaya vystavka monastyrskikh rabot i tserkovnoy utvari [All-Russian Exhibition of Monastic Works and Church Vessels] // *Vestnik Pervoy Vserossiyskoy vystavki monastyrskikh rabot i tserkovnoy utvari, 1904 g., Tavricheskiy Dvorets*; red. A.A. Khodnev. Saint Petersburg: Altshulera Publishing House, 1904. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007902586/https://www.prilib.ru/item/425782 date of accessed: 07.11.2025).

14. Pavlovskiy S. Kazansko-Bogoroditskiy obshchezhitel'nyy monastyr' v Kaslinskom zavode Ekaterinburgskoy eparkhii [Kazan-Bogoroditsky Cenobitic Monastery in the Kasli Plant of the Yekaterinburg Diocese] // *Ekaterinburgskie eparkhial'nye Vedomosti*. 1904. № 12. P. 266, 270–271, 281.

15. Ural'skaya ikona. Zhivopisnaya, reznaya i litaya ikona XVIII – nachala XX v. [Ural Icon: Painted, Carved and Cast Icon of the 18th – Early 20th Century]. Ekaterinburg: Publishing House Ural university, 1998. 351 p.

16. Narodnoye iskusstvo. Russkaya traditsionnaya kultura i pravoslaviye. XVIII–XXI vv. Traditsii i sovremennost : sb. st. [Folk Art. Russian Traditional Culture and Orthodoxy. XVII–XVIII Centuries. Traditions and Modernity: Collection of Articles]: sbornik statey / avt.-sost. i nauch. red. M.A. Nekrasova. Moscow: So-yuz Design, 2013. 623 p.

Olga A. Kovtun – Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Theology, Culture, and Art, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: ol.kovtun2012@yandex.ru

Received November 9, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Ковтун, О. А. Золотное шитье монастырей в конце XIX – начале XX века на Урале / О. А. Ковтун // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 42–47. DOI: 10.14529/ssh260105

FOR CITATION

Kovtun O. A. Gold embroidery of monasteries at the end of the 19th – beginning of the 20th century in the Urals. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 1, pp. 42–47. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260105

ТЕМАТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ ЭПОСА В ЖИВОПИСИ МОНГОЛИИ

К. А. Мелехова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Статья посвящена эпосу как одному из фундаментальных компонентов монгольской культуры, определяющему особенности художественного мышления и изобразительных особенностей национального искусства. Его влияние на становление и развитие живописи, особенно в традиции стилевого направления «монгол зураг», остается недостаточно исследованным в искусствоведческом контексте. Цель статьи – выявить и проанализировать художественные способы воплощения эпического наследия в живописи Монголии XX–XXI вв., определить роль эпоса в формировании иконографии, композиционных решений и образной системы. Материалом исследования послужили произведения живописи монгольских художников XX–XXI вв., в которых раскрываются эпические архетипы и мифопоэтические образы: У. Ядамсурэна (Старик-сказитель, 1958), Д. Амгалана (Красная пыль, 1967), Н.-О. Цултэма (Призыв, 1976), М. Даваахуу (Хувьсгалын дуулиан, 1971), Э. Пүрэвжава (Гэсэр-хан в пути, 2014), Б. Шагдарсурэна (Женщина, 2015), О. Мягмара (Мать, 1978) и др. В исследовании использованы методы иконологического анализа, сравнительно-типологический подход и принципы семиотического прочтения художественного образа, что позволило выявить взаимосвязь между структурой эпического повествования и изобразительными принципами «монгол зураг». В результате исследования установлено, что эпос в живописи Монголии выполняет не только повествовательную, но и структурообразующую функцию. Эпические архетипы – герой-всадник, сказитель, хранитель рода, небесная дева – становятся основой национального художественного языка «монгол зураг», где сакральное и мифопоэтическое начала синтезируются с принципами декоративной живописи. Эпос в монгольской живописи предстает как универсальный код культурной памяти, обеспечивающий преемственность и диалог традиции и современности.

Ключевые слова: эпос, «монгол зураг», монгольская живопись, художественная традиция.

Введение

Монголия – это уникальный культурно-исторический регион, в котором на протяжении веков формировался особый художественный ландшафт, основанный на синтезе этнических, религиозных и социокультурных традиций. Фундаментальным компонентом в процессе формирования культурной традиции здесь выступает эпическое наследие, концентрирующее в себе мировоззренческие установки, мифопоэтические модели и историческую память монгольского народа. Эпос, обладая устойчивыми формально-структурными характеристиками устной поэзии, выходит далеко за пределы литературного феномена: он оказывает непосредственное воздействие на становление и развитие художественной культуры, определяя специфику ее образно-смысловых систем. Актуальность обращения к эпическим памятникам в искусствоведческом контексте обусловлена необходимостью выявления их роли в формировании художественного языка, развитии изобразительных принципов и становлении национальной художественной школы. Эпос не только фиксирует представления о мире, но и формирует художественные образы, которые получают дальнейшее развитие в изобразительном искусстве, в том числе в национальной живописи «монгол зураг». В эпических текстах формируются архетипы героев, пространственно-временные модели и символические структуры, оказавшие непосред-

ственное влияние на иконографию и композиционные решения в монгольской живописной традиции. Привлечение методов иконологического анализа, сравнительно-типологического и семиотического подходов позволяет рассматривать эпос не только как словесно-поэтический источник, но и как основу формирования образно-символического языка монгольского искусства, что придает проблематике особую значимость в современном искусствоведческом дискурсе.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе художественных способов интерпретации эпического наследия в национальной живописи «монгол зураг», а также в определении его роли в формировании иконографии, композиционных решений и художественной образности монгольского изобразительного искусства. Объектом исследования выступает монгольская художественная культура XX–XXI вв. в ее национально-стилевых проявлениях. Предметом исследования в данной статье является интерпретация эпического наследия в живописи «монгол зураг» как стилевом направлении национального искусства, с акцентом на иконографии, композиции и трактовке художественных образов.

Обзор литературы

Изучение художественной трактовки эпического наследия в «монгол зураг» невозможно без обращения к собственно эпическим памятникам, сформировавшим смысловой и образный фундамент

национальной художественной традиции. Уже в XII – начале XIII в. складываются эпические циклы, былинные повествования и героические песни, в которых отразились представления монголов о мироустройстве, героике и социальной организации общества. В. М. Жирмунский в сравнительно-историческом разрезе исследовал тюркомонгольские сказания, выделив устойчивые мотивы: чудесное рождение, героическое детство, богатырский рост, неуязвимость, приобретение коня и оружия, сватовство «как первое звено поэтической биографии героя». Ученый обозначил эти произведения как «богатырские сказки» [1, с. 134], тем самым подчеркнув их синкретический характер и единство мифологического, поэтического и этнографического начал. Наиболее значимым источником этого периода является древнемонгольская летопись «Монголын нууц товчоо» («Сокровенное сказание монголов»), представляющая собой важнейший памятник не только исторического, но и эпического характера. Текст включает в себя два смысловых блока: биографию Чингисхана и описание повседневной жизни различных социальных слоев общества, что позволяет рассматривать его как комплексный источник культурных и художественных представлений [2]. К числу ключевых произведений монгольской эпической традиции относится также монголо-калмыцкий героический эпос «Джангар» (XV–XVII вв.), состоящий из цикла песен, объединенных повествованием о подвигах хана Джангара и его двенадцати богатырей [3]. Существенное значение имеет и эпос «Гэсэр», сюжетно-тематическая основа которого восходит к тибетской литературе. В дальнейшем монголы развили этот сюжет в собственном культурном контексте, сформировав обширный цикл, где главный герой предстает как небесный богатырь-освободитель, противостоящий хтоническим силам хаоса [4]. Особое место занимает эпическое произведение «Галвын улгэр», связанное с шаманской традицией и демонстрирующее ее трансформацию под воздействием буддийской доктрины [5, с. 201]. Наличие в тексте пантеона шаманских божеств в буддизированной интерпретации свидетельствует о процессах культурного синтеза, оказавших воздействие на всю систему монгольского устного творчества.

Данные памятники представляют собой комплекс первоисточников, на основе которых исследователи выстраивают научные подходы к осмыслению взаимодействия эпоса и изобразительного искусства. Исследование взаимодействия эпоса и монгольского изобразительного искусства опирается на два блока работ. Это труды, раскрывающие изобразительную традицию эпического нарратива в религиозном и светском искусстве народов Центральной Азии, прежде всего работы о трактовке эпических героев и сюжетов в буддий-

ской тханке и монументальной живописи. Анализ этих произведений искусства позволяет проследить, каким образом эпические образы воплощались в рамках иконографических канонов буддийского искусства и как трансформировались в сложную систему символов и композиционных приемов: труды К. М. Герасимовой, Е. Д. Огневой, Л. Л. Абаевой, Б. Б. Барадийн, Т. В. Сергеевой, Н. Г. Альфонсо и др. Второй блок исследований направлен на изучение национальной живописи «монгол зураг», в которой традиции эпического нарратива нашли новое выражение. В этих трудах «монгол зураг» рассматривается как феномен синтеза архаических и модернистских начал, где мифопоэтические сюжеты и героические архетипы переосмысливаются средствами художественной изобразительности национальной живописной формы: эти стороны освещены в работах Ц. Уранчимэг, З. Уянги, Ц. Эрдэнэцога, Л. И. Нехвядович, М. Ю. Шишина, К. А. Мелеховой, Е. В. Яйленко, Е. А. Мушниковой, Т. В. Иккерт, С. М. Белокуровой, Батзориг Март, К. Пратт Этвуда и др.

Методы исследования

В статье применяется комплекс искусствоведческих и междисциплинарных методов. Ключевым является иконографический и иконологический анализ, который позволяет, с одной стороны, выявить устойчивые сюжеты, мотивы и атрибуты эпических персонажей, с другой – раскрыть их смысловой потенциал как выражение культурных значений и мировоззренческих установок, реализованных через композицию, колорит, ритм и символические детали. Такой выбор обусловлен тем, что «монгол зураг» опирается на традиционные изобразительные коды (в том числе близкие буддийской тханке), в которых смысл формируется не столько посредством прямого повествования, сколько через знаковую систему канонических поз, атрибутов, орнаментальных мотивов и устойчивых цвето-символических соответствий. Для выявления закономерностей эволюции и преобразования эпических образов в творчестве разных авторов и в различные периоды применен сравнительно-типологический подход: он позволяет сопоставлять художественные решения (композиционные схемы, типажи, приемы одновременного изображения нескольких эпизодов сюжета, декоративную организацию пространства) и на этой основе выделять устойчивые приемы художественного воплощения эпоса в национальной живописи. Дополнительно использованы принципы семиотического анализа художественного образа, рассматривающие эпос как семиотический механизм культурной памяти и позволяющие проследить, каким образом мифологемы и мотивные комплексы организуют композиционно-семантическую структуру произведения и задают семантические рамки его прочтения.

Результаты и дискуссия

Исследователь Ринчиндорджи в работе «Mongolian-Turkic Epics: Typological Formation and Development» выделяет устойчивые эпические мотивы-циклы и, основываясь на их содержании, разделяет их на два типа: брачный мотив и боевой мотив, где разворачивается борьба с демоническим противником [6, с. 383]. Эти мотивные комплексы определили формирование нарративных схем, героических архетипов и образных структур, которые сохраняются в последующей традиции. Каждый из них имеет собственную структурную модель с набором взаимосвязанных эпизодов, восходящих к ранним пластам героического повествования. Именно эти эпические произведения послужили сюжетной основой для монгольской живописи. Уже в XIV веке в ее тематике доминируют образы героических богатырей, персонажей из народных эпосов, сцены сражений и воспевание подвигов легендарных воинов. Произведения, хранящиеся в музее Толкану (Стамбул) (рис. 1), позволяют судить об особенностях монгольской живописи того периода [7, с. 5]. В них представлена жизнь кочевников, образы скачущих всадников, сцены охоты, а также изображения антропоморфных существ. Работы отличаются тщательно проработанной композицией, выразительным ритмом движений и монументальной трактовкой образов. Живопись характеризуется реалистической манерой исполнения, рельефным рисунком и насыщенной цветовой гаммой. В этих произведениях проявляется стремление к созданию обобщенного героического типа, что сближает их с эпическим мировидением и свидетельствует о формировании национальной художественной традиции.

Рис. 1. Демоны. Мехмед Сия-Калем, музей дворца Топкапы, Стамбул. Алами

Fig. 1. Demons. Mehmed Siyah Kalem, Topkapi Palace Museum, Istanbul. Alamy

Одним из устойчивых архетипов монгольской художественной традиции является образ скачущего героя, воплощающего идею движения, силы и духовного преодоления. Этот мотив, восходящий к глубинам эпического сознания, связан с эпохой становления верховой езды как культурной и мифопоэтической практики. Образ коня – спутника, хранителя и продолжения героя – стано-

вится символом жизненной энергии и космической динамики, объединяющей небо и землю. Архетип всадника, стремительно пересекающего пространство, встречается в эпосах тюркских и монгольских народов, является символом идеи пути, судьбы и духовной миссии. Художественно-эстетический канон, сформировавшийся в эпических произведениях и героических легендах, сохраняет устойчивый набор мотивов, продолжая существовать в современной ойратской традиции [8, с. 10]. В монгольской живописи этот архетип получает художественное воплощение. В произведениях разных периодов герой представлен как воин – человек, наделенный сакральной энергией противостояния хаосу. Композиционное решение таких работ лаконично и символично: фигура героя помещена в центр, изображена в полуразвороте, в момент стремительного движения между небом и землей. Облака, подобные языкам пламени, образуют вокруг него динамическую орбиту, подчеркивая его божественную природу и метафорический статус. Образ героя ярко передан в работах Д. Амгала. Дагдан Амгалан – один из ведущих мастеров монгольской живописи XX века, соединивший традиции национального искусства с современными живописными поисками. Его творчество знаменует этап «национального художественного возрождения», в котором эпическое мировидение и архетипы героического сознания получили новое художественное воплощение [9, с. 194]. Для любого художественного произведения Амгала характерны жизненность, выразительность, цельность. Жизненность проявляется в видении современности через ее прогрессивные черты, в выделении их и показе в движении. Выразительность зависит от умения художника пользоваться контрастами (цветовыми, сюжетными, психологическими) и подчинять их композиционному построению [10, с. 120]. Работа «Красная пыль» (рис. 2) является одним из наиболее поэтических произведений художника, в котором синтезируются традиционные образы монгольского эпоса и художественный язык модернизированной живописи XX века. Композиция построена на диагонали и пронизана ощущением стремительного движения. Фигура всадника, устремленного сквозь потоки огненно-красных облаков пыли, воплощает архетип небесного героя – посредника между земным и небесными мирами. Колористическая гамма, основанная на контрасте холодного голубовато-зеленого фона и пульсирующих красно-оранжевых цветовых акцентов, создает эффект вибрации и внутреннего напряжения, подчеркивая динамику сцены. Амгалан использует декоративное решение пространства, характерное для традиции «монгол зураг», соединяя его с экспрессивной живописной манерой. Силуэт героя и коня трактован обобщенно, почти символически: они растворяются в облаках, становясь частью косми-

ческого движения. Таким образом, «Красная пыль» демонстрирует архетипический образ героя-проводника, преодолевающего границы мира – образ, соотносимый с эпическими мотивами «Гэсэра» и «Джангара». Произведение отражает идею Амгалана, в которой эпос переосмысливается как метафора духовного пути и творческого преодоления. В этой работе эпическое сознание обретает живописную форму, где движение цвета и линии становится выражением активной энергии и мифопоэтического начала монгольской культуры.

Рис. 2. Амгалан Дагдан. Красная пыль. Авторская копия. 1967. Государственный музей Востока
Fig. 2. Dagdan Amgalan. Red Dust. Author's copy. 1967. State Museum of Oriental Art

В контексте рассмотрения тематических и стилистических особенностей воплощения эпоса в живописи Монголии особенно показательно творчество художников второй половины XX века, стремившихся соединить традиционное эпическое мировидение с задачами современного искусства. Одним из таких примеров является произведение М. Даваахуу «Хувьсгалын дуулиан» («Голос революции», 1971) (рис. 3), в котором эпическая структура повествования и архетип героя получили новое прочтение в духе национальной живописи «монгол зураг». В этой работе революция трактуется не только как исторический перелом, но и как мифопоэтический акт обновления мира, где герой предстает в образе небесного всадника. Композиция строится по принципам буддийской тханки, подчинена центру – фигуре всадника, окруженно-го вихрями облаков и языками пламени, символизирующими энергию преобразования и очищения. Радуга над головой главного персонажа обозначает связь земного и небесного, превращая историческое событие в метафору космической гармонии. Таким образом, художник переносит в живопись эпический архетип героя-преобразователя, восходящий к образам Чингисхана, Гэсэра и Джангара, наделяя революционную тему символическим и философским измерением. Колористическая напряженность – сочетание красных, охристых и синих тонов – усиливает ощущение внутренней драмы и торжества духа. Через синтез эпического, символического и исторического уровней Даваахуу формирует образ национального героя как воплощение идеи преодоления и возрождения, утверждая значение эпического мировидения в художественном сознании Монголии XX века.

Рис. 3. М. Даваахуу Хувьсгалын дуулиан (Голос революции). 1971. Национальная галерея изобразительного искусства Монголии. Улан-Батор
Fig. 3. M. Davaakhuu. Khuwisgalin duulian (The Sound of the Revolution). 1971. Mongolian National Art Gallery, Ulaanbaatar

Произведение Н.-О. Цултэма «Призыв» (рис. 4) также является примером воплощения эпического архетипа героя-всадника в живописной традиции «монгол зураг». Картина наполнена героическим пафосом. Художник изображает героя, поднимающего раковину и как бы обращающего свой зов к небесам – образ, который трактуется как революционный призыв к действию. Композиция построена на выразительном контрасте между динамической фигурой и декоративным фоном, где особое место занимают облака, выполненные в виде орнаментальных завитков. Несмотря на внешне современную тематику, изобразительный язык произведения опирается на традицию буддийской тханки [11]. Художник использует плоскостную организацию пространства, характерную для «монгол зураг»: фигуры и предметы лишены иллюзорной глубины, их очертания выделены контуром, а смысловая нагрузка передается посредством цвета и линии. Основу колорита составляет взаимодействие теплых тонов – насыщенных красок, красно-охристых и коричневых – с контрастными синими и зелеными акцентами, что усиливает драматическую выразительность сцены. Огненные завитки облаков, окутывающие героя, выполняют не только декоративную, но и символическую функцию, они воплощают стихию, движение и внутреннюю энергию, ассоциируясь с мотивами силы и преодоления. В сочетании с монументальной фигурой всадника, этот элемент превращает композицию в иконографический образ героического архетипа, восходящий к эпическим сюжетам. Психологическая характеристика персонажа подчеркнута сосредоточенным выражением лица и решительным поворотом корпуса. Герой не только воин, но и проводник, объединяющий земное и небесное начала. В этом проявляется синтез повествовательного и символического начал, где эпос становится формой выражения национальной идентичности и духовной памяти.

Таким образом, произведение демонстрирует, как традиционные эпические мотивы преобразуются в художественный язык современной монгольской живописи. Через архетип героя-всадника художник передает идею силы, доблести и гармонии миропорядка, продолжая линию, соединяющую древний эпос с эстетикой национального художественного возрождения XX века.

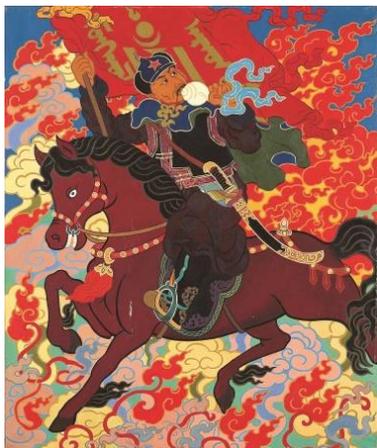

Рис. 4. Цулгэм Ням-Осорын. Призыв. 1976 г. Национальная галерея изобразительного искусства Монголии, Улан-Батор
Fig. 4. Nyam-Oseryn Tszulgam. The Call. 1976. Mongolian National Art Gallery, Ulaanbaatar

Произведение Дашхуяг Аюша «Коби Брайан» – характерный образец современной интерпретации эпического архетипа, переданный средствами художественной выразительности национальной живописи «монгол зураг». Художник соединяет изобразительный код героического эпоса и элементы глобальной поп-культуры, создавая посттрадиционный образ современного героя. Центральная фигура – всадник в спортивной форме с надписью Bryant – отсылает к знаменитому баскетболисту Коби Брайанту (1978–2020), легенде NBA, культурному символу силы, воли и личного совершенства. Его образ приобретает мифологический статус современного героя, сопоставимого с архетипами древнего эпоса. Композиция сохраняет принципы традиционной монгольской живописи: локальная центральная фигура, фронтальная постановка, орнаментальное решение пространства. Контраст желто-синих акцентов и серо-голубых облаков усиливает ощущение органичности между мифом и реальностью. Произведение демонстрирует гибкость эпического архетипа, способного сохранять символическое содержание в новом культурно-историческом контексте. В трактовке героя-всадника Дашхуяг Аюш осуществляет принцип художественного синтеза, где эпос выступает не только источником сюжетов и образов, но и основанием пластического и символического строя произведения, определяя логику композиции, ритм формы и характер изобразительной экспрессии.

В картине Э. Пүрэвжава «Гэсэр-хан в пути» прослеживается стремление мастера к изображению эпического нарратива средствами традиционной монгольской живописи. Композиция построена на принципе динамического развертывания сюжета: отряды всадников движутся на фоне гор и огненно-желтых степных просторов. Художник применяет прием множественного развертывания действия, совмещая на одной плоскости несколько эпизодов пути, что характерно для повествовательной логики эпоса. Особое внимание уделено декоративной трактовке деталей – одежды, конской упряжи, оружия. Яркие тона, в свою очередь, подчеркивают торжественность момента, превращая изображение в символический марш эпического войска. Пространство трактуется условно, без использования линейной перспективы, что сближает работу с традиционными приемами монгольской живописи. Это произведение можно соотнести с центральным мотивом эпоса, где дорога, поход, преодоление символизируют не только военные подвиги, но и сакральное движение героя в космосе эпического мира.

Философское осмысление космогонических мотивов, восходящих к архаическим пластам монгольского эпоса, передано в работе Байармагна Мягмара «Дети неба» (рис. 5). Композиция картины замкнута в круговом движении – девять фигур, направленных к центру, образуют динамическую мандалу, символизирующую цикл рождения, единство космоса и гармонию между земным и небесным началами. Художник использует иконографический принцип концентрической композиции, типичный для буддийского искусства, но наполняет его национально-мифологическим содержанием. Цветовая палитра, построенная на золотисто-жёлтых тонах, отсылает к образу солнечного божества, традиционно ассоциирующегося в монгольской мифопоэтике с небесным происхождением героев. Золотой цвет для монголов является сакральным, с его помощью в архетипическом сознании характеризуется качественная структура мира [12, с. 88]. Одной из распространенных метафор, сопровождающих образ Монголии в песенном и поэтическом творчестве западных монголов, является «алтан нутаг» (золотое кочевье). В монгольской мифологии золотой цвет обладает высшей ценностью, является универсальным космическим символом, с которым связано понятие вечности, нетленности, прочности, истинности [13, с. 210]. Название «Дети неба» само по себе переключается с ключевой формулой эпоса – идеей божественного происхождения человека и его миссии на земле. В эпических текстах подобная концепция выражается через мотивы нисхождения небесных сыновей, рождённых для восстановления космического равновесия. Таким образом, в работе Мягмара эпическое содержание не проявляется напрямую в повествовательных

сценах, а переходит в символично-абстрактную плоскость, где космос эпоса трансформируется в изобразительную метафору вечного круговорота бытия. Это делает произведение особенно ценным для анализа современных форм эпического мышления в монгольском изобразительном искусстве, демонстрируя, как эпос из повествовательного жанра превращается в универсальную категорию художественного сознания.

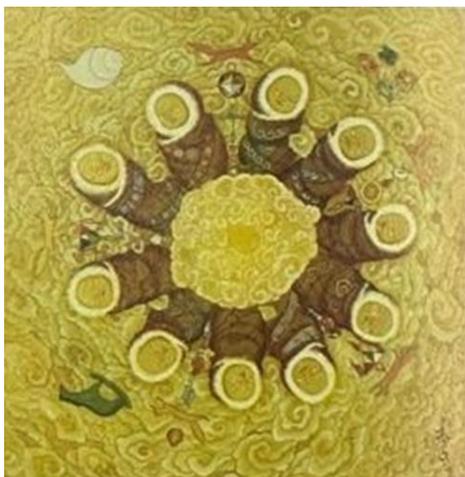

Рис. 5. Байармагнай Мягмар. Дети неба. 2009.
Частная коллекция художника

Fig. 5. Bayarmagnai Myagmar. Sky Children. 2009.
Artist's private collection

Одним из ключевых элементов эпического повествования является фигура исполнителя – сказителя, – чья роль в передаче и сохранении устной традиции принципиальна. Искусство туульчи – профессионального сказителя – занимает особое место в системе монгольской культуры. Сказитель воспринимается не просто как хранитель фольклорного текста, но и как посредник между поколениями, наделенный духовным вдохновением и способностью передавать сакральное знание через слово и песнопение. Современные потомки ойратов, знакомые с этой традицией, отмечают ее священный характер: исполнение эпоса понимается как результат «небесного вдохновения», а личность сказителя – как избранная, способная воспринимать и передавать высшее знание [14, с. 11–12]. Таким образом, сказитель в традиционном сознании предстает как фигура, соединяющая человеческое и божественное, земное и духовное начала. Этот архетип сказителя получил отражение и в монгольской живописи, в частности в произведениях, созданных в «монгол зураг». Работа У. Ядамсурэна «Старик-сказитель» (рис. 6) демонстрирует художественное переосмысление традиционного эпического мотива средствами национальной живописной формы. Подобно буддийской тханке автор использует плоскостное изображение персонажа, который занимает основную часть, центр композиции. Пишет работу на бумаге гуа-

шью, так как такая техника ближе всего к колористическим решениям буддийской живописи, основанной на сочетании ярких локальных плоскостей [15, с. 59]. Как отмечает Н. В. Кочешков, в картине «Старик-сказитель» Ядамсурэн сумел создать образ народного певца, исполняющего свои импровизации под аккомпанемент моринхура – национального смычкового инструмента, украшенного резной головой коня и со струнами из конского волоса [16, с. 100]. Национальное своеобразие картины усиливается этнографически точной передачей деталей костюма и орнаментов, а также колоритом, построенным на излюбленных монголами цветовых сочетаниях. Традиционная символика, унаследованная от народного искусства, придает произведению глубину и связывает его с эпической традицией, представляя фигуру сказителя как хранителя устной памяти народа.

Рис. 6. Ядамсурэн Уржингийн. Старик-сказитель. Авторская копия. 1958 г. Государственный музей Востока.
Инв. № 16010-1

Fig. 6. Urjingiin Yadamsuren. The Old Fiddler. Author's copy.
1958. State Museum of Oriental Art, Inv. No. 16010-1

В развитии эпической поэтики постепенно формируется возвышенный женский образ, в котором реальное и фантастическое начала соединяются в едином художественном идеале. Героини эпоса – мать, невеста, супруга, небесные девы – наделяются чертами совершенной красоты и духовного сияния. Гиперболизация становится основным художественным приемом их характеристики, так возвышается не только внешность, но и голос, одежда, движения, что создает эффект сакрального присутствия. В ранних текстах категория красоты тесно связана с нравственным и космическим миропорядком – «красиво» тождественно «доброму» и «нашему», тогда как в более поздних версиях появляется амбивалентность – красота способна не только возвышать, но и искушать [17, с. 210]. Тем не менее, женский образ сохраняет архаические черты, связанные с мифопоэтическими представлениями о созидательной природе мира. Именно эта функция – посредничество

между небесным и земным, сакральным и человеческим – определяет значение женского начала и в изобразительном искусстве. В живописи «монгол зураг» оно воплощает идеи гармонии, плодородия и духовного равновесия. В отличие от героического архетипа воина, связанного с активным действием и борьбой, женские персонажи символизируют внутреннюю силу, хранение традиции и непрерывность жизни. В образах богинь, матерей, музицирующих девушек женское начало получает пластическое выражение как архетип созидания, обеспечивающий единство эпического, религиозного и эстетического уровней художественной системы. Эта эволюция женского архетипа – от мифологического идеала к художественно-образному воплощению – находит отражение в произведениях монгольской живописи XX–XXI вв. В работах мастеров «монгол зураг» – от сакрального образа Зеленой Тары, написанной Б. Шаравом, до лирических композиций У. Ядамсурэна «Девушка, играющая на шанзе», О. Мягмара «Мать», Б. Шагдарсурэна «Женщина» – женское начало раскрывается как универсальный символ жизни, милосердия и духовного равновесия, сохраняющих эпическую основу и мифопоэтический смысл.

Выводы

Художественное воплощение эпического наследия в монгольской живописи представляет собой сложный процесс переосмысления мифопоэтических и повествовательных образов эпоса средствами изобразительного искусства. Эпические архетипы, сформированные в устной традиции, такие как герой-всадник, сказитель, хранитель рода, небесная дева, становятся основой для создания устойчивых иконографических типов, определяющих художественный язык и образную систему «монгол зураг». Монгольские художники XX–XXI вв., опираясь на национальные традиции, тибетскую иконографию и принципы декоративной живописи, выработали особую художественную модель эпического повествования, где сюжет, ритм и смысловые ориентиры подчинены идее преодоления и гармонии. Эпос в живописи перестает быть лишь источником тематики, он становится структурообразующим принципом художественного мышления, определяя композицию, пространственную организацию и цветовую логику произведения. В изобразительном искусстве Монголии эпическое мировидение проявляется как универсальный художественный код, соединяющий архаическое и модернистское начала, сакральное и человеческое, локальное и универсальное. Через обращение к эпосу монгольская живопись утверждает непрерывность культурной традиции и формирует оригинальную художественную систему, в которой национальная идентичность раскрывается как живое, динамичное явление, способное к диалогу с мировой культурой.

Литература

1. Жирмунский, В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка / В. М. Жирмунский. – М. : Изд-во восточной литературы, 1960. – 335 с.
2. The Secret History of the Mongols / translated by R. Cleaves. – Cambridge : Harvard University Press, 1982. – URL: <https://archive.org/details/Cleaves1982SecretHistoryMongols> (дата обращения: 20.11.2025).
3. Жангар: Монгол ардын баатарлаг тууль / Дэгээхүү Сүръяа. – Улаанбаатар, 2023. – 320 с. – URL: <https://book.mn/product/show/32197> (дата обращения: 16.11.2025).
4. Гэсэрийн тууж: Монгол ардын баатарлаг тууль. – Улаанбаатар, 2020. – URL: <https://online.fliphtml5.com/njcti/mpme/> (дата обращения: 03.10.2025).
5. Аюшеева, Э. Б. Образ буддийского божества в эпосе «Галвын улгэр» («Сказание о 201 кальпе») / Э. Б. Аюшеева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2017. – № 6. – С. 201–208.
6. Rinchindorji. Mongolian-Turkic Epics: Typological Formation and Development / Rinchindorji // Oral Tradition. – 2001. – Vol. 16, № 2. – P. 381–401.
7. Цултэм, Н.-О. Монгольская национальная живопись «монгол зураг» : альбом / Н.-О. Цултэм. – Улан-Батор : Госиздательство, 1986. – 219 с.
8. Бурыкин, А. А. К изучению отдельных эпических мотивов в эпосе тюрко-монгольских народов / А. А. Бурыкин // Эпосоведение. – 2019. – № 4 (16). – С. 5–13.
9. Уранчимэг, Д. Творчество Дагдангийн Амгалана: особенности стиливого развития и художественного содержания / Д. Уранчимэг, Е. В. Яйленко // Искусство Евразии. – 2023. – № 4 (31). – С. 192–205.
10. Нехвядович, Л. И. Творческий метод монгольского художника-графика Дагдана Амгалана: мировоззренческие основания, средства художественной выразительности / Л. И. Нехвядович, К. А. Мелехова, Уянга Зориг // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 56. – С. 116–122.
11. Uranchimeg Tsultemin. Contemporary Art of Mongolia in the Era of Globalisation // Asia Pacific Art Papers. – QAGOMA. – URL: <https://apap.qagoma.qld.gov.au/contemporary-art-of-mongolia-in-the-era-of-globalisation> (дата обращения: 15.10.2025).
12. Белокурова, С. М. Культурная константа «Родина» в монгольской эпике и изобразительном искусстве / С. М. Белокурова // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения : материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) : в 2 т. ; под ред. В. Я. Баркалова, А. В. Иванова. – Барнаул : Си-пресс, 2012. – Т. 2. – С. 86–91.
13. Скородумова, Л. Г. Монгольский язык: образы мира / Л. Г. Скородумова. – Улан-Батор, 2004. – 328 с.
14. Белокурова, С. М. Мировоззренческое содержание культурных констант ойратов : автореф.

дис. ... канд. филос. наук / С. М. Белокурова. – Барнаул, 2011. – 22 с.

15. Мелехова, К. А. Творческий метод монгольских художников XX века: анализ произведений в стиле «монгол зураг» из фондов Государственного музея Востока / К. А. Мелехова // Bulletin of the International Centre of Art and Education. – 2025. – № 2. – С. 54–64.

16. Кочешков, Н. В. Народное искусство монголов / Н. В. Кочешков. – М. : Наука, 1973. – 142 с.

17. Николаева, Н. Н. Формульные выражения, связанные с описанием женской красоты, в эпосах монгольских народов / Н. Н. Николаева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 209–215.

Мелехова Ксения Александровна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения и креативных индустрий института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул), e-mail: kschut@mail.ru. ORCID 0000-0001-6312-1780

Поступила в редакцию 25 ноября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260106

THEMATIC AND STYLISTIC FEATURES OF EPIC TRADITION IN MONGOLIAN PAINTING

K. A. Melekhova

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Epic tradition is an essential part of Mongolian culture, influencing the artistic thinking and visual characteristics of Mongolian art. Its impact on the formation and evolution of painting, especially within the context of the Mongol Zurag style, has not been thoroughly explored in art history. The paper aims to identify and analyze the artistic strategies used in Mongolian paintings of the 20th and 21st centuries to embody epic heritage, and to understand the role of epic narratives in shaping iconography, composition, and figurative systems. The research material consists of works by Mongolian artists of the 20th and 21st centuries that reveal epic archetypes and mythological imagery. These include: U. Yadamsüren's "The Old Fiddler" (1958), D. Amgalan's "Red Dust" (1967), N.-O. Tsultem's "The Call" (1976), M. Davaakhuu's "Khuvisgalyn duulian" (1971), E. Purevjav's "Gesar Khan on the Road" (2014), B. Shagdarsüren's "Woman" (2015), and O. Myagmar's "Mother" (1978). The study employs methods of iconological analysis, comparative-typological approach, and principles of semiotics, which allowed us to reveal the relationship between the structure of epic narration and visual principles of Mongol Zurag. Results. It was found that the epic tradition in Mongolian painting has not only a narrative function, but also a structuring function. Epic archetypes – the rider-hero, the storyteller, the clan guardian, and the celestial maiden – form the foundation of the Mongol Zurag artistic language, where sacred and mythological elements are combined with the principles of decorative painting. In Mongolian art, the epic tradition emerges as a universal code of cultural memory, ensuring continuity and facilitating a dialogue between tradition and modernity.

Keywords: epic; mongol zurag; Mongolian painting; artistic tradition.

References

1. Zhirmunskiy V.M. Skazanie ob Alpamyshе i bogatyrskaya skazka [The Tale of Alpamysh and the Heroic Fairy Tale]. Moscow: Publishing House of Eastern Literature, 1960. 335 p.
2. The Secret History of the Mongols / translated by R. Cleaves. Cambridge: Harvard University Press, 1982. URL: <https://archive.org/details/Cleaves1982SecretHistoryMongols> (date of accessed: 20.11.2025).
3. Zhangar: Mongol ardyn baatarlag tuul' [Jangar: Mongolian Folk Heroic Epic] / Degeekhyу Sur'yaa. Ulaanbaatar, 2023. 320 p. URL: <https://book.mn/product/show/32197> (date of accessed: 16.11.2025).
4. Geseriyn tuuzh: Mongol ardyn baatarlag tuul' [The Tale of Geser: Mongolian Folk Heroic Epic]. Ulaanbaatar, 2020. URL: <https://online.fliphtml5.com/njcti/mpme/> (date of accessed: 03.10.2025).
5. Ayusheeva E.B. Obraz buddiyskogo bozhestva v epose «Galvyn ulger» («Skazanie o 201 kal'pe») [The Image of a Buddhist Deity in the Epic "Galvyn Ulger" ("The Tale of 201 Kalpas")] // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 6. P. 201–208.

6. Rinchindorji. Mongolian-Turkic Epics: Typological Formation and Development / Rinchindorji // *Oral Tradition*. 2001. Vol. 16, № 2. P. 381–401.
7. Tsultem N.-O. Mongol'skaya natsional'naya zhivopis' «mongol zurag» [Mongolian National Painting "Mongol Zurag"]: albom. Ulaanbaatar: State Publishing House, 1986. 219 p.
8. Burykin A.A. K izucheniyu otdel'nykh epicheskikh motivov v epose tyurko-mongol'skikh narodov [On the Study of Certain Epic Motifs in the Epics of the Turkic-Mongolian Peoples] // *Eposovedenie*. 2019. № 4 (16). P. 5–13.
9. Uranchimeg D., Yaylenko E.V. Tvorchestvo Dagdangiyina Amgalana: osobennosti stilevogo razvitiya i khudozhestvennogo soderzhaniya [The Art of Dagdangiin Amgalan: Features of Stylistic Development and Artistic Content] // *Iskusstvo Evrazii*. 2023. № 4 (31). P. 192–205.
10. Nekhvyadovich L.I., Melekhova K.A., Uyanga Zorig. Tvorcheskiy metod mongol'skogo khudozhnika-grafika Dagdana Amgalana: mirovozzrencheskie osnovaniya, sredstva khudozhestvennoy vyrazitel'nosti [Creative Method of Mongolian Graphic Artist Dagdan Amgalan: Worldview Foundations and Means of Artistic Expression] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2021. № 56. P. 116–122.
11. Uranchimeg Tsultemin. Contemporary Art of Mongolia in the Era of Globalisation // *Asia Pacific Art Papers*. Qagoma. URL: <https://apap.qagoma.qld.gov.au/contemporary-art-of-mongolia-in-the-era-of-globalisation> (date of accessed: 15.10.2025).
12. Belokurova S.M. Kul'turnaya konstanta "Rodina" v mongol'skoy epike i izobrazitel'nom iskusstve [The Cultural Constant "Homeland" in Mongolian Epic and Visual Art] // *Evraziystvo: teoreticheskiy potentsial i prakticheskie prilozheniya: materialy Shestoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)*; pod red. V.Y. Barkalova, A.V. Ivanova. Barnaul: Si-press, 2012. Vol. 2. P. 86–91.
13. Skorodumova L.G. Mongol'skiy yazyk: obrazy mira [The Mongolian Language: Images of the World]. Ulaanbaatar, 2004. 328 p.
14. Belokurova S.M. Mirovozzrencheskoe soderzhanie kul'turnykh konstant oyratov [Worldview Content of the Cultural Constants of the Oirats]: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Barnaul, 2011. 22 p.
15. Melekhova K.A. Tvorcheskiy metod mongol'skikh khudozhnikov XX veka: analiz proizvedeniy v stile "mongol zurag" iz fondov Gosudarstvennogo muzeya Vostoka [Creative Method of Mongolian Artists of the 20th Century: Analysis of Works in the "Mongol Zurag" Style from the Collections of the State Museum of Oriental Art] // *Bulletin of the International Centre of Art and Education*. 2025. No. 2. Pp. 54–64.
16. Kocheshkov N. V. Narodnoe iskusstvo mongolov [Folk Art of the Mongols]. Moscow: Science, 1973. 142 p.
17. Nikolaeva N.N. Formul'nye vyrazheniya, svyazannye s opisaniem zhenskoy krasoty, v eposakh mongol'skikh narodov [Formulaic Expressions Related to the Description of Female Beauty in the Epics of Mongolian Peoples] // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. № 2. P. 209–215.

Ksenia A. Melekhova – Cand. Sc. (Art History), Associate Professor of the Department of Art History and Creative Industries, Institute of Humanities, Altai State University (Barnaul), e-mail: kscht@mail.ru

Received November 25, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Мелехова, К. А. Тематические и стилистические особенности воплощения эпоса в живописи Монголии / К. А. Мелехова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 48–56. DOI: 10.14529/ssh260106

FOR CITATION

Melekhova K. A. Thematic and stylistic features of epic tradition in Mongolian painting. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 1, pp. 48–56. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260106

ГРАФИЧЕСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ ЛИРИКИ А. С. ПУШКИНА

И. М. Борисова

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Статья посвящена изучению актуальной литературоведческой проблемы – графическому облику лирических произведений. Анализ исследовательских работ, посвященных графическому облику поэзии, позволяет сделать вывод о значимости и графических приемах, и особенностей композиционного расположения стихотворных текстов на странице – графической композиции. Цель данного исследования заключается в сравнительном анализе графической композиции лирических произведений А. С. Пушкина с творческим наследием его предшественников периода XVII–XVIII веков. По результатам анализа представленного материала было установлено, что поэт применял разные способы графического расположения стихов: традиционный, унифицирующий, контрастный, смещенный, дробный и комбинированный. В результате их изучения выяснилось, что показатель традиционной графики у поэта в сравнении с лирикой XVII–XVIII веков увеличился из-за вытеснения фигурных, шахматных и рассеченных стихов, которые мы относим к «изобразительному» типу графики. Мы обратили внимание и на тот факт, что А. С. Пушкин предпочитал экспериментировать с дробной графикой, при помощи которой он добивался не только иллюзии метрического разнообразия, но и выразительного эффекта. В статье также подчеркивается, что выявленные закономерности в применении разных типов графической композиции стиха создают предпосылки для последующего изучения данного феномена в литературоведении.

Ключевые слова: графика, визуальный / графический облик поэзии, графическая композиция стиха, лирика А. С. Пушкина.

Введение

С момента возникновения книгопечатания на Руси людей всегда привлекал и продолжает привлекать графический (визуальный) облик книг и текстов: декор, рисунки и шрифты первых книг Ивана Федорова и Петра Мстиславца, живописная графика первых печатных стихотворений С. Полоцкого, непрерывные поиски и эксперименты в графическом сопровождении художественных текстов в период с XVII по XX в. и, конечно, современные достижения в области визуального представления произведений с помощью цифровой печати в XXI веке.

К изучению данного вопроса исследователи из сфер типографии, дизайна, лингвистики, литературоведения начали обращаться с XX в., и этот интерес не угасает до сих пор. В настоящей статье предметом основного внимания является специфика верстки лирических текстов А. С. Пушкина посредством графической композиции стиха (ГКС). На основе изучения 550 стихотворений поэта [2] и статистических данных по лирике его предшественников [1] были выделены различные типы ГКС и особенности их применения.

Обзор литературы

В нашем исследовании мы опираемся на труды отечественных литературоведов. Прежде всего речь идет о Б. В. Томашевском, впервые применившем понятия «графическая форма», графическое построение» [3], Ю. М. Лотмане, выдвинувшем термин «графический образ поэзии» [4], А. Л. Жовти-

се, инициировавшем использование понятия «графическая композиция стиха» [5], С. А. Матяш, классифицировавшей типы ГКС для вольного стиха [6], М. Л. Гаспарове, осуществившем изучение ГКС А. Белого [7], Т. Ф. Семьян, рассматривающей вопросы «визуальной организации» текстов [8]. Не меньшую ценность представляют работы по проблемам графического облика поэтических произведений Р. Н. Бутова [9], М. П. Двойнишниковой [10], Д. А. Суховой [11], Т. А. Чигинцевой [12], Г. Г. Хисамовой [13] и других. При этом учитывались также труды зарубежных ученых [14–17], занимавшихся комплексом проблем визуальной поэзии – взаимосвязью формальных компонентов текста и их интерпретацией современной литературоведческой мыслью.

Методы исследования

За основу нашего исследования мы взяли собственную классификацию видов графической композиции стиха [18]. В целях объективного выделения изучаемых типов ГКС и оценки закономерностей их применения поэтами мы использовали метод сплошной выборки и статистический анализ. А использование сопоставительного и диахронического методов способствовало выявлению хронологической последовательности появления, функционирования и развития разных типов ГКС.

Результаты и дискуссия

По сравнению с предшественниками из лирики Пушкина исчезают многие типы графической композиции стиха: из 9 остается только 4 (см. табл. 1)

В ходе нашего исследования мы обнаружили в лирических произведениях поэта [2] следующие типы ГКС:

- традиционную графику (79,8 %):

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венки,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить пороки.

[2, с. 16];

- контрастную (11,5 %), способствующую выделению строк разной стопности:

Где Зевса гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.

Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И, озираясь, он трепещет
Среди своих пиров.

[2, с. 114];

- комбинированную (6,5 %) – как правило, это сочетание традиционной и дробной графики или контрастной и дробной:

И гневной совести смиритель,
Сомненья разрешило в нем.
Ну, так и быть! Дает он слово,
Что к ночи будет всё готово,
И другу назначает час.
Они расстались.

День угас.
Настала ночь. Плащом покрытый,
Стоит герой наш знаменитый
У галереи гробовой,

[2, с. 413];

- смещенную графику (1,3 %), позволяющую выделить метрически равные строки:

Юноша, полный красоты, напряженья, усилія чуждый,
Строен, легок и могуч, — тешится быстрой игрой!
Вот и товарищ тебе, дискбол! Он достоин, клянуся,
Дружно обнявшись с тобой, после игры отдохнуть.

[2, с. 717];

- унифицирующую (0,9 %), сглаживающую разницу между разностопными строками:

— Куда, красна девица,
Мой конь пробежал?
— Твой конь пробежал
На Дунай реку...

Бежал твой конь,
Тебя проклинал, —
Тебя проклинал

[2, с. 706].

Пушкин, вслед за поэтами XVIII века, отдает предпочтение традиционной графике, которая не просто преобладает над другими типами (см. табл. 1), а становится основным и в лирике изучаемого поэта, и в лирике других поэтов XIX века [19]. Если в поэзии XVIII века традиционная графика использовалась преимущественно в высоких жанрах, исключая эксперименты с формой, и только в средних и низких жанрах поэты позволяли себе нарушить традиционный графический способ подачи лирического материала, то в стихотворениях Пушкина таких жанровых ограничений

в использовании традиционной графики мы уже не наблюдаем. Можно сказать, что с его творчества традиционный тип ГКС становится классическим для всей лирики, независимо от жанрово-тематического наполнения.

А вот процент комбинированной графики у поэта заметно повысился, по сравнению с поэзией предшественников (см. табл. 1), что связано, по нашим наблюдениям, с интересом Пушкина к дробной графике, которая реализуется у него через графический прием «лесенки» – ступенчатую разбивку строки. Использование этого приема началось с драматического стиха А. Кантемира, А. П. Сумарокова и М. В. Ломоносова в XVIII веке, а в недраматическом стихе – с Н. И. Гнедича и А. С. Пушкина [20, с. 18–20]. Именно Пушкин, по нашим данным, входит в число лидеров среди поэтов XIX века по количеству случаев применения «лесенки», а соответственно, и дробной графики.

Дробную графику Пушкин сочетает с традиционной. Она не только позволяет поэту нарушить графическое однообразие стиха, но и выступает своеобразным изобразительно-выразительным средством. Например, дробная графика, реализуемая у поэта через прием «лесенки», может маркировать в лирике пространственно-временные реалии, их характеристики, смены или переходы. Так, это быстрая смена картин или ракурса в стихотворении «Гроб юноши» [2, с. 149] от «белого света» к «мирной гробнице» бедного юноши, в «Послании Дельвигу» [2, с. 413] – от разговора в трактире к встрече «у галереи гробовой», в «Чиновнике и поэте» – от шумного базара к острогу:

Сопровождать вас рад бы я,
Чтоб слышать ваши замечанья;
Но службы долг зовет меня,
Простите, нам не до гулянья. —
«Куда ж?» —

«В острог — сегодня мы

Выпровадим из тюрьмы
За молдаванскую границу

[2, с. 166].

В стихотворении «Медок» [2, с. 582] – смена дня и ночи, в «Разговоре книгопродавца с поэтом» [2, с. 243] – от настоящего к воспоминанию о прошлом, от «шумного света и муз» к «свободе» [2, с. 247]; в произведении «Полководец» – перевод взгляда от ликов на полотне к одному, к которому «влечет всех больше»:

Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой.

Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем доле гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.

[2, с. 681].

Лирический герой стихотворения «Вновь я посетил...» [2, с. 695–696], возвращаясь в места, где «провел изгнанником два года незаметных», как бы охватывает взглядом знакомые места: ро-

щу, опальный домик, границу владений – дробная графика здесь не только трижды акцентирует внимание на смене этих картин, но и обозначает переход от воспоминаний к обращению потомкам:

Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ
Как старый холостяк, и вокруг него
Попрежнему всё пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук

[2, с. 696].

С помощью дробной графики Пушкин может подчеркивать разного рода противопоставления. К примеру, в тексте «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...» [2, с. 557] графически выделяется противопоставление желанья уехать в Москву подальше от унылого деревенского пейзажа и предложения переждать карантин; в стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят...» [2, с. 566] – Арзрума и Стамбула; в «Героях» [2, с. 570] – земных недугов, боев и мечтаний поэта; в произведении «Когда за городом, задумчив, я брожу...» [2, с. 714] – городского «публичного» и деревенского «родового» кладбища; «(Из Пиндемонти)» – светской «свободы», «громких прав» и личного права «никому отчета не давать, себе лишь самому служить и угождать»:

Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливрен
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;

[2, с. 712].

Дробная графика в лирике Пушкина может служить и маркером психологической ситуации или состояния героя. Например, в стихотворении «Андрей Шенья» с помощью дробной графики подчеркивается самый напряженный момент в раздумьях героя о судьбе перед казнью [2, с. 289] и не менее драматичный, когда герой «пред утренней зарею» ожидает прихода палача:

Воспрянет наконец, Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя».

Так пел восторженный поэт.
И всё покоилось. Лампады тихий свет
Бледнел пред утренней зарею,
И утро веяло в темницу. И поэт
К решетке поднял важны взоры...
Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!

[2, с. 290].

В «Страннике» тревожные страдания и терзания героя, его страхи и мучения заканчиваются, когда он встречается с юношей, указывающим ему путь к надежде и свету. Этот переход героя

от внутреннего отчаяния к избавлению от страха тоже выделяется графически:

Я осужден на смерть и позван в суд загробный —
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит».

«Коль жребий твой таков, —
Он возразил, — и ты так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?»
И я: «Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?»
Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь?»
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.

[2, с. 692].

В целом, как мы увидели выше, дробная графика применяется Пушкиным в комбинации с традиционной или контрастной (реже, всего в одном стихотворении – «Андрей Шенья») и в любом случае разрушает привычные графические формы стиха.

Смещенный тип графической композиции стиха применяется Пушкиным очень редко (1,3 %) и лишь в стихотворениях, связанных с античной тематикой и написанных гекзаметром. Данный тип ГКС был доминирующим в поэзии XVII века, так как позволял разнообразить метр и графику стихов. Однако с появлением вольного стиха и, соответственно, контрастной графики в поэзии XVIII в., доля смещенной графики сильно снизилась (см. табл. 1), в том числе и у поэтов XIX в.

Контрастные и унифицирующие типы графики были выделены С. А. Матяш в процессе изучения вольного ямба русской поэзии XVIII–XIX веков. Ученый отмечает, что «контрастный тип вольного ямба ориентирован на французскую (классицистическую традицию); унифицирующий тип – на немецкую (романтическую) традицию» [6, с. 334].

В настоящем исследовании мы выяснили, что в лирике Пушкина используется преимущественно контрастный тип (11,5 %), а на долю унифицирующего приходится всего 0,9 %. Это объясняется двумя факторами. Во-первых, у предшественников поэта в XVIII веке преобладал контрастный тип вольного ямба, по данным С. А. Матяш [6, с. 333]. Наши подсчеты по лирике XVIII в. (независимо от стихотворного метра) тоже подтверждают доминирование контрастной графики над унифицирующей (см. табл. 1). Во-вторых, в пушкинскую эпоху унифицирующий тип утвердился в романтической драме, а в лирике его «функционирование совпало с периодом активного формирования внежанровых стихотворений (ср. «Два мгновения» (1839) Н. Некрасова, «Старинные, мучительные сны!..» (1846) А. Григорьева, «Бессонница» (1873) Ф. Тютчева) [10, с. 335]. Данный факт подтверждается и нашим исследованием графической композиции стиха Н. Некрасова, у которого унифицирующий тип составляет уже 10,9 % [19, с. 137]. В целом, у Пушкина, по сравнению с предшественниками, снижается доля контрастной графики, а унифицирующей – остается на прежнем уровне.

Таблица 1
Виды графической композиции стиха у А. С. Пушкина
и поэтов-предшественников

Table 1
Types of graphic composition of verse in A. S. Pushkin and his
predecessor poets

	Поэты XVII в.	Поэты XVIII в.	А. С. Пушкин
Традиционная графика	0,7 %	70 %	79,8 %
Контрастная графика	2 %	25,8 %	11,5 %
Смещенная графика	89,9 %	1,5 %	1,3 %
Унифицирующая графика	–	0,6 %	0,9 %
Дробная графика	–	в составе комбинированной графики	
Рассеченная графика	2,7 %	0,1 %	–
Фигурная графика	1,3 %	0,6 %	–
Шахматная графика	–	в составе комбинированной графики	
Комбинированная графика	3,4 %	1,4 %	6,5 %

Выводы

Подведем итоги нашего исследования. В лирике А. С. Пушкина было применено 6 типов графики: традиционный, контрастный, унифицирующий, смещенный, дробный, комбинированный. По сравнению с поэзией предшественников увеличивается доля традиционного стиха, исчезают рассеченный, фигурный и шахматный тип графической композиции, которые несли скорее изобразительную нагрузку. А вот дробный стих, появившийся в XVIII веке, у Пушкина начинает выполнять в стихотворениях выразительные функции: композиционные и психологические. Не менее интересным представляется вывод о том, что дробная графика, используемая предшественниками преимущественно в драматическом стихе, начинает активно применяться поэтом и в лирике. Наш анализ позволил также выявить, что графическая композиция русского классического стиха закладывается в лирике XVIII века, а в творчестве Пушкина она окончательно сложилась и была представлена 4 основными типами: традиционной, комбинированной (сочетание дробной с традиционной), унифицирующей и контрастной графикой, характерной также для ведущих поэтов XIX века – М. Ю. Лермонтова и Н. А. Некрасова, что подтверждено данными нашего анализа этих произведений.

Литература

1. Борисова, И. М. Графическая композиция стиха в русской силлабической поэзии XVII–XVIII вв. // И. М. Борисова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – № 8 (171). – С. 167–172.
2. Пушкин, А. С. Стихотворения. Т. 3 / А. С. Пу-

шкин ; под ред. Б. В. Томашевского. – Л. : Советский писатель, 1955. – 943 с.

3. Томашевский, Б. В. Графическая форма / Б. В. Томашевский // Теория литературы. Поэтика. – М. : Аспект Пресс, 2001. – С. 98–101.

4. Лотман, Ю. М. Графический образ поэзии / Ю. М. Лотман // О поэтах и поэзии. – СПб. : Искусство-СПб, 2001. – С. 77–81.

5. Жовтис, А. Л. Стихи нужны... : статьи / А. Л. Жовтис. – Алма-Ата, 1968. – 272 с.

6. Матяш, С. А. Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих / С. А. Матяш. – СПб., 2011. – С. 58–64.

7. Гаспаров, М. Л. «Шут» А. Белого и поэтика графической композиции / М. Л. Гаспаров // Тыняновский сборник. Вып. 10. – М., 1998. – С. 191–207.

8. Семьян, Т. Ф. Визуальный облик прозаического текста / Т. Ф. Семьян. – Челябинск, 2006. – 215 с.

9. Бутов, Р. Н. Графика в поэтическом тексте: традиции и инновации (на материале русской поэзии XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. Н. Бутов. – Ижевск, 2010. – 23 с.

10. Двойнишникова, М. П. Визуально-графические особенности лирики Г. Р. Державина / М. П. Двойнишникова // Новый филологический вестник. – 2018. – № 3 (46). – С. 66–80.

11. Суховой, Д. А. Графика современной русской поэзии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Суховой. – СПб., 2008. – 27 с.

12. Чигинцева, Т. А. Визуально-стилевые особенности текстов Дениса Осокина : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Чигинцева. – Самара, 2013. – 18 с.

13. Хисамова, Г. Г. К проблеме изучения графической структуры стиха: курсив в поэзии М. Цветаевой / Г. Г. Хисамова // Вестник Башкирского университета. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 925–929.

14. Borkent, M. Cognitive ecology & visual poetry: toward a multimodal cognitive poetics / M. Borkent. – University of British Columbia, 2015. – URL: <https://open.library.ubc.ca/cIRcle/collections/ubctheses/24/items/1.0166140>.

15. Dencker, K. P. From Concrete to Visual Poetry, with a Glance into the Electronic Future / K. P. Dencker. – 2000. – URL: <http://www.thing.net/~grist/l&d/dencker/denckere.htm>.

16. Kim Knowles, Anna Katharina Schaffner, Ulrich Weger, Andrew Michael Roberts. Reading Space in Visual Poetry: New Cognitive Perspectives // Writing Technologies. – 2012. – Vol. 4. – P. 75–106. – URL: https://www4.ntu.ac.uk/writing_technologies/current_journal/124937.pdf.

17. Ellestrom, L. Visual Iconicity in Poetry Replacing the Notion of «Visual Poetry» / L. Ellestrom // Orbis Litterarum. – 2016. – Vol. 71, Iss. 6. – URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/oli.12112/pdf>.

18. Борисова, И. М. О типологии графической композиции стиха / И. М. Борисова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – № 11 (211). – С. 40–46.

19. Борисова, И. М. Графическая композиция стиха Н. А. Некрасова / И. М. Борисова // Изве-

стия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2023. – № 9 (182). – С. 136–141.

20. Борисова, И. М. Графика поэзии Н. А. Некрасова / И. М. Борисова. – Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2017. – 259 с.

Борисова Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой журналистики, Оренбургский государственный университет (Оренбург), e-mail: tigr2004@mail.ru

Поступила в редакцию 12 сентября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260107

GRAPHIC COMPOSITION OF A. S. PUSHKIN'S LYRICS

I. M. Borisova

Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation

The article is devoted to the study of a topical literary problem – the graphic appearance of lyrical works. Analysis of research works devoted to the graphic appearance of poetry allows us to draw a conclusion about the significance of both graphic techniques and the features of the compositional arrangement of poetic texts on the page – graphic composition. The purpose of this study is to compare the graphic composition of A. S. Pushkin's lyrical works with the creative heritage of his predecessors of the 17th–18th centuries. Based on the analysis of the presented material, it was established that the poet used different methods of graphic arrangement of verses: traditional, unifying, contrasting, offset, fractional and combined. As a result of their study, it was found that the indicator of traditional graphics in the poet's poetry increased in comparison with the lyrics of the 17th–18th centuries due to the displacement of figured, chessboard and dissected verses, which we refer to as the “pictorial” type of graphics. We also drew attention to the fact that A. S. Pushkin preferred to experiment with fractional graphics, with the help of which he achieved not only the illusion of metric diversity, but also an expressive effect. The article also emphasizes that the identified patterns in the use of different types of graphic composition of verse create the prerequisites for the subsequent study of this phenomenon in literary criticism.

Keywords: graphics, visual / graphic appearance of poetry, graphic composition of verse, lyrics of A. S. Pushkin.

References

1. Borisova I.M. Graficheskaya kompozitsiya stikha v russkoy sillabicheskoy poezii XVII–XVIII vv. [Graphic Composition of Verse in Russian Syllabic Poetry of the 17th–18th Centuries] // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2022. № 8 (171). P. 167–172.
2. Pushkin A.S. Stihotvoreniya [Poems] Vol. 3; pod red. B.V. Tomashevskogo. Leningrad: Soviet writer, 1955. 943 p.
3. Tomashevskiy B.V. Graficheskaya forma [Graphic Form] // *Teoriya literatury. Poetika*. Moscow: Aspekt Press, 2001. P. 98–101.
4. Lotman Y.M. Graficheskii obraz poezii [Graphic Image of Poetry] // *O poetakh i poezii*. Saint Petersburg: Art-SPb, 2001. P. 77–81.
5. Zhovtis A.L. Stikhi nuzhny... [Poems are Needed...]: stat'i. Alma-Ata, 1968. 272 p.
6. Matyash S.A. Vol'nyy yamb russkoy poezii XVIII–XIX vv.: zhanr, stil', stikh [Free Iambic of Russian Poetry of the 18th–19th Centuries: Genre, Style, Verse]. Saint Petersburg, 2011. P. 58–64.
7. Gasparov M.L. «Shut» A. Belogo i poetika graficheskoy kompozitsii [«The Jester» by A. Bely and the Poetics of Graphic Composition] // *Tynyanovskiy sbornik*. Vyp. 10. Moscow, 1998. P. 191–207.
8. Sem'yan T.F. Vizual'nyy oblik prozaicheskogo teksta [Visual Appearance of Prose Text]. Chelyabinsk, 2006. 215 p.
9. Butov R.N. Grafika v poeticheskom tekste: traditsii i innovatsii (na materiale russkoy poezii XX veka)

[Graphics in Poetic Text: Traditions and Innovations (Based on Russian Poetry of the 20th Century)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Izhevsk, 2010. 23 p.

10. Dvoynishnikova M.P. Vizual'no-graficheskie osobennosti liriki G.R. Derzhavina [Visual and Graphic Features of the Lyrics of G.R. Derzhavin] // *Novyy filologicheskiy vestnik*. 2018. № 3 (46). P. 66–80.

11. Sukhovey D.A. Grafika sovremennoy russkoy poezii [Graphics of Modern Russian Poetry]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saint Petersburg., 2008. 27 p.

12. Chigintseva T.A. Vizual'no-stilevye osobennosti tekstov Denisa Osokina [Visual and Stylistic Features of Denis Osokin's Texts]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2013. 18 p.

13. Khisamova G.G. K probleme izucheniya graficheskoy struktury stikha: kursiv v poezii M. Tsvetaevoy [To the problem of Studying the Graphic Structure of Verse: Italics in the Poetry of M. Tsvetaeva] // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2019. Vol. 24, № 4. P. 925–929.

14. Borkent, M. Cognitive ecology & visual poetry: toward a multimodal cognitive poetics. University of British Columbia, 2015. URL: <https://open.library.ubc.ca/cIRcle/collections/ubctheses/24/items/1.0166140>.

15. Dencker K. P. From Concrete to Visual Poetry, with a Glance into the Electronic Future. 2000. URL: <http://www.thing.net/~grist/1&d/dencker/denckere.htm>.

16. Kim Knowles, Anna Katharina Schaffner, Ulrich Weger, Andrew Michael Roberts. Reading Space in Visual Poetry: New Cognitive Perspectives // *Writing Technologies*. 2012. Vol. 4. P. 75–106. URL: https://www4.ntu.ac.uk/writing_technologies/current_journal/124937.pdf.

17. Ellestrom L. Visual Iconicity in Poetry Replacing the Notion of «Visual Poetry» // *Orbis Litterarum*. 2016. Vol. 71, Iss. 6. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/oli.12112/pdf>.

18. Borisova I.M. O tipologii graficheskoy kompozitsii stikha [On the Typology of Graphic Composition of Verse] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 11 (211). P. 40–46.

19. Borisova I.M. Graficheskaya kompozitsiya stikha N.A. Nekrasova [Graphic Composition of N. A. Nekrasov's Verse] // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2023. № 9 (182). P. 136–141.

20. Borisova I.M. Grafika poezii N.A. Nekrasova [Graphics of N.A. Nekrasov's Poetry]. Orenburg: Orenburg State University, 2017. 259 p.

Irina M. Borisova – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Journalism, Orenburg State University (Orenburg), e-mail: tigr2004@mail.ru

Received September 12, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Борисова, И. М. Графическая композиция лирики А. С. Пушкина / И. М. Борисова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 57–62. DOI: 10.14529/ssh260107

FOR CITATION

Borisova I. M. Graphic composition of A. S. Pushkin's lyrics. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 1, pp. 57–62. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260107

АНАЛИЗ КОНТЕНТ-СТРАТЕГИИ КОРПОРАТИВНЫХ МЕДИА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: КРОСС-МЕДИЙНЫЙ АСПЕКТ

М. В. Евсеев

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье проведен сравнительный анализ особенностей реализации контент-стратегий корпоративных СМИ и социальных медиа промышленного предприятия в контексте кросс-медийного подхода. Дается характеристика понятий «корпоративные медиа», «корпоративные СМИ», «сетевые издания». В ходе исследования сформулирован вывод о необходимости введения нового термина – «корпоративные сетевые сообщества». На базе медиатекстов (244 ед.), опубликованных на различных медиаплатформах, был проведен их функциональный анализ в рамках системы корпоративных медиа. Выделены такие функции, как: 1) информационная; 2) интеграционная; 3) экспертно-аналитическая; 4) коммуникативная; 5) имиджево-репутационная; 6) корпоративной социальной-ответственности. Выявлено, что в рамках системы корпоративных коммуникаций промышленного предприятия наблюдается функциональная специализация: контент-стратегия подразумевает реализацию различных функций путем сегментации целевой аудитории и ориентированного на нее контента по медиаплатформам. При этом отмечено, что для социальных медиа характерна более высокая доля публикаций, направленных на осуществление коммуникативной функции, что отражает существующий переход от диалоговой модели передачи информации. Также проведен содержательно-тематический анализ медиатекстов и выявлены темы-лидеры (новости предприятия и отрасли, достижения компании, HR-образ). Полученные результаты позволили сформировать представление об актуальных подходах и практиках формирования контент-стратегий корпоративных сетевых изданий и социальных медиа промышленного предприятия и особенностей применения кросс-медийного подхода к организации медиапроизводства.

Ключевые слова: корпоративные коммуникации, кросс-медиа, сетевое издание, социальные медиа, контент-стратегия.

Введение

Актуальность развития корпоративных медиа для промышленного предприятия обусловлена их ключевой ролью в формировании положительного имиджа компании в восприятии общественности, партнеров, клиентов и персонала, а также в достижении бизнес-целей и обеспечении устойчивого развития. Так, Н. Р. Джавршян подчеркивает «остроту потребности в развитии корпоративных СМИ, ввиду цифровизации и стремительного, экспоненциального развития информационных технологий, меняющих не только рынок, но и повседневную жизнь общества, его способы, методы, специфики производства и потребления информации» [1]. Этот тезис подкрепляется статистическими данными: согласно данным Synup [2], 90 % местных бизнесов во всем мире используют новые медиа в маркетинговых стратегиях, 78 % считают, что они помогают увеличить доходы. При этом актуальные исследования показывают, что эта тенденция будет нарастать: аналитика Sprout Social указывает, что в 2025 году 48 % пользователей взаимодействуют с брендами чаще, чем делали это 6 месяцев назад [3]. Предыдущие исследования указывают на то, что наиболее актуальным способом организации медиапроизводства в рамках системы корпоративных коммуникаций, в том числе промышленных компаний, на сегодняшний день является кросс-медийный подход [4]. Данная тенденция, в том числе, обусловлена тем, что современные сценарии потребления контента не

ограничиваются одной медиаплатформой. Так, показатель среднего числа платформ, используемых одним пользователем в месяц на территории РФ, составляет 4,83 медиаплатформы. Мировые значения еще выше – 6,83 [2]. Это указывает как на существующую региональную специфику, так и на потенциал для развития рынка, который повлечет за собой и адаптацию медиастратегий. При этом, наряду с традиционными сетевыми изданиями, серьезную роль играют социальные медиа, динамичное развитие которых актуализирует задачу изучения их роли в системе корпоративных коммуникаций. Особенный интерес представляют медиастратегии современных промышленных компаний, которые располагают серьезными ресурсами для их реализации, но остаются малоизученными ввиду того, что их коммуникационная деятельность часто направлена на взаимодействие с ограниченной аудиторией и подчинена специфическим бизнес-задачам. Вместе с тем, тема корпоративных медиа промышленных компаний остается недостаточно изученной. Сегодня научный и прикладной интерес сосредоточен в первую очередь на корпоративных медиа компаний потребительского и сервисного секторов [5]. Исследования корпоративных медиа промышленных компаний имеют преимущественно прикладной характер и сосредоточены на отдельных аспектах их деятельности: имидж компании, экспертный контент, позиционирование в отраслевых медиа и др. [6]. В то же время актуальный подход к организации

корпоративных медиа подразумевает высокую степень кросс-медийной интеграции и формирования целостной и разветвленной системы коммуникации, что в настоящее время недостаточно изучено. В связи с этим цель данной работы заключается в анализе контент-стратегии в рамках корпоративных коммуникаций промышленной компании и выявлении особенностей использования социальных медиа и сетевых изданий в условиях цифрового общества.

Обзор литературы

В научной литературе, изучающей сегмент корпоративных медиа, являющихся важным элементом корпоративных коммуникаций, которые понимаются как «управленческий инструмент, посредством которого все сознательно используемые формы внутренней и внешней коммуникации согласуются максимально эффективно для создания благоприятной основы взаимоотношений с группами, от которых зависит деятельность компании» [7], существует проблема терминологической неоднородности. Для обозначения медиаплатформ, которые компании используют для ведения внутренних и внешних коммуникаций, применяются такие термины, как: «корпоративные СМИ», «корпоративные медиа», «бренд-медиа» и др.

Корпоративные медиа – термин, который широко распространен в зарубежной литературе. Исследователь К. Riel определяет их как «совокупность коммуникационных каналов, с помощью которых организация взаимодействует со своими заинтересованными сторонами, формируя репутацию и поддерживая идентичность бренда» [7]. К. Корнелиссен уточняет, что в актуальных реалиях корпоративные медиа – это «интегрированная система каналов и платформ, объединяющая контент различных форматов и направлений коммуникации» [8]. Важно отметить, что, согласно тезисам из словаря основных понятий отечественной теории медиа под редакцией Е. Л. Вартановой, «теоретическое определение медиа еще не стало операциональным» в среде российских ученых, «поскольку оно отсылает к медиа как к многоаспектному феномену, не только имеющему сложную и противоречивую природу, но и постоянно расширяющемуся, развивающемуся технологически, социально и культурно, производящему многочисленные и разнородные эффекты». [9].

В российском научном дискурсе более распространен термин «корпоративные СМИ». Под ним принято понимать «средства массовой информации, создаваемые организацией с целью формирования внутренней и внешней идентичности, обеспечения прозрачности и выстраивания коммуникаций с различными целевыми аудиториями» [10]. Как видно, в основу определения заложены те же ключевые тезисы, присущие термину «corporate media» (формирование идентичности, наличие внутренних и внешних стейкхолдеров).

При этом Н. Р. Джавршян поднимает вопрос дискуссионности понятийного аппарата корпоративных СМИ и отмечает отсутствие единой типологии [1]. Д. А. Докина в своей работе «Корпоративные СМИ: понятие, функции и виды» [11] также отмечает, что объем и границы понятия в академической среде определены недостаточно четко, и указывает на существующие отличия традиционных печатных корпоративных изданий от иных (их формы не уточняются).

Отдельного внимания заслуживает термин «бренд-медиа», зарождение которого российские исследователи объясняют «попыткой описать нечто, не вписывающееся в понятие корпоративной журналистики и практику корпоративных изданий, представляющее собой новую форму или инструмент коммуникации компаний с аудиторией» [5]. Среди отличительных параметров бренд-медиа исследователи выделяют «преобладание журналистского контента», «регулярность публикаций», «определенную тему, делающую издание нишевым», «тематику публикаций, которая не связана с освещением деятельности компании / бренда». Именно этот критерий часто не позволяет отнести корпоративные медиа промышленных предприятий к бренд-медиа, так как К. Нигматуллина говорит о том, что «их внешний облик, дизайн, концепция стилистически близки к бренд-медиа, но контент преимущественно состоит из сообщений о деятельности бренда» [5].

Развитие интернет-технологий и появление новых медиаплатформ, дающих прежде недоступные возможности для коммуникации, стало ключевым фактором, способствовавшим формированию сетевого общества, по М. Кастельсу определяемому как «общества, чья социальная структура состоит из сетей, сформированных и поддерживаемых с помощью информационных и коммуникационных технологий» [12]. Этот процесс заложил основания для появления в российской академической среде нового термина – «сетевые издания». Согласно определению из Большой российской энциклопедии, сетевое издание – это «сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с Законом РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»» [13]. При этом, несмотря на то что такие сайты активно интегрируются в системы корпоративных коммуникаций современных компаний, термин «корпоративные сетевые издания» на сегодняшний день не выделен.

Особую роль в системе корпоративных ресурсов современных промышленных компаний занимают социальные медиа. М. С. Мамонтова определяет их как «интернет-ресурсы, которые предлагают пользователю обмен информации любого формата (музыка, текст, картинка, видео) и формируют у него интерес к общей платформе с кон-

тентом» [14]. Исследователь Т. Aichner обращает внимание на социальный аспект, обозначая, что социальные медиа – это «онлайн-платформы, которые позволяют пользователям создавать профили, устанавливать связи (дружбу, подписки) с другими пользователями или группами, создавать контент (тексты, изображения, видео и т. д.) и обмениваться им, а также взаимодействовать посредством комментариев, обмена сообщениями или других форм обратной связи» [15]. W. Kenton также отмечает важность социального аспекта и подчеркивает, что «пользователи используют интернет-сайты социальных медиа, чтобы оставаться на связи с друзьями, семьей, коллегами или клиентами» [16]. При этом он уделяет особое внимание использованию социальных медиа в разрезе корпоративных и маркетинговых коммуникаций, отмечая, что, несмотря на то, что социальные сети задумывались для общения членов семьи и друзей, «сегодня социальные сети активно используются для повышения узнаваемости брендов и поощрения лояльности аудитории к бренду. А маркетинг в социальных медиа помогает продвигать голос и контент бренда, что может помочь сделать компанию более доступной и заметной для новых и существующих клиентов». Российские исследователи солидарны с тезисами иностранных коллег относительно ориентации социальных сетей и пользователей, которые их выбирают, на создание возможностей для общения между людьми. Так, К. А. Демичева приходит к выводу о том, что «главной целью человека, использующего социальные сети, является социализация и интеграция, стремление к установлению отношений с другими пользователями с возможностью перехода этих отношений в более реальные» [17].

Актуальные медиастратегии в корпоративных коммуникациях все чаще отводят социальным медиа более сложную [18], интегрированную роль. Так, французский исследователь К. Пардо указывает на то, что социальные медиа «эффективны в качестве как тактического, так и стратегического инструмента» [19]. Американский специалист по связям с общественностью Р. Таросян говорит о том, что «появление социальных сетей и цифровых технологий разрушило традиционные модели коммуникации». На его взгляд, «корпоративные коммуникации сегодня – это не только управление информацией, но и выстраивание отношений, решение актуальных проблем клиентов и взаимодействие с различными заинтересованными сторонами. Этот сдвиг размыл границы между маркетингом, связями с общественностью и даже обслуживанием клиентов» [20]. З. Сергеева отмечает, что сегодня социальные медиа «претендуют на позицию универсальной экосистемы, развивая систему глобального сервиса, в которой возможно удовлетворить научно-образовательные, социокультурные, потребительские и иные потребности» [21].

Д. Артемова при этом отдельно отмечает, что «традиционные СМИ позволяли создавать лишь одностороннюю связь. Образование нового коммуникационного пространства в результате интеграции в него социальных сетей открыли новые возможности не только для нового формата виртуальной коммуникации, но и для целевого взаимодействия коммуниканта и реципиента» [22]. Этот тезис поддерживает и Л. Мэтьюс, которая утверждает, что «появление социальных сетей привело к эволюции корпоративных коммуникаций: на смену традиционным практикам пришли новые инструменты, предполагающие установление диалога» [23].

Таким образом, в научном сообществе существует ряд терминов для обозначения медиаплатформ, которые компании используют для ведения внутренних и внешних коммуникаций. «Корпоративные СМИ / медиа» отражают традиционную модель организации медиапроизводства, часто не предполагающую диалоговое взаимодействие. «Бренд-медиа» – термин, описывающий специфический подход к организации корпоративных коммуникаций, характерный в первую очередь для компаний потребительского сектора. Термин «сетевые издания» не охватывает всю полноту медиаплатформ, которые используют современные корпорации. При этом сегодня формируется новый динамично-развивающийся сегмент, в котором существующие понятия не отражают в полной мере актуальные коммуникационные практики промышленных корпораций. Для описания актуального способа организации корпоративных коммуникаций в качестве рабочей формулировки предлагаем зафиксировать определение «корпоративные сетевые сообщества», которые мы понимаем как «интегрированные коммуникационные пространства компании, объединяющие совокупность её медиаплатформ (социальные сети, корпоративные сетевые издания, внутренние платформы, видеоканалы и приложения), функционирующие на принципах сетевого взаимодействия и обеспечивающие многоуровневое, двустороннее общение между организацией и её стейкхолдерами, которое способствует формированию корпоративной идентичности, репутации и вовлечённого сообщества вокруг компании».

Методы исследования

Для изучения современных особенностей формирования контент-стратегий корпоративных медиа промышленных компаний был применен системный подход. В частности, применялся ряд эмпирических методов, включающий в себя: 1) контент-анализ; 2) функциональный анализ медиатекстов, опубликованных на различных медиаплатформах; 3) содержательно-тематический анализ медиатекстов. В качестве базы исследования были выбраны элементы системы коммуникаций компании Трубная Металлургическая Компания

(далее «ТМК»). Эмпирическая база исследования была сформирована посредством сплошной ручной выборки медиатекстов, опубликованных на медиаплатформах компании за 3 квартал 2025 года. Общий объем выборки исследования составил 244 ед. медиатекстов, опубликованных в рамках системы корпоративных коммуникаций ТМК, которая включает медиаплатформы: 1) «Трубник Online» – корпоративная информационно-аналитическая платформа ТМК с материалами в различных форматах, включая тексты, видеосюжеты, фотографии, подкасты, инфографику. Анонсируя запуск данной платформы, редакция заявляла, что она будет функционировать как «полноценное СМИ с уникальным контентом о трубном производстве, новых технологиях и тенденциях металлургической отрасли, устойчивом развитии, сотрудниках и регионах присутствия ТМК» [24]; 2) «ТМК Медиа» – мультимедийное мобильное приложение для смартфонов, ориентированное на сотрудников ПАО «ТМК» и являющееся единой площадкой для всех корпоративных СМИ компании в цифровом формате; 3) корпоративный журнал «YourTube» – официальное издание, зарегистрированное в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство ПИ № ФС77-65730 от 20 мая 2016 года.), выпускаемое тиражом 3200 экземпляров, а также представленное онлайн (корпоративное сетевое издание); 4) профили в социальных сетях: VK и Telegram.

Результаты и дискуссия

Для оценки роли различных медиаплатформ в системе корпоративных ТМК был проведен их функциональный анализ. Современные исследователи, в том числе J. Cornelissen, отмечают, что корпоративные коммуникации выполняют не только информационную, но и ряд стратегических функций: «вовлечение сотрудников, управление отношениями с внешними стейкхолдерами, формирование корпоративной идентичности и репутации, а также согласование стратегических целей с коммуникационными практиками» [25]. В рамках нашего исследования мы выделили следующие функции медиаплатформ в системе корпоративных коммуникаций: 1) информационную; 2) интеграционную (объединение сотрудников вокруг идентичности, ценностей компании); 3) экспертно-аналитическую (позиционирование компании как носителя отраслевой экспертизы); 4) коммуникативную (реализацию двусторонней связи, формирование сообщества); 5) имиджево-репутационную (управление корпоративной репутацией и восприятием бренда у ключевых стейкхолдеров); 6) корпоративной социальной-ответственности CSR (коммуникационную поддержку социальных и экологических инициатив компании). Результаты распределения медиатекстов, направленных на реализацию той или иной функции, а также их

доли в общем массиве контента, представлены в табл. 1.

Проведенный функциональный анализ медиаплатформ в системе корпоративных коммуникаций «ТМК» позволил выявить специфику распределения функций и определить роль корпоративного сетевого издания и социальных медиа в контент-стратегии компании. Так, было отмечено, что корпоративное издание «YourTube», выпускаемое в традиционном печатном формате и представленное онлайн, в первую очередь ориентировано на реализацию имиджево-репутационной функции (56 % медиатекстов). Реализация данной функции остается важной и для других медиаплатформ (от 14 до 40 %). При этом очевидна функциональная специализация: так, интеграционная функция характерна в первую очередь для медиаплатформы «ТМК Медиа» (22 % медиатекстов выполняют интеграционную функцию) – исходя из этого можно сделать вывод о том, что эта платформа ориентирована на внутреннюю общность. На реализацию экспертно-аналитической функции направлена почти половина (46 %) медиатекстов, опубликованных за период в корпоративном канале на платформе TG – это также свидетельствует о стремлении корпорации диверсифицировать информационные потоки для разных целевых аудиторий. Важно отметить, что для новых медиа характерна высокая доля публикаций, направленных на осуществление коммуникативной функции (50 % медиатекстов на платформе VK), что отражает существующий переход от односторонней модели передачи информации (преимущественно информационная функция), к диалоговому взаимодействию со стейкхолдерами.

Эти тезисы созвучны со словами директора по корпоративным коммуникациям «ТМК» Ф. Климкина, который говорил о функциях корпоративных ресурсов компании следующее: «они носят не только информационную и просветительскую функции, но и интеграционную – объединяя клиентов, сотрудников, партнеров, экспертов и всех, кто интересуется отраслью, на одной площадке в едином информационном поле. Также эти каналы коммуникаций участвуют в формировании имиджа ТМК, повышая узнаваемость бренда компании, укрепляя ее репутацию как ответственного работодателя и носителя широкой отраслевой экспертизы» [24]. Отдельно отмечалось стремление компании к диверсификации и развитию собственных каналов дистрибуции контента.

Чтобы проанализировать, через какие темы реализуются представленные в анализе функции, был проведен содержательно-тематический анализ медиатекстов по каждой из медиаплатформ. При формировании его логики мы ориентировались на выделенные тематические блоки и постоянные рубрики, такие как: 1) VK: «новости ТМК», «спортивный дайджест», «главные события за неделю»,

«история металлургии» и др.; 2) ТГ: «ТМК в цифрах», «новости металлургии», «все о металлах» и др.; 3) «Трубник online»: «устойчивое развитие», «производственные тренды», «передовые решения», «бизнес», «обучение», «наши люди», «спорт», «полезное». Дополнительно внедрена система навигации по хэштегам, связанным с постоянными рубриками: «#день_с_мастером», «#автоматизация», «новости_ТМК» и др. Отдельно внедрены хэштеги, которые сортируют медиатексты на основе их связи с деятельностью того или иного подразделения корпорации «#ЧТПЗ», «#ТАГМЕТ», «#высота239», «СТЗ»; 4) «ТМК Медиа: «производство», «цифровая трансформация», «экология», «история», «промышленная безопасность», «крупный план», «поздравляем», «наше будущее», «соцзащита», «профессионалы», «спорт», «образ жизни», «общество», «полезные советы». Результаты содержательно-тематического анализа медиаресурсов «ТМК» представлены в табл. 2.

Проведенный тематический анализ контента, публикуемого в рамках медиаресурсов «ТМК», позволил конкретизировать выявленные ранее функциональные особенности и уточнить детали их реализации на уровне содержательных приоритетов медиатекстов. Так, наиболее актуальным направлением медиатекстов для большинства медиаресурсов является новостной контент (от 15 до 26 % медиатекстов). При этом диверсификация наблюдается и на тематическом уровне: тема «спорт», например, актуальна только для платформ VK (17 %) и Трубник Онлайн (10 %), в то время как новости металлургии составляют значительную долю контента в сообществе компании в TG (16 %). Тематическое распределение тесно связано с интересами групп целевых аудиторий, на которые компания ориентирует ту или иную медиаплатформу.

Важно отметить, что медиаплатформы также имеют свои технические особенности, влияющие на медиапроизводство. Так, каждая из них предполагает использование различных форматов. Для медиаплатформ в рамках системы коммуникаций «ТМК» характерны следующие форматы: 1) сообщество в VK: «клипы», «видео», «фото + текст», «дизайн-макет + текст», «карточки + текст», «опросы»; 2) ТГ-канал: «видео», «GIF-анимация + текст», «видеокружки», «дизайн-макет + текст», «карточки + текст», «опросы». В качестве дополнительных опций, предусмотренных площадкой, используются фирменные интерактивные эмоджи в тексте и в реакциях на посты, а также интерактивные возможности площадки; 3) ТМК Медиа: «подкасты», «фотогалереи», «видео», «статьи»; 4) Трубник Онлайн: «статьи», «интерактивные лонгриды», «видео», «фотогалереи».

Согласно классификации Г. Хэйса [26], выделяется 4 уровня кросс-медиа: «1.0 – одинаковый контент на разных платформах; 2.0 – контент от-

личается в зависимости от площадок; 3.0 – контент структурируется для разных медиаплатформ с целью усиления воздействия на аудиторию, предполагается переход между площадками; 4.0 – нелинейное распределение контента между платформами, создание условий для интерактивной игры, где участник выбирает свой путь развития истории». Согласно результатам исследования система коммуникаций «ТМК» относится к уровню развития 3.0, так как, несмотря на высокий уровень кросс-медийной интеграции внутри системы корпоративных коммуникаций (в изученных медиатекстах активно используются механики – QR-коды, перекрестные ссылки, позволяющие пользователям совершать переходы с одной медиаплатформы на другую, дополняя свой опыт и расширяя для себя границы транслируемой истории), реализуемый подход не предполагает участие пользователя в формировании пути развития истории.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволили систематизировать и уточнить особенности формирования контент-стратегии корпоративных медиа промышленного предприятия в контексте кросс-медийного подхода. В ходе работы был решен комплекс взаимосвязанных задач, включающих в себя теоретико-методологическое уточнение понятийного аппарата для терминов «корпоративные СМИ», «бренд-медиа», «сетевые издания». Сформулирован вывод о том, что существующие понятия не отражают в полной мере актуальные коммуникационные практики промышленных корпораций. Предложена рабочая формулировка нового термина «корпоративные сетевые сообщества», учитывающего интегрированный характер организации коммуникационного пространства компании, широкий комплекс используемых медиаплатформ и стремление к диалоговому формату взаимодействия с неоднородными аудиториями.

В рамках исследования был проведен анализ функций, которые выполняют медиаплатформы в рамках системы коммуникаций промышленного предприятия. Были выделены: 1) информационная; 2) интеграционная; 3) экспертно-аналитическая; 4) коммуникативная; 5) имиджево-репутационная; 6) корпоративной социальной ответственности. По результатам функционального анализа медиатекстов выявлено, что медиаплатформы «ТМК» выполняют взаимодополняющие функции: так, издание «YourTube» ориентировано на реализацию имиджево-репутационной функции – доля медиатекстов более 50 %; приложение «ТМК Медиа» сосредоточено на интеграции внутренней аудитории – почти четверть публикаций направлены на внутреннюю общественность, в то время как на других платформах таких медиатекстов практически нет (от 0 до 6 %); TG-канал в первую очередь – на экспертно-аналитическое позиционирование (46 %); сообщество в VK и «Трубник Он-

лайн» – на реализацию коммуникативной функции (50 и 27 %). Тематический анализ показал доминирование новостного контента при наличии чёткой дифференциации по целевым аудиториям и вытекающей из этого тематической специализации медиаплатформ. Полученные результаты демонстрируют, что медиапроизводство организовано в соответствии с принципами кросс-медийного подхода, где различные медиаплатформы выполняют взаимодополняющие функции, обеспечивая целостность коммуникационной экосистемы и позволяя эффективно взаимодействовать с различными группами целевых аудиторий. Также можно сформулировать вывод о том, что в рамках корпоративных коммуникаций промышленных компаний формирование подхода к их организации, в т. ч. выбора медиаплатформ, их функций, содержательных приоритетов и форматов реализации, определяется рядом факторов: 1) количеством и спецификой групп целевых аудиторий; 2) стратегическими целями, реализацию которых компания закладывает при планировании своих коммуникаций; 3) техниче-

скими возможностями каждой из медиаплатформ и особенностями медиапотребления на них.

Для уточнения результатов функционального анализа также был проведен анализ тематического распределения медиатекстов. Выявлены закономерности распределения функций между медиаплатформами, их содержательные приоритеты и степень кросс-медийной интеграции. Установлено, что каждая медиаплатформа в системе корпоративных коммуникаций выполняет собственную функциональную роль. Разнообразие медиаплатформ, их тематическое наполнение, а также использование различных форматов позволяют компании эффективно работать с различными группами целевых аудиторий, обеспечивая релевантное распределение информационных потоков. Наличие общих рубрик, навигации по хэштегам и использование перекрёстных ссылок обеспечивают целостность коммуникационной экосистемы. Результаты комплексного анализа позволили отнести систему коммуникаций «ТМК» к уровню 3.0 в рамках кросс-медийной классификации Г. Хэйса.

Функции медиаплатформ в системе корпоративных коммуникаций ТМК

Таблица 1

Table 1

Functions of media platforms in the TMK corporate communications system

		Интеграционная	Информационная	Экспертно-аналитическая	Коммуникативная	Имиджево-репутационная	Корпоративной социальной ответственности
ВК	Количество публикаций	3	10	0	25	7	5
	Процент от общего кол-ва публикаций	6 %	20 %	0 %	50 %	14 %	10 %
ТГ	Количество публикаций	0	8	23	4	15	0
	Процент от общего кол-ва публикаций	0 %	16 %	46 %	8 %	30 %	0 %
Трублик онлайн	Количество публикаций	2	2	12	12	16	0
	Процент от общего кол-ва публикаций	5 %	5 %	27 %	27 %	36 %	0 %
ТМК медиа	Количество публикаций	11	4	0	6	20	9
	Процент от общего кол-ва публикаций	22 %	8 %	0 %	12 %	40 %	18 %
YouTube	Количество публикаций	0	7	3	9	30	5
	Процент от общего кол-ва публикаций	0 %	13 %	5 %	17 %	56 %	9 %

Таблица 2

Тематическое распределение в рамках системы коммуникаций «ТМК»

Table 2

Thematic distribution within the TMK communication system

	Внутренняя информация	HR-образ	Достижения компании	Новости компании	Праздники	Благотворительность	История ТМК	Спорт	Новости металлургии	Интересная металлургия	Экология	Конкурсы, викторины	Молодые специалисты
ВК	1	3	4	11	4	2	1	9	0	6	2	2	5
	2 %	6 %	8 %	21 %	8 %	4 %	2 %	17 %	0 %	11 %	4 %	4 %	9 %
TG	0	7	2	10	1	0	2	0	18	8	1	1	0
	0 %	14 %	4 %	20 %	2 %	0 %	4 %	0 %	36 %	16 %	2 %	2 %	0 %
Трублик Онлайн	2	2	6	6	0	0	3	4	10	7	0	0	0
	5 %	5 %	15 %	15 %	0 %	0 %	8 %	10 %	25 %	18 %	0 %	0 %	0 %
ТМК Медиа	9	5	8	13	0	5	1	0	2	0	4	0	3
	18 %	10 %	16 %	26 %	0 %	10 %	2 %	0 %	4 %	0 %	8 %	0 %	6 %
YourTube	0	9	8	13	2	4	7	0	3	1	4	0	3
	0 %	17 %	15 %	24 %	3 %	8 %	13 %	0 %	5 %	2 %	8 %	0 %	5 %

Литература

1. Джавршян, Н. Р. Корпоративные медиа и их роль в деятельности организации / Н. Р. Джавршян, А. А. Шустина // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – №11. – С. 145–151. – URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/11/Dzhavrshyan.pdf> (дата обращения: 31.10.2025).

2. Synup. Social Media Marketing Statistics. – URL: <https://www.synup.com/en/social-media-marketing-statistics> (дата обращения: 31.10.2025).

3. Sprout Social. Social Media Statistics. – URL: <https://sproutsocial.com/insights/social-media-statistics> (дата обращения: 31.10.2025).

4. Евсеев, М. В. Оценка эффективности продвижения промышленного предприятия в условиях кросс-медийности / М. В. Евсеев // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2025. – С. 564–566.

5. Нигматуллина, К. Р. Рынок бренд-медиа в России: определения, классификация, характеристики / К. Р. Нигматуллина, Н. А. Павлушкина // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2022. – № 6. – С. 3–27. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-brend-media-v-rossii-opredeleniya-klassifikatsiya-harakteristiki> (дата обращения: 31.10.2025).

6. Малайчук, О. А. Экспертная составляющая как элемент контент-стратегии промышленного предприятия / О. А. Малайчук // Наука и техника. – 2022. – № 3. – С. 257–266. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertnaya-sostavlyayushaya-kak-element-kontent-strategii-promyshlennogo-predpriyatiya> (дата обращения: 31.10.2025).

7. Van Riel, C. B. M. Principles of Corporate

Communication / C. B. M. Van Riel. – London : Prentice Hall, 1995. – 284 p.

8. Cornelissen, J. Corporate Communication: A Guide to Theory and Practice / J. Cornelissen. – London : SAGE Publications, 2017. – 402 p.

9. Отечественная теория медиа: основные понятия / словарь / под ред. Е. Л. Вартановой. – М. : Изд-во Московского университета, 2019. – 246 с.

10. Журкина, О. В. Корпоративные СМИ как инструмент внутренней коммуникации организации / О. В. Журкина // Медиаскоп. – 2018. – № 2. – URL: <https://mediascope.ru> (дата обращения: 29.09.2025).

11. Докина, Д. А. Корпоративные СМИ: понятие, функции, виды / Д. А. Докина // Наука и образование сегодня. – 2019. – № 6-2 (41). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnye-smi-ponyatie-funktsii-vidy> (дата обращения: 29.09.2025).

12. Castells, M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture / M. Castells. – 2nd ed. – Oxford ; Malden, MA : Blackwell, 2000. – 594 p.

13. Сетевое издание (легальная дефиниция) // Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал. – URL: <https://bigenc.ru/c/setevoe-izdanie-legal-naia-definitsiia-f7bb04/?v=6396684> (дата обращения: 29.09.2025).

14. Мамонтова, М. С. Социальные медиа: общая характеристика понятия / М. С. Мамонтова, Е. С. Бобрикова // Современное общество: актуальные проблемы и перспективы развития в социокультурном пространстве : материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2021. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=46715490> (дата обращения: 29.09.2025).

15. Aichner, T. Twenty-Five Years of Social

Media: A Review of Social Media Applications and Definitions from 1994 to 2019 / T. Aichner, M. Grünfelder, O. Maurer, D. Jegeni // *Cyberpsychol Behav Soc Netw.* – 2021. – № 24 (4). – P. 215–222.

16. Kenton, W. What is social networking / W. Kenton. – URL: <https://www.investopedia.com/terms/s/social-networking.asp> (дата обращения: 29.09.2025).

17. Демичева, К. А. Понятие и классификация социальных сетей в контексте взаимодействия в сети Интернет / К. А. Демичева. – URL: <https://cyberpsy.ru/articles/ponyatie-i-klassifikaciya-socialnyh-setey/> (дата обращения: 29.09.2025).

18. Tourani N. Thriving in a shifting landscape: Role of social media in support of business strategy / N. Tourani // *Asia Pacific Management Review.* – 2022. – № 27 (4). – P. 276–281.

19. Pardo, C. The strategic role of social media in business-to-business contexts / C. Pardo, M. Paganí, J. Savinien // *Industrial Marketing Management.* – 2022. – № 101. – P. 82–97.

20. Torossian, R. Update, provides a detailed look into the world of Public Relations. / R. Torossian – URL: <https://ronntorossianupdate.com/corporate-communications-in-the-digital-age-embracing-transparency-trust-and-strategy> (дата обращения: 13.10.2025).

21. Сергеева, З. Н. Социальные медиа как новая институциональная структура осуществления

коммуникации молодежи / З. Н. Сергеева // *Society and Security Insights.* – 2023. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-media-kak-novaya-institutsionalnaya-struktura-osuschestvleniya-kommunikatsiy-molodezhi> (дата обращения: 13.10.2025).

22. Артемова, Д. Ш. Роль и место социальных медиа в становлении нового коммуникативного пространства / Д. Ш. Артемова // *Бизнес. Общество. Власть.* – 2020. – № 38. – С. 143–153. – URL: <https://www.hse.ru/mag/27364712/2020--38/438416429.html> (дата обращения: 13.10.2025).

23. Matthews, C. J. Social Media and the Evolution of Corporate Communications / C. J. Matthews // *Elon Journal of Undergraduate Research in Communications.* – 2017. – Vol. 8, № 1. – P. 1–12. – URL: <https://eloncdn.blob.core.windows.net/eu3/sites/153/2017/06/02MatthewsEJSpring10.pdf> (дата обращения: 13.10.2025).

24. ТМК запустила новую мультимедийную платформу «Трубник Online». – URL: <https://www.interfax.ru/pressreleases/929431> (дата обращения: 13.10.2025).

25. Cornelissen, J. Corporate Communication: A Guide to Theory and Practice (6th ed.) / J. Cornelissen // London : SAGE Publications. 2020. – P. 6, 9.

26. Hayes, G. Cross-media communities / G. Hayes. – URL: <https://www.personalizemedia.com/articles/cross-media> (дата обращения 12.03.2025).

Евсеев Максим Вадимович – аспирант кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет. (Челябинск), e-mail: makevs@yandex.ru. ORCID 0009-0009-1828-0323

Поступила в редакцию 28 ноября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260108

ANALYSIS OF CONTENT STRATEGY OF CORPORATE MEDIA OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE: CROSS-MEDIA ASPECT

M. V. Evseev

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article presents a comparative analysis of the implementation features of content strategies in corporate media and social media of an industrial enterprise within the context of a cross-media approach. It provides a characterization of the concepts “*corporate media*”, “*corporate mass media*” and “*network publications*”. In the course of the study, the authors formulated the conclusion that it is necessary to introduce a new term – “*corporate network communities*”. Based on the analysis of 244 media texts published across various media platforms, a functional analysis was conducted within the system of corporate media. The following functions were identified: 1) informational; 2) integrational; 3) expert-analytical; 4) communicative; 5) image and reputation-building; 6) corporate social responsibility. It was revealed that within the system of corporate communications of an industrial enterprise, a functional specialization is observed: the content strategy implies the realization of different functions through segmentation of the target audience and the distribution of audience-oriented content across media platforms. At the same time, it was noted that social media demonstrate a higher proportion of publications

aimed at performing the communicative function, which reflects the ongoing shift toward a dialogic model of information exchange. A thematic content analysis of the media texts was also conducted, identifying the leading topics such as enterprise and industry news, company achievements, and HR image. The results obtained made it possible to form an understanding of the current approaches and practices in developing content strategies for corporate online publications and social media of industrial enterprises, as well as the specific features of applying a cross-media approach to the organization of media production.

Keywords: corporate communications, cross-media, online publication, social media, content strategy.

References

1. Dzhavrshyan N.R., Shustina A.A. Korporativnye media i ikh rol' v deyatel'nosti organizatsii [Corporate Media and Their Role in the Activities of an Organization] // *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik*. 2021. № 11. P. 145–151. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/11/Dzhavrshyan.pdf> (date of accessed: 31.10.2025).
2. Synup. Social Media Marketing Statistics. URL: <https://www.synup.com/en/social-media-marketing-statistics> (date of accessed: 31.10.2025).
3. Sprout Social. Social Media Statistics. URL: <https://sproutsocial.com/insights/social-media-statistics> (date of accessed: 31.10.2025).
4. Evseev M.V. Otsenka effektivnosti prodvizheniya promyshshlennogo predpriyatiya v usloviyakh kross-mediinosti [Evaluation of the Effectiveness of Industrial Enterprise Promotion in Conditions of Cross-Media] // *Tsifrovaya zhurnalistika: tekhnologii, smysly i osobennosti tvorcheskoi deyatel'nosti*: sbornik materialov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ekaterinburg, 2025. P. 564–566.
5. Nigmatullina K.R., Pavlushkina N.A. Rynok brend-media v Rossii: opredeleniya, klassifikatsiya, kharakteristiki [Brand Media Market in Russia: Definitions, Classification, Characteristics] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2022. № 6. P. 3–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-brend-media-v-rossii-opredeleniya-klassifikatsiya-harakteristiki> (date of accessed: 31.10.2025).
6. Malaichuk O.A. Ekspertnaya sostavlyayushchaya kak element kontent-strategii promyshshlennogo predpriyatiya [Expert Component as an Element of the Content Strategy of an Industrial Enterprise] // *Nauka i tekhnika*. 2022. № 3. P. 257–266. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertnaya-sostavlyayushchaya-kak-element-kontent-strategii-promyshshlennogo-predpriyatiya> (date of accessed: 31.10.2025).
7. Van Riel C.B.M. Principles of Corporate Communication. London: Prentice Hall, 1995. 284 p.
8. Cornelissen J. Corporate Communication: A Guide to Theory and Practice. London: SAGE Publications, 2017. 402 p.
9. Otechestvennaya teoriya media: osnovnye ponyatiya [Domestic Media Theory: Key Concepts]: slovar'; pod red. E.L. Vartanovoy. Moscow: Moscow University Press, 2019. 246 p.
10. Zhurkina O.V. Korporativnye SMI kak instrument vnutrennei kommunikatsii organizatsii [Corporate Media as a Tool of Internal Organizational Communication] // *Mediascope*. 2018. № 2. URL: <https://mediascope.ru> (date of accessed: 29.09.2025).
11. Dokina D.A. Korporativnye SMI: ponyatie, funktsii, vidy [Corporate Media: Concept, Functions, Types] // *Nauka i obrazovanie segodnya*. 2019. № 6–2 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnye-smi-ponyatie-funktsii-vidy> (date of accessed: 29.09.2025).
12. Castells M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture. 2nd ed. Oxford; Malden, MA, Blackwell, 2000. 594 p.
13. Setevoe izdanie (legal'naya definitsiya) [Online Media (Legal Definition)] // *Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya*. URL: <https://bigenc.ru/c/setevoe-izdanie-legal-naia-definitsiia-f7bb04?v=6396684> (date of accessed: 29.09.2025).
14. Mamontova M.S., Bobrikova E.S. Sotsial'nye media: obshchaya kharakteristika ponyatiya [Social Media: General Characteristics of the Concept] // *Sovremennoe obshchestvo: aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya v sotsiokul'turnom prostranstve*: materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Cheboksary, 2021. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46715490> (date of accessed: 29.09.2025).
15. Aichner T., Grünfelder M., Maurer O., Jegeni D. Twenty-Five Years of Social Media: A Review of Social Media Applications and Definitions from 1994 to 2019 // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2021. Vol. 24, № 4. P. 215–222.
16. Kenton W. What Is Social Networking. URL: <https://www.investopedia.com/terms/s/social-networking.asp> (date of accessed: 29.09.2025).
17. Demicheva K.A. Ponyatie i klassifikatsiya sotsial'nykh setei v kontekste vzaimodeistviya v seti Internet [Concept and Classification of Social Networks in the Context of Internet Interaction]. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/ponyatie-i-klassifikatsiya-socialnyh-setey/> (date of accessed: 29.09.2025).

18. Tourani N. Thriving in a Shifting Landscape: Role of Social Media in Support of Business Strategy // *Asia Pacific Management Review*. 2022. Vol. 27, № 4. P. 276–281.
19. Pardo C., Pagani M., Savinien J. The Strategic Role of Social Media in Business-to-Business Contexts // *Industrial Marketing Management*. 2022. Vol. 101. P. 82–97.
20. Torossian R. Update, Provides a Detailed Look into the World of Public Relations. URL: <https://ronntorossianupdate.com/corporate-communications-in-the-digital-age-embracing-transparency-trust-and-strategy> (date of accessed: 13.10.2025).
21. Sergeeva Z.N. Sotsial'nye media kak novaya institutsional'naya struktura osushchestvleniya kommunikatsii molodezhi [Social Media as a New Institutional Structure for Youth Communication] // *Society and Security Insights*. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-media-kak-novaya-institutsionalnaya-struktura-osushchestvleniya-kommunikatsiy-molodezhi> (date of accessed: 13.10.2025).
22. Artemova D.Sh. Rol' i mesto sotsial'nykh media v stanovlenii novogo kommunikativnogo prostanstva [The Role and Place of Social Media in the Formation of a New Communicative Space] // *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. 2020. № 38. P. 143–153. URL: <https://www.hse.ru/mag/27364712/2020--38/438416429.html> (date of accessed: 13.10.2025).
23. Matthews C.J. Social Media and the Evolution of Corporate Communications // *Elon Journal of Undergraduate Research in Communications*. 2017. Vol. 8, № 1. P. 1–12. URL: <https://eloncdn.blob.core.windows.net/eu3/sites/153/2017/06/02MatthewsEJSpring10.pdf> (date of accessed: 13.10.2025).
24. TMK zapustila novuyu mul'timediinuyu platformu "Trubnik Online" [TMK Launched a New Multimedia Platform "Trubnik Online"]. URL: <https://www.interfax.ru/pressreleases/929431> (date of accessed: 13.10.2025).
25. Cornelissen J. Corporate Communication: A Guide to Theory and Practice. 6th ed. London: SAGE Publications, 2020. P. 6, 9.
26. Hayes G. Cross-Media Communities. URL: <https://www.personalizedmedia.com/articles/cross-media> (date of accessed: 12.03.2025).

Maksim V. Evseev – Postgraduate Student of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: makevs@yandex.ru

Received November 28, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Евсеев, М. В. Анализ контент-стратегии корпоративных медиа промышленного предприятия: кросс-медийный аспект / М. В. Евсеев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 63–72. DOI: 10.14529/ssh260108

FOR CITATION

Evseev M. V. Analysis of content strategy of corporate media of an industrial enterprise: cross-media aspect. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 1, pp. 63–72. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260108

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Р. М. АКУЛЬШИНА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА: ИДЕИ, СЮЖЕТЫ, ГЕРОИ

А. А. Косицин

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация*

В статье рассматривается творчество Р. М. Акульшина в 1920–1930-е годы, в частности, его малоизученные произведения для детей и юношества. Анализируется поэтика, тематика, сюжеты и образы этих сочинений, выявляются основные черты творческой манеры писателя. Особое внимание уделяется сочетанию автобиографических мотивов с идеологической направленностью, характерной для советской литературы того времени. Показано, как Р. М. Акульшин, опираясь на личный опыт деревенской жизни, создавал образы сознательных, стремящихся к знаниям и прогрессу героев, противопоставляя их отсталым устоям дореволюционной деревни. В центре внимания – символика технического прогресса (авиация, радио, электричество), которая в его произведениях становится олицетворением новой советской действительности. Отмечается склонность автора к повторному использованию сюжетных фрагментов, описаний и лексических конструкций, что придает его творчеству черты своеобразного «литературного этикета». Исследование подчеркивает важность работ Р. М. Акульшина в контексте формирования советской детской литературы и указывает на необходимость дальнейшего изучения его наследия, включая архивные материалы, связанные с деятельностью «Детгиза». Статья представляет собой одно из первых комплексных исследований детских произведений писателя и вносит вклад в изучение литературной истории 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: советская литература, детская литература, очерки о советской деревне, литературный этикет, Р. М. Акульшин.

Введение

Р. М. Акульшин, войдя в литературу, сразу стал пробовать себя во всех родах и жанрах, актуальных для «золотого десятилетия русской литературы», по меткому выражению Р. Магвайра [1, с. 8]. Эта творческая «всеядность» вполне соответствовала «духу времени»: для 1920-х годов как новой эпохи в истории отечественной литературы были характерны активные художественные поиски, жанровый синкретизм [2] и эксперименты с литературной формой [3, с. 69]. Поэтому Р. М. Акульшин писал и поэтические, и прозаические, и драматургические сочинения, а также выступал на страницах тогдашней периодики с многочисленными статьями и заметками о современном положении дел в советской деревне, – впоследствии главным образом эти очерки составили его первые литературные сборники. Первым из таких стала книга «О чем шепчет деревня» [4]. Ее название – перефразированный фрагмент из речи Д. Бедного на 1-й Всесоюзной конференции пролетарских писателей: «Мы должны знать, что думает старуха-деревня, когда ей часто, по весьма осязательным причинам, не спится, *о чем она шепчет*» [4, с. 7]. 1925 год, в котором вышла эта книга, сам Р. М. Акульшин назвал «годом прощупывания всей крестьянской России», где еще много язв – «крючкотворство, взяточничество, самогон» [4, с. 3]. Сам автор видел свою задачу в том, чтобы «все эти недостатки, а порой преступления, уничтожить» [4, с. 4], а свою писательскую деятельность – в том, чтобы идеологически воздей-

вать на общественное сознание в соответствии с политической повесткой новой власти. По мысли Р. М. Акульшина, современный писатель должен был показывать советскую деревню в ее противоречии, где старое и отсталое соседствовало с новым и передовым. Поэтому 1920-е годы в идеологическом плане в целом характеризуются значительным вниманием к деревенской тематике [4, с. 52]: судьба советской деревни тогда действительно волновала – и не только писателей [5]. На особом счету в те годы была и литература для детей и юношества, и так получилось, что Р. М. Акульшин также не остался в стороне. (Обращение писателя в те годы к детской литературе неудивительно, так как в стране тогда начался новый – идеологический – этап ее развития [6, с. 10]). Более того, ему удалось совместить обе политические повестки в своем творчестве: его сочинения для подрастающего поколения были обращены к проблемам деревни, которую он хорошо знал.

В настоящей статье мы рассмотрим поэтику произведений Акульшина, созданных в 1920–1930-е годы, проанализируем темы, сюжеты и образы героев этих произведений и определим основные черты творческой манеры автора в те годы.

Обзор литературы

Статей, посвященных литературному творчеству Р. М. Акульшина, немного, а те, что есть, либо рассматривают его в совокупности (обзорные статьи энциклопедического характера), либо исследуют мемуарные произведения более поздних лет [7], либо касаются отдельных аспектов творче-

ства [8, 9]. Сочинения для детей и юношества, созданные писателем в 1920–1930-е годы, к сожалению, не привлекали должного внимания исследователей. Лишь изредка в фокусе внимания литературоведов оказываются отдельные произведения писателя, – в основном, когда исследуется какая-то научная проблема на литературном материале 1920–1930-х: тогда произведения Р. М. Акульшина упоминаются среди прочих [10]. В работах, посвященных детской литературе, произведения Акульшина если и упоминаются, то без развернутого анализа, что определяет новизну и актуальность настоящего исследования.

Следует сказать, что пестрая палитра литературы для детей и юношества 1920–1930-х годов также мало исследована. В фокус внимания исследователей обычно попадают отдельные жанры или отдельные художественные категории в произведениях того времени, предназначенных для подрастающего поколения [11–13]. Тем не менее, 1920–1930-е годы – уникальное время в истории литературы, ведь именно тогда, как показывает И. Н. Арзамасцева, происходило обновление детской литературы, концепции детской книги и самого концепта «детство» [14]. По наблюдению Г. Н. Токаревой, произведения детской литературы, созданные в это время, носили ярко выраженный идеологический и воспитательный характер, формируя «нового человека» [15]. Более того, в это время решалась сама судьба детской и юношеской литературы и велась оживленная дискуссия вокруг нее [16, 17], приведшая впоследствии к созданию «Детгиза».

«Детгиз» был основан 9 сентября 1933 года постановлением ЦК ВКП(б) «Об издательстве детской литературы», и именно Р. М. Акульшин фигурировал в числе первых его секретарей (справедливости ради нужно сказать, что и материалы многочисленных заседаний «Детгиза» также до сих пор не проанализированы и не предъявлены общественности; они разрозненно хранятся в персональных архивах писателей тех лет, имеющих отношение к литературному процессу 1930-х гг.). В качестве секретаря «Детгиза» Р. М. Акульшин стал одним из тех, кто определял идеологический вектор советской детской литературы. Его резонерствующая позиция позволяла напрямую влиять на содержание детских книг, что делает анализ его творчества важным шагом к реконструкции литературного процесса 1920–1930-х годов.

Методы исследования

В основу работы легли классические филологические методы (литературно-исторический, сравнительно-типологический, композиционно-стилистический и символический анализ), обеспечившие многоаспектное изучение поэтики, образной системы и идеологических смыслов в произведениях Акульшина.

Результаты и дискуссия

Для всех довоенных изданий Акульшина характерна неоднородность материала – этим попрекали писателя рецензенты и критики его произведений. В архивных материалах Госиздата хранятся две рецензии на рукопись книги «Искренние рассказы» [18] (книга, по всей видимости, планировалась к изданию в 1935 году, но тогда так и не вышла, увидев свет лишь в 1937 году в доработанном виде под названием «Весна» [19]). Автор одной из рецензий, М. Алексеев, указывает, что «предложенные в сборнике 30 новелл далеко неоднородны ни по своей тематике, ни по идейной сущности, ни по художественному мастерству. И эта досадная качественная чересполосица мешает возможности вынести заключение по всему сборнику в целом» [18, л. 29–31]. Автор другой, <?> Памфилова, пишет: «Общее впечатление от “Искренних рассказов” – такое: писатель не имеет стержня в своем творчестве. Тридцать новелл не объединены ни в какой мере общим замыслом, направлением. Тематика очень пестра, случайна...» [18, л. 15–25].

Среди всего массива художественных сочинений Акульшина, написанных в 1920-е годы, видное место занимают автобиографические поучительные истории. Начиная со сборника «Развязанные снопы» (1927) [20], на страницах его произведений перед читателем возникают полуанекдотические истории, – как от первого, так и от третьего лица, – объединенные фигурой автора – глубокого знатока деревенской жизни.

Материалы первого раздела «Развязанных снопов» впоследствии легли в основу повести для детей и юношества «Трушка-плясун» (1927), вышедшей в виде отдельной книги [21]. Главный герой повести, мальчик Трушка Алешин (в автобиографическом тексте «Развязанных снопов» мальчика зовут, соответственно, Родькой), живет в деревне, танцует на деревенских свадьбах (отсюда и прозвище «плясун»). Повествование в повести ведется, в отличие от первой главы «Развязанных снопов», от третьего лица, а сам Трушка ощутимо моложе Родьки. Сквозь наивное восприятие Трушки читатель наблюдает исторические события – борьбу за власть и революционные преобразования. Параллельно прослеживается процесс взросления героя: если в начальной части заключительной главы («Голодный год») Трушка лишь приступает к обучению грамоте [21, с. 82], то в финале он становится студентом художественного техникума, участвует в создании плакатов и театральных постановках. На последней странице повести герой предстает сознательным молодым человеком, способным на самостоятельный выбор: «За десятью зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Лучше художником буду. Пляской баловался, когда маленький был», – резюмирует он. «Не поступил Трушка в плясовую школу, а плясу-

ном его все равно прозвали. Навсегда осталась за ним детская кличка “Трушка-плясун”» [21, с. 93], – такими словами Акульшин завершает свою повесть, подчеркивая переход героя к сознательности (мотив, тогда только зарождающийся в советской послереволюционной литературе).

В 1927 году Р. М. Акульшиным был создан цикл произведений для младшего возраста. К числу публикаций данного периода относятся как отдельные издания – «Машка-пеночница» [22], «Находкины дети» [23], «О девочке Маришке, о новеньком пальтишке, о свинье ужасной и о звездочке красной» [24], так и сборник рассказов «Озорница Бейка» [25]. Центральными персонажами этих произведений выступают деревенские дети. Хотя возраст героев, как правило, не указан автором эксплицитно (за исключением восьмилетней Маришки), можно предположить, что он коррелирует с возрастом целевой читательской аудитории, для которой предназначена данная литература.

Эти произведения для детей сильно различаются как в сюжетном плане, так и в идейных, прежде всего – морально-нравственных, установках. Так, история Маришки, по недосмотру потерявшей свое пальтишко, способна вызвать у читателя сочувствие. А вот история Машки-хулиганки, из лучших побуждений постоянно пакостящей людям, никакого сочувствия вызвать у читателя уже не может. Это абсолютно безобидное, наивно-детское произведение о дурачествах и доброте не идет ни в какое сравнение с «Находкиными детьми» – недетским по своему содержанию сочинению с рассчитанным на детское восприятие сюжетом. Главные герои – малолетние Ленька и Лидка – выхаживают двух лисят, подкладывая их под кошку, чтобы те могли полакомиться грудным молоком; тогда как взрослые персонажи в этой истории совершают жестокие и опрометчивые поступки, нарушающие привычные нормы детской литературы того времени. Так, в частности, отец Леньки голыми руками ловит лису, получая при этом укус за палец; потом зашибает насмерть двух котят, роняя их с высоты печки, случайно поскользнувшись; а когда отпускает на волю одомашненную лису, то надрезает ей ухо, делая отметину на память и т. д. Описывая это, Р. М. Акульшин, очевидно, стремится изобразить деревенский быт реалистично, однако выглядит это все совершенной дикостью, но такова авторская установка: изображать жизнь, как она есть, без прикрас.

Анализируя манеру письма Р. М. Акульшина, следует отметить присущее ему стремление к «литературному этикету» [26, с. 250]. Данное явление находит подтверждение в текстуальном сходстве между произведениями «Находкины дети» и «Машка-пеночница». Подобно миграции эпизодов из «Развязанных снопов» в историю о Трушке-плясуне, наблюдается транспозиция отдельных фразеологических конструкций.

Сравнительный анализ выявляет сходство лексико-синтаксических моделей, что иллюстрируется примером описания процесса беления холстов: «Летом Ленькина мать повезла на тележке к озеру холсты. Холсты мочат в воде и расстилают на траве, под солнцем, от этого они делаются белее» [23, с. 21–22] – в «Находкиных детях»; «...а сама пошла к озеру, где были расстелены холсты. Мокрые холсты расстилают на траву, чтобы они были белее» [22, с. 6] – в «Машке-пеночнице».

Таким образом, в творчестве Р. М. Акульшина проявляется художественный эффект, аналогичный распространенному в древнерусской литературе «литературному этикету», который выражается в реутилизации описательных фрагментов из ранее созданных произведений в более поздних текстах. Поскольку почти все литературные герои Р. М. Акульшина имеют прозвища, стоит сказать и о поэтике прозвища в сочинениях писателя: если кошку подобрали (нашли) – то она «Находка»; если Машка любит молочные пенки – она «пеночница», если Трушка с детства любит плясать – он «плясун», если Митька маленького роста – он «Фунтенок» (производное от фунта) и т. д. Прозвища у героев незамысловаты и строятся однообразно – так, как, видимо, и было принято тогда делать в простых крестьянских деревнях.

Любопытен образ героя в рассказе «Фунтенок», отличающегося своей сознательностью в «правой борьбе». Обхитрив беляков, Фунтенок отказывается от предложения красного командира пойти в разведчики, говоря, что ему сначала необходимо кончить школу: «Нет, я лучше учиться... В школу хочу. Вырасту – за бедных с красными воевать пойду» [27, с. 24].

Образ Фунтенка, отчасти напоминающий сказочного персонажа мальчика-с-пальчика, переключивается в другое сочинение Р. М. Акульшина – «Красенький мальчик» [28]. Герой этого произведения, Мишка, напоминает толстовского Филиппка.

Сюжет этой истории простой. Однажды в сильный мороз и ветер мальчик прибегает к рассказчику, чтобы взять книжки. Сначала он греется у печки-голландки, а потом выбирает самую толстую книгу – «Робинзон Крузо». Вскоре приходят его испуганные родители. Они хотят поругать сына за то, что он ушел из дома в такую погоду. Однако рассказчик вступает за маленького читателя и говорит доброе напутствие. Родители смягчаются и забирают сына домой вместе с книгой о Робинзоне.

Эту короткую историю назвали «Красенький мальчик» из-за красной рубашки героя. Книга была издана в очень «детском» формате: всего 12 страниц с обложкой, небольшой формат А6, плотная бумага, крупный шрифт и цветные иллюстрации. Благодаря этому она считается самой

подходящей для детей из всех книг, которые когда-либо выпускал Р. М. Акульшин.

В книгу «Озорница Бейка» [25], адресованную читателям младшего и среднего возраста, Р. М. Акульшин включил два рассказа, повествующих о жизни деревенских детей и их домашних животных. Первый одноименный рассказ посвящен похождениям резвой козочки по кличке Бейка. Второй рассказ, «Бедовые летчики», освещает злоключения двух друзей – Митьки и Васьки, одержимых мечтой о лётной профессии. Примечательно, что в 1929 году данный рассказ после переработки был издан отдельно под заглавием «Летчики» [29].

Сюжет произведения «Озорница Бейка» сосредоточен на процессе взросления главной героини – козочки, отличающейся хулиганским поведением. Ее проделки, такие как проникновение в дом для сна на кровати, кража пирога с блинами или разбитие стекла, иллюстрируют ее характер. Однако с течением времени героиня претерпевает изменения: после появления собственного потомства – козлят – ее поведение кардинально меняется. Она начинает приносить практическую пользу, обеспечивая ежедневные удои объемом в четыре–пять бутылок молока.

Герои «Бедовых летчиков», ребята-проказники («Митьку зовут “рыжим”, а Ваську – “белобрысьм”») [29, с. 24]), копят деньги на свой аэроплан. Деньги копят у них медленно, потому они решают покупать аэроплан по частям, чтобы собрать его потом. Когда у ребят скопилось тринадцать копеек, они пошли покупать в лавку главную часть аэроплана – пропеллер, но по дороге забыли, как эта часть называется. Стали кувыряться по земле – вспоминать (потому что есть в народе такая примета: чтобы вспомнить, надо кувыряться). Покувыркавшись, они все вспомнили – и пошли дальше. Вторая часть сюжета демонстрирует параллели с очерком «Как я на охоту ходил» из сборника «Развязанные снопы». Если в оригинале герои Мишка и Еграшка совершали кражу яблок в саду тетки Маланьи, то в «Бедовых летчиках» аналогичное правонарушение совершается в саду тетки Анисьи. Развязка в обоих случаях идентична: Васька, подобно Мишке, подвергается порке.

Следует отметить различие в финальных акцентах произведений. Концовка истории в «Развязанных снопах» содержит лирическое отступление в гоголевской традиции, где автор размышляет о ценности деревенских анекдотов для понимания сельской жизни и оправдывает поступок детей [20, с. 25]. В отличие от этого, финал «Бедовых летчиков» лишен авторского комментария и стилистически приближается к эпизоду древнерусской «Повести о Шемякином суде», представляя собой следующую сцену:

«Как будем летчиками, всех ребятшек по воздуху перекачаем, всех девок перекачаем,

всех мужиков перекачаем, всех стариков и старух перекачаем, всех баб перекачаем, а ее [Анисью. – А. К.] не будем...

– Нет, по-моему, поднять ее на воздух и оттуда бросить...

– Не стоит мараться: еще упадет на кого-нибудь, голову проломит... Пусть всю жизнь казнится, завидует, как другие по воздуху летают, руками облака задевают...

А через минуту бутыхаются товарищи в воде.

И брызги, и солнце, и радость.

Счастливые летчики!» [25, с. 40].

Следует отметить актуальность для Р. М. Акульшина ряда тем, свойственных его литературным сочинениям для детей: это *авиация, радио и электричество*. Все они стали ценностными ориентирами, олицетворением советских новшеств, символами победы научного прогресса над религиозным мракобесием [30, с. 136]. Летчик в литературе 1920–1930-х годов является мифологической, сакральной фигурой [31, с. 90]; мотив воздухоплавания в искусстве того времени широко распространен, художники «всерьез начинают увлекаться авиацией» [32, с. 77].

Авиации Р. М. Акульшин посвятил два произведения. В 1925 году он сочинил поэму «Друзья воздушного флота, или самолет “Степанида”» [33], где описал реакцию полуграмотных крестьян на новое чудо техники – самолет; а в 1928 году – поэму «Путешествия Кости на самолете» [34], описание истории авиации в которой было почти дословно заимствовано из предшествующего сочинения.

Поэма «Друзья воздушного флота...» создана без использования рифм – четырехстопным хорем с женскими окончаниями, что в народной поэтической традиции соотносится с термином «нескладушка». Сюжет произведения отличается простотой. Услышав шум в небе, крестьяне вышли из избы-читальни и увидели аэроплан. Пилот посадил свой самолет, и люди стали наперебой спрашивать его о разном: *откуда и куда он летит, почему у него шапка такая* и т. д. Летчик прочитал им лекцию по истории авиации, а потом одну из жительниц деревни – 70-летнюю Степаниду Толкачеву – взял на борт и прокатил по воздуху. Так, старушка стала «звездой» всей деревни, а когда умерла – вся деревня пришла проститься с покойницей. Завершается поэма песней в память о Степаниде, ритмически обособленной от основного текста: она написана стихом, имитирующим былинные напевы – тем же четырехстопным хорем, но уже с дактилическими окончаниями: *«Как в деревне, во Незнамовке / Тут жила седая бабушка. / Степанида – ее имечко, / Толкачиха – ее прозвище»*. Последняя строфа поэмы дословно воспроизводит ее начальную строфу, в конце которой автор добавляет два стиха: *«Строит в той стране народ / Трудовой Воздушный Флот»*. Таким образом, «воздушный флот» выступает в поэме симво-

лом советского новшества; «флот» этот призван, по мысли автора, избавить деревенских жителей от существующих с древних (т. е. дореволюционных) лет предрассудков.

В другой книге – пьесе в 4 картинах «Нечистая сила» [35] – символом советского новшества становится *радио*. Герой пьесы, 80-летний дед Митрий, представитель «дремучей деревни», обзревает достижения советской техники и, как Степанида в рассмотренной выше поэме, испытывает это «чудо» на себе. Действие пьесы вновь разворачивается в деревенской избе-читальне. Жители деревни разделены на два противоборствующих лагеря: одни знают, что такое радио, другие не верят, что оно работает и что по нему можно «слушать Москву». Деревенские мальчишки, юнкоры Семка и Гришка, ведут агитационные торги с местными девчонками, спорят с ними о том, что по радио можно будет услышать пение: «...если только сегодня вечером услышишь пение из Москвы, то завтра же запишешься в комсомол, а если ничего не услышишь, то я тебе покупаю красный платок» [35, с. 7]. Все жители деревни приходят посмотреть на этот чудо-аппарат. Богобоязненный дед Митрий после знакомства с «радийей» плачет, говорит, что теперь он умрет не рабом Божьим, а свободным человеком: «Только на аэроплане не удалось полетать», – замечает старик, словно завидуя Степаниде из ранее упомянутого произведения Р. М. Акульшина.

Сюжет пьесы «Нечистая сила» концентрируется вокруг погрома в избе-читальне, совершенноного сорокалетним крестьянином Митрофаном, движимым суеверными представлениями. Убежденный, что действует по навету Богородицы для борьбы с «нечистой силой», он проникает ночью в «коммунистическое логово», читая молитвы и крестясь. Митрофана задерживают односельчане и заключают под стражу в здании сельсовета. Ключевым моментом становится его прослушивание радиопередачи о решениях советской власти, направленных на поддержку деревни. Это, наряду с увещаниями деда Митрия, приводит персонажа к осознанию, что радио не является порождением «лукавого». Финал произведения представляет собой апофеоз веры в технический прогресс: общее ликование жителей, сопровождаемое танцами и исполнением советских частушек, символизирует триумф нового знания над суевериями.

Электричество, наряду с авиацией и радио, репрезентируется в творчестве Р. М. Акульшина как одно из достижений советской науки. Эта тема раскрывается в одноактной пьесе «Лампочка Ильича», финал которой акцентирует общественную пользу электричества через полифоническое звучание девяти голосов [36, с. 15–16].

Начиная с 1931 года, Р. М. Акульшин фактически прекращает литературную работу для детской и юношеской аудитории. К этому периоду

относится лишь одна детская пьеса – «Пастух Егорка», которая, по всей видимости, не была опубликована. Ее машинописная версия хранится в РГАЛИ [37]. Еще один машинописный экземпляр данной пьесы, подготовленный для издания, находится в РГБ [38].

К началу 1930-х годов, как отмечает И. И. Тарасова, литературный процесс в СССР кардинально изменился. В это время уже определились основные стилевые и методологические ориентиры «новой» советской литературы [39, с. 438], и Р. М. Акульшин сосредотачивается на создании произведений, ориентированных на взрослого читателя. Однако последующие шесть лет ознаменовались почти полным отсутствием публикаций писателя по неизвестным причинам. Перелом наступил лишь в 1937 году, когда ему удалось издать сборник, объединивший разнообразные произведения, как для детей, так и для взрослых, включая как ранее публиковавшиеся, так и новые тексты. В 1940 году в Куйбышеве отдельным изданием вышел небольшой автобиографический рассказ «Кловун» [40], который также представляет собой переделку очерков, ранее опубликованных в книге «Развязанные снопы».

Выводы

Таким образом, в 1920–1930-е годы Р. М. Акульшиным были созданы рассказы, повести, поэмы и пьесы о детях и подростках, предназначенные для читателей соответствующей возрастной категории. Писатель часто заимствовал сюжеты, описания и образы героев из своих же собственных произведений, создавал на их основе все новые и новые тексты. В то же время он стремился изображать то, что и сам хорошо знал, что видел, о чем слышал или имел довольно точное представление. Мир его произведений, с одной стороны, традиционный, с другой – современный, открытый к изменениям. Герои его историй оптимистично смотрят в будущее, символами которого выступают различные технические новшества: авиация, радио, электричество.

Произведения Р. М. Акульшина, несмотря на справедливые упреки в неоднородности материала, представляют собой ценный документ эпохи, отражающий переход от народной традиции к советскому новаторству, а также сложный процесс формирования детской и деревенской литературы в раннем СССР.

Литература

1. Магуайр, Р. Красная новь. Советская литература в 1920-х гг. / Р. Магуайр ; пер. с англ. М. А. Шерешевской. – СПб. : Академический проект, 2004. – 365 с.
2. Пономарева, Е. В. Жанровый синкретизм малой прозы 1920-х годов / Е. В. Пономарева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2005. – № 7 (47). – С. 188–196.

3. Ковалев, В. А. Русский советский рассказ. Очерки истории жанра / В. А. Ковалев. – Л. : Наука, 1970. – 736 с.
4. Акульшин, Р. О чем шепчет деревня / Р. Акульшин. – М. : Московский рабочий, 1925. – 128 с.
5. В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов / отв. ред. О. А. Казнина. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – 608 с.
6. Октябрьская, О. С. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской литературе 1920–50-х годов / О. С. Октябрьская. – М. : МАКС Пресс, 2016. – 245 с.
7. Скороходов, М. В. Материалы к биографии Р. Березова 1941–1949 годов: мысли о России / М. В. Скороходов // Россия – Германия: Литературные встречи (1880–1945). – М. : ИМЛИ, 2019. – С. 224–246.
8. Ивашкина, А. Н. Тенденции циклизации в прозаическом творчестве Р. М. Акульшина / А. Н. Ивашкина // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. – 2012. – № 4. – С. 103–109.
9. Ивашкина, А. Н. Способ конструирования действительности в цикле Р. М. Акульшина «О чем шепчет деревня» / А. Н. Ивашкина // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. – 2013. – № 5. – С. 169–173.
10. Лебедева, С. Н. Проза забытых русских писателей 1920-х годов: художественное осмысление крестьянской темы / С. Н. Лебедева. – Тольятти : Волжский ун-т им. В. Н. Татищева, 2009. – 167 с.
11. Исаковская, А. Ю. Детская сказка в русской советской литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Ю. Исаковская. – М., 2012. – 24 с.
12. Ковалева, Т. В. Эволюция русской поэзии для детей: стиховедческий аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Ковалева. – М., 2006. – 34 с.
13. Алексеева, М. Советские детские журналы 20-х годов ; под ред. проф. А. В. Западова / М. Алексеева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 132 с.
14. Арзамасцева, И. Н. Художественная концепция детства в русской литературе 1900–1930-х годов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. Н. Арзамасцева. – М., 2006. – 48 с.
15. Токарева, Г. Н. Формирование принципов изображения героев в советской детской прозе 1920–30-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Н. Токарева. – Воронеж, 2013. – 20 с.
16. Крупская, Н. К. Детская книга – мощное орудие социалистического воспитания / Н. К. Крупская // Правда. – 1931. – 3 февраля.
17. Крупская, Н. К. Какая книжка нужна нашим детям / Н. К. Крупская // Литературная газета. – 1932. – 23 ноября.
18. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 613. – Оп. 2. – Ед. хр. 41.
19. Акульшин, Р. Весна / Р. Акульшин. – М. : Советский писатель, 1937. – 164 с.
20. Акульшин, Р. Развязанные снопы / Р. Акульшин. – М. ; Л. : Земля и фабрика, 1927. – 112 с.
21. Акульшин, Р. Грушка-плясун / Р. Акульшин. – М. ; Л. : Госиздат, 1927. – 94 с.
22. Акульшин, Р. Машка-пеночница / Р. Акульшин. – М. : Госиздат, 1927. – 14 с.
23. Акульшин, Р. Находкины дети / Р. Акульшин. – М. ; Л. : Госиздат, 1927. – 24 с.
24. Акульшин, Р. О девочке Маришке, о новеньком пальтишке, о свинье ужасной и о звездочке красной / Р. Акульшин. – М. : Госиздат, 1927. – 14 с.
25. Акульшин, Р. Озорница Бейка / Р. Акульшин. – М. : Госиздат, 1927. – 40 с.
26. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М. : Художественная литература, 1979. – 360 с.
27. Акульшин, Р. Фунтенок / Р. Акульшин. – М. ; Л. : Госиздат, 1927. – 24 с.
28. Акульшин, Р. Красенький мальчик / Р. Акульшин. – М. : Госиздат, 1929. – 12 с.
29. Акульшин, Р. Летчики / Р. Акульшин. – М. ; Л. : Госиздат, 1929. – 16 с.
30. Танцева, А. В. «Жизнь без Бога»: атеистическая пропаганда в 1920-е гг. (по материалам журнала «Огонек») / А. В. Танцева // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 2. – С. 135–139.
31. Загидуллина, Т. Образ летчика в ортодоксальной советской литературе 30-х годов / Т. Загидуллина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные исследования. – 2018. – № 1 (18). – С. 89–92.
32. Буренина, О. Д. Абсурд и мотив воздухоплавания в литературе и визуальных искусствах 1900–1930-х годов / О. Д. Буренина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2005. – Т. 5. – С. 76–87.
33. Акульшин, Р. Друзья воздушного флота, или самолет «Степанида» / Р. Акульшин. – М. : ОДВФ РСФСР, 1925. – 40 с.
34. Акульшин, Р. Путешествие Кости на самолете / Р. Акульшин. – М. : Госиздат, 1928. – 32 с.
35. Акульшин, Р. Нечистая сила : пьеса в 4 картинах для подростков / Р. Акульшин. – М. ; Л. : Госиздат, 1925. – 24 с.
36. Акульшин, Р. Лампочка Ильича / Р. Акульшин. – М. ; Л. : Госиздат, 1930. – 16 с.
37. РГАЛИ. – Ф. 656. – Оп. 1. – Ед. хр. 46.
38. Акульшин, Р. Пастух Егорка : пьеса в 6 картинах (На правах рукописи) / Р. Акульшин. – М. : Цедрам, 1935. – 24 л.
39. Тарасова, И. И. Литературный процесс 20–30-х годов XX века: становление «новой» литературы и концепции личности / И. И. Тарасова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 4 (83). – С. 436–438.
40. Акульшин, Р. Кловун / Р. Акульшин. – Куйбышев : Куйбышевское издательство, 1940. – 32 с.

Косицин Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела и книготорговли, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Самара), e-mail: kosicin.aa@ssau.ru. ORCID 0000-0002-8823-6135

Поступила в редакцию 15 октября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260109

WORKS BY R. M. AKULSHIN FOR CHILDREN AND YOUTH: IDEAS, PLOTS, HEROES

A. A. Kositsin

S. P. Korolyov Samara National Research University, Samara, Russian Federation

The article examines the creative work of R. M. Akulshin during the 1920s and 1930s, focusing particularly on his understudied writings for children and youth. It analyzes the poetics, themes, plots, and imagery of these works, identifying the main features of the author's artistic style. Special attention is paid to the combination of autobiographical motifs with the ideological orientation characteristic of Soviet literature of that period. The study shows how R. M. Akulshin, drawing on his personal experience of rural life, created images of conscious protagonists striving for knowledge and progress, contrasting them with the backward traditions of pre-revolutionary village life. Central to the analysis is the symbolism of technological advancement (aviation, radio, electricity), which in his works becomes an embodiment of the new Soviet reality. The author's tendency to reuse plot fragments, descriptions, and lexical constructions is noted, lending his writings the features of a distinctive "literary etiquette". The research emphasizes the significance of R. M. Akulshin's works in the formation of Soviet children's literature and highlights the need for further study of his legacy, including archival materials related to the activities of "Detgiz". This article represents one of the first comprehensive studies of the writer's children's works and contributes to the scholarship on the literary history of the 1920s and 1930s.

Keywords: Soviet literature, children's literature, sketches about the Soviet countryside, literary etiquette, R. M. Akulshin.

References

1. Maguir R. *Krasnaya nov'* [Red Renewal: Soviet Literature in the 1920s]; per. s angl. M.A. Shereshevskoy. Saint Petersburg: Academic project, 2004. 365 p.
2. Ponomareva E.V. Zhanrovyyi sinkretizm maloi prozy 1920-kh godov [Genre Syncretism in Short Prose of the 1920s] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2005. № 7 (47). P. 188–196.
3. Kovalev V.A. *Russkiy sovetskiy rasskaz. Ocherki istorii zhanra* [The Russian Soviet Short Story: Essays on the History of the Genre]. Leningrad: Science, 1970. 736 p.
4. Akulshin R. *O chem shepchet derevnya* [What the Village Whispers About]. Moscow: Moscow Worker, 1925. 128 p.
5. *V poiskakh novoy ideologii: sotsiokul'turnye aspekty russkogo literaturnogo protsessa 1920–1930-kh godov* [In Search of a New Ideology: Socio-Cultural Aspects of the Russian Literary Process of the 1920s–1930s] / otv. red. O.A. Kaznina. Moscow: IWLA RAS, 2010. 608 p.
6. Oktyabr'skaya O.S. *Formirovanie i razvitie zhanrovoy sistemy v russkoy detskoj literature 1920–50-kh godov* [The Formation and Development of the Genre System in Russian Children's Literature, 1920s–1950s]. Moscow: MAKS Press, 2016. 245 p.
7. Skorokhodov M.V. *Materialy k biografii R. Berezova 1941–1949 godov: mysli o Rossii* [Materials for the Biography of R. Berezov, 1941–1949: Thoughts on Russia] // *Rossiya – Germaniya: Literaturnye vstrechi (1880–1945)*. Moscow: IWLA, 2019. P. 224–246.
8. Ivashkina A.N. *Tendentsii tsiklizatsii v prozei cheskom tvorchestve R.M. Akul'shina* [Tendencies of Cyclicity in the Prose Works of R.M. Akul'shin] // *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka*. 2012. № 4. P. 103–109.
9. Ivashkina A.N. *Sposob konstruirovaniya deystvitel'nosti v tsikle R. M. Akul'shina "O chem shepchet derevnya"* [The Method of Constructing Reality in R.M. Akul'shin's Cycle "What the Village Whispers About"] // *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka*. 2013. № 5. P. 169–173.
10. Lebedeva S.N. *Proza zabytykh russkikh pisateley 1920-kh godov: khudozhestvennoe osmyslenie*

krest'yanskoy temy [Prose of Forgotten Russian Writers of the 1920s: Artistic Interpretation of the Peasant Theme]. Tolyatti: Volga University named after V. N. Tatishchev, 2009. 167 p.

11. Isakovskaya A.YU. Detskaya skazka v russkoy sovetskoy literature [Fairy Tale in Russian Soviet Literature]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2012. 24 p.

12. Kovaleva T.V. Evolyutsiya russkoy poezii dlya detey: stikhovedcheskiy aspekt [The Evolution of Russian Poetry for Children: A Metrical Perspective]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2006. 34 p.

13. Alekseeva M. Sovetskie detskie zhurnaly 20-kh godov [Soviet Children's Magazines of the 1920s]; pod red. prof. A.V. Zapadova. Moscow: Moscow University Press, 1982. 132 p.

14. Arzamastseva I.N. Khudozhestvennaya kontseptsiya detstva v russkoy literature 1900–1930-kh godov [The Artistic Concept of Childhood in Russian Literature, 1900–1930s]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2006. 48 p.

15. Tokareva G.N. Formirovaniye printsipov izobrazheniya geroev v sovetskoy detskoy proze 1920–30-kh gg. [The Formation of Hero Representation Principles in Soviet Children's Prose, 1920s–1930s]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2013. 20 p.

16. Krupskaya N.K. Detskaya kniga – moshchnoe orudie sotsialisticheskogo vospitaniya [The Children's Book as a Powerful Tool of Socialist Education] // *Pravda*. 1931. 3 fevralya.

17. Krupskaya N.K. Kakaya knizhka nuzhna nashim detyam [What Kind of Book Do Our Children Need] // *Literaturnaya gazeta*. 1932. 23 noyabrya.

18. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI) [Russian State Archive of Literature and Art (RSALA)]. F. 613. Op. 2. Ed. khr. 41.

19. Akulshin R. Vesna [Spring]. Moscow: Soviet Writer, 1937. 164 p.

20. Akulshin R. Razvyazannyye snopy [Untied Sheaves]. Moscow; Leningrad: Land and factory, 1927. 112 p.

21. Akulshin R. Trushka-plyasun [Trushka the Dancer]. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1927. 94 p.

22. Akulshin R. Mashka-penochnitsa [Mashka the Wren]. Moscow: State Publishing House, 1927. 14 p.

23. Akulshin R. Nakhodkiny deti [Nakhodka's Children]. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1927. 24 p.

24. Akulshin R. O devochke Marishke, o noven'kom pal'tishke, o svin'e uzhasnoy i o zvezdochke krasnoy [About the Girl Marishka, About a New Little Coat, About a Terrible Pig, and About a Little Red Star]. Moscow: State Publishing House, 1927. 14 p.

25. Akulshin R. Ozornitsa Beyka [The Naughty Beika]. Moscow: State Publishing House, 1927. 40 p.

26. Lihachev D.S. Poetika drevnerusskoy literatury [The Poetics of Old Russian Literature]. Moscow: Artistic literature, 1979. 360 p.

27. Akulshin R. Funtenok [The Little Fountain]. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1927. 24 p.

28. Akulshin R. Krasnen'kiy mal'chik [The Little Red Boy]. Moscow: State Publishing House, 1929. 12 p.

29. Akulshin R. Letchiki [Aviators]. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1929. 16 p.

30. Tantsevova A.V. «Zhizn' bez Boga»: ateisticheskaya propaganda v 1920-e gg. (po materialam zhurnalnala «Ogonek») [“Life Without God”: Atheist Propaganda in the 1920s (Based on Materials from the Journal Ogonek)] // *Gumanitarnyye i yuridicheskie issledovaniya*. 2018. № 2. P. 135–139.

31. Zagidullina T. Obraz letchika v ortodoksal'noy sovetskoy literature 30-kh godov [The Image of the Pilot in Orthodox Soviet Literature of the 1930s] // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye issledovaniya*. 2018. No. 1 (18). P. 89–92.

32. Burenina O.D. Absurd i motiv vozdukhoplavaniya v literature i vizual'nykh iskusstvakh 1900–1930-kh godov [Absurd and the Motif of Air Travel in Literature and Visual Arts, 1900–1930s] // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 2005. Vol. 5. P. 76–87.

33. Akul'shin R. Druz'ya vozdushnogo flota, ili samolet “Stepanida” [Friends of the Air Fleet, or the Airplane “Stepanida”]. Moscow: ODVF RSFSR, 1925. 40 p.

34. Akul'shin R. Puteshestvie Kosti na samolete [Kostia's Airplane Journey]. Moscow: State Publishing House, 1928. 32 p.

35. Akul'shin R. Nechistaya sila: p'esa v 4 kartinakh dlya podrostkov [The Evil Force: A Play in Four Scenes for Adolescents]. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1925. 24 p.

36. Akul'shin R. Lampochka Il'icha [Lenin's Little Light Bulb]. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1930. 16 p.

37. RGALI [(RSALA)]. F. 656. Op. 1. Ed. khr. 46.

38. Akul'shin R. Pastukh Egorka: p'esa v 6 kartinakh (Na pravakh rukopisi) [Egor the Shepherd: A Play in Six Scenes (In Manuscript Form)]. Moscow: Tsedram, 1935. 24 l.

39. Tarasova I.I. Literaturnyy protsess 20–30-kh godov XX veka: stanovlenie «novoy» literatury i kontseptsii lichnosti [The Literary Process of the 1920s–1930s: The Formation of “New” Literature and the Concept of Personality] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2020. № 4 (83). P. 436–438.

40. Akul'shin R. Klovun [Clowun]. Kuibyshev: Kuibyshev publishing House, 1940. 32 p.

Andrey A. Kositsin – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Publishing and Book Distribution, S. P. Korolyov Samara National Research University (Samara), e-mail: kosicin.aa@ssau.ru

Received October 15, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Косицин, А. А. Произведения Р. М. Акульшина для детей и юношества: идеи, сюжеты, герои / А. А. Косицин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 73–81. DOI: 10.14529/ssh260109

FOR CITATION

Kositsin A. A. Works by R. M. Akulshin for children and youth: ideas, plots, heroes. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 1, pp. 73–81. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260109

СТРАТЕГИЯ САМОПРЕДСТАВЛЕНИЯ Л. Н. АНДРЕЕВА В ИНТЕРВЬЮ В ПРЕССЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Е. А. Селютина

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье анализируется актуальная новаторская для модерна форма интервью-беседы на примере интервью Л. Андреева. Интервью рассматривается в контексте интенсификации взаимодействия прессы с читающей публикой как жанр, отвечающий запросам аудитории на интеракцию с автором. Нарративная рамка интервью определяется ролью писателя в эпохе модерна, его повышенной символической ценностью, уверенностью социума, что писатель знает ответы на «больные» вопросы времени. Это влечет за собой ориентацию интервьюеров на поиск прототипов и реальных событий, лежащих в основе текстов, увеличение экспертной роли писателей. Отмечается, что в момент появления жанр ориентировался на традицию очерка-портрета, стремящегося преобразовать вопрос-ответную рамку в монологическое высказывание, выдвинуть на первый план фигуру интервьюируемого литератора. Делается вывод, что интервью Андреева необходимо рассматривать как способ определить границы авторской самоинтерпретации, создания канона «биографии», моделируемой писателем в симметрии с выбранной художественной манерой. Нарратив о себе, с одной стороны, обусловлен быстрой нерелевантной коммуникацией с репортерами (событийный характер), с другой – последовательно презентует право Андреева на импрессионистскую манеру письма, неангажированное слово.

Ключевые слова: литературное интервью, русский модернизм, журналистика, история журналистики, средства массовой информации, медиадискурс, речевые жанры, периодическая печать, интервьюеры, интервьюируемые, Л. Н. Андреев.

Введение

Запрос на биографию творца и тайну его писательского мастерства осознавался прессой задолго до публикации анкет и интервью литераторов в эпоху модерна и ранее сосредоточенности на субъекте в романтической эстетике конца XVIII – начала XIX века. В 1711 году в первом номере английского журнала «The Spectator» его создатели пишут: «Я подмечал, что читатель редко без особой охоты читает книгу, пока не узнает, каков автор – темноволос или светел, кроток или гневлив, женат или холост и прочее в том же духе, ибо иначе толком не разберешь, к чему сей автор клонит» [1, с. 97]. Жанр интервью, обеспечивший прямой «доступ» читателей к литератору в эпоху модерна, наконец ответил на эту, формирующуюся не одно столетие потребность. Эго-наррация, помещенная в нарративную рамку жанров интервью и анкет, оказалась востребованной социумом: интервью дают безусловные авторитеты, например, Л. Толстой [2], писатели с весьма скандальной репутацией, такие как М. Арцыбашев [3] или А. Вербицкая [4], трансформируются под газетный формат дневниковые записи А. Чехова, никогда интервью не дававшего [5]. Несмотря на полярное отношение к публикуемым материалам (до полного недоверия¹), различные вариации формата бесе-

ды утвердились в прессе эпохи модерна, что дает перспективный материал для анализа способов самопрезентации литераторов в публичных изданиях, устойчивых (повторяющихся) нарративов, выявления точек высокого интереса читающей публики к разножанровым текстам и самим литераторам, переместившимся из закрытых «лабораторий творчества» и кабинетов в пространство относительно свободного диалога. Факультативный ранее характер исследования интервью как источника в контексте изучения эго-нарративов модерна привел к тому, что материалы периодических изданий до сих пор публикуются фрагментарно, без учета целостности жанровой формы, в большинстве фигура вопрошающего редуцируется, даже в тех редких случаях, когда она остается частью текста. В данной статье представлен результат работы с новым эмпирическим материалом – интервью и анкетами писателя Л. Андреева из периодических изданий как образцом новаторской для конца XIX – начала XX века формы интеракции литераторов с социумом в лице журнали-

плохью» [6, с. 68]; Ф. Фидлер в дневниках: «Показал ему [Андрееву] вчерашний номер “Слова” (он получает почту в три часа), где сообщается, что в качестве редактора альманахов “Шиповника” Андреев отрицательно отнесся к роману Сологуба “Навьи чары”, так что продолжение появится не в альманахе, а в виде отдельной книги. Андрееву эта заметка явно не понравилась: “Во-первых, я более не редактор “Шиповника”. Во-вторых, продолжение называется “Капли крови” и представляет собой самостоятельный роман. В-третьих, я действительно в разговорах с сотрудниками альманаха не слишком лестно отзывался о “Навьи чарах”; но я надеялся, что это останется между нами. И вот об этом узнал Сологуб! Это, наверно, задело его очень болезненно!» [7, с. 499].

¹ См., например, характерные внутричеховые реакции на публикации в прессе: А. Измайлов о смерти А. Чехова: «Родные просили не дѣлать газетныхъ сообщеній объ ухудшеніи его здоровья. Они страшно волновали больного. Доброжелатели его дѣлали, наоборотъ, ободряющія отмѣтки. И каждый разъ въ посвященномъ въ тайну литературномъ мирѣ эти сообщенія хроники будили вздохъ. “Пишутъ, что лучше. Значить, совсѣмъ

стов, представлен анализ их некоторых формально-содержательных особенностей.

Ранее интервью Л. Андреева были опубликованы в составе 72-го тома продолжающейся серии «Литературное наследство» [8], в издании дневников и писем 1914–1919 годов [9], как приложение к аналитическим материалам, посвященным сотрудничеству писателя с журналом «Русское богатство» [10] и газетой «Русское слово» [11]. Планируется также публикация в академическом издании полного собрания сочинений и писем в 23 томах (первый том вышел в 2007 году, на сегодняшний день изданы только 1, 4, 5, 6, 13 тома). Между тем, количество интервью писателя велико, Андреев был несомненно популярен, а кроме того, одновременно выступал и как прозаик, и как драматург (позднее и как сценарист киноадаптаций своих произведений), давая больше информационных поводов – интервью и анкеты появлялись в разнотипных изданиях, в том числе специальных, посвященных конкретно театру. Можно определенно говорить о пиках интереса к нему как к публичной фигуре: наибольшее количество интервью взято у писателя в 1908–1909 годах, когда выходят его первые драматургические произведения, а также начинается его сотрудничество с издательством «Шиповник», феноменально популярным благодаря позиции, названной С. Венгеровым «синтетическим модернизмом» [12, с. 209] – в нем были собраны произведения писателей разных направлений и стилей.

Эмпирической базой стали интервью и анкеты Л. Андреева, данные с 1902 по 1919 год изданиям «Русское богатство», «Раннее утро», «Московская газета», «Петербургская газета», «Огонек», «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Обозрение театров», «Русская жизнь», «Вечерние известия», «Театральная газета», «Наш понедельник», «Русь», «Новая Русь», «Голос Москвы»; также провинциальным газетам «Одесские новости», «Одесское обозрение», «Южный край», «Кубанский курьер», «Солнце России»; также интервью американской прессе («The New York Times») и финской прессе, данные после 1917 года («Helsingin Sanomat», «Uusi Suomi»).

Смена ролей от интервьюера к интервьюируемому была характерна для модерна: писатели начинали карьеру в прессе (Д. Мамин-Сибиряк, А. Чехов, А. Куприн, И. Бунин и др.) и затем могли выполнять одновременно редакционные задачи и публиковать художественные тексты в одних и тех же изданиях (например, как это делали на протяжении всей жизни М. Горький и Л. Андреев)². Вероятно, понимание механизмов формиро-

вания репутации и специфического запроса читающей публики, с одной стороны, побуждали журналистов определять нарративные рамки запроса по отношению к литераторам (повторяющиеся вопросы из издания в издание, круг тем, характерных именно для данной персоны), с другой – определяли готовность следовать уже сложившейся в прессе репутации, которая исходила от самих писателей. Поэтому публичный портрет не менялся с годами (это можно проследить по интервью Льва Толстого с конца 1880-х до конца 1900-х, где писатель атрибутируется как «гений», «гениальный старик», например [14], по интервью А. Куприна с начала 1900-х до 1930-х, в которых повторяется нарратив самопрезентации о «близости земле» и абсолютном следовании правде действительности, например, [15]). Л. Андреев также с 1897 по 1903 год начинал карьеру в московской газете «Курьер», публикуясь в разделе «судебная хроника», а затем заведую «беллетристическим» разделом практически до закрытия издания в 1904 году (до 1903 года). Неслучайно составитель библиографии Л. Андреева говорит о «газетной интоксикации» писателя и умении «предугадывать» тенденции литературного развития [16, с. 10–11]. В 1902 Андреев дал интервью газете «Биржевые ведомости» по поводу рассказов «Стена» и «Бездна» («О Леониде Андрееве») [17]. В 1903 году писатель выступил с автобиографической заметкой в «Журнале для всех» (№ 1), затем вошедшей в книгу очерков о новейшей литературе С. Венгерова [12] – с этого времени интервью становится для него важной площадкой для презентации новых текстов и идей. Особенно интенсивным было сотрудничество Л. Андреева с газетой «Утро России» (в ней работал брат писателя под псевдонимом А. Болховской, а редактором был гражданский муж старшей сестры А. П. Алексеевский (подробнее см. [18]), поэтому в этом издании интервью появляются регулярно, можно предполагать, что большинство из них верифицированы самим писателем.

Обзор литературы

Интервью писателей как источник уникальных эмпирических данных до сих пор в литературоведении исследовались мало и в качестве вспомогательного материала. В последние годы эта ситуация начала меняться, исследователи сосредоточились на жанровой и историко-культурной специфике этого журналистского материала (см. работы Е. А. Андрущенко [19], Д. А. Анисенко [20], Г. Н. Боева [21], Т. Г. Бочарова [22], Е. Е. Вахненко [23], Р. Е. Клементьева [24], М. В. Козьменко [16], И. В. Кузнецова [25], А. С. Александрова [26]). В работах литературоведов интервью проанализированы как эго-нарративы, репрезентирующие культурспецифические конвенции мира писателей (см. исследования Б. Дубина [27], А. Рейтблата [28], М. Загидуллиной [29], М. А. Черняк [30],

² См., например, анкету Л. Андреева в сборнике Ф. Фидлера «Первые литературные шаги»: «Здѣсь мой путь, какъ мнѣ кажется, ничѣмъ не отличается отъ пути всякаго иного беллетриста, начавшаго свою литературную деятельность въ газетѣ» [13, с. 31].

И. Савкиной [31], М. П. Абашевой [32], Т. А. Сабуровой, Н. Н. Родигиной [33]).

Методы исследования

В основе нашего исследования лежат описательный, сравнительно-типологический, структурный, нарративный методы.

Результаты и дискуссия

С точки зрения формы, интервью, взятые у Л. Андреева, вписываются в традицию трансформации диалога в прессе в монологическое высказывание от первого лица, перемежающееся очерковыми фрагментами, включающими в себя описание эмоционального состояния (например: «Сказав это, Андреев вдруг замолчал, как бы чего-то испугавшись... и задумался...»; «Но глаза его совсем не говорили о томъ» [34, с. 15]), быта литератора (например, кабинета или дома в целом), в котором элиминируется личность интервьюера (многие интервью совсем не подписываются, или же подписываются инициалами); прямая речь сохраняется, вопросы репортера переходят в состав реплики самого литератора («Вы спрашиваете меня...»: «... Имел ли кто-либо из больших наших писателей сильное влияние на меня как писателя? Единственным в этом смысле был Горький» [6, с. 248–249]) или же входят в состав описательного фрагмента. Одинаковые материалы могут перепечатываться многократно, как это, например, происходит с автобиографической заметкой «Л. Андреев о самом себе», которая сначала выходит в газете, а затем становится частью сборника анкет Ф. Фидлера и очерков о современной литературе А. Измайлова и С. Венгерова. Развернутых интервью, ориентированных на жанр очерка-портрета (как, например, составлены большинство интервью Л. Толстого), у Л. Андреева нет, тексты публикаций – небольшие по объему заметки-интервью.

Краткость обуславливает и преобладание событийности в противовес рефлексивности: Л. Андреев дает пояснения об одновременно серьезном и курьезном происшествии с Ковбасенко (см., например, [35, с. 2]). Газеты печатают отчеты о перемещениях писателя (Москва, Петербург, Ваммельсуу, Одесса – см., например, [36, с. 5]). Традиционно в прессе анонсируется выход новых произведений или работа над ними: «К зиме будет написан первый роман» (о романе «Сашка Жегулев») [37, с. 2]. В целом же Андреева отличает готовность к взаимодействию с репортерами, он не отказывает изданиям любой направленности, поэтому публика узнавала не только о творчестве, но и о покушениях на литератора или о его желании совершить самоубийство и могла сложить из этих публикаций драматический нарратив о тонкой душевной организации автора.

Один из важнейших моментов, обсуждаемых авторами публично в прессе – литературный дебют. Феноменология дебюта в интерпретации

Л. Андреева представлена через понятие «судьбы-распределительницы», субъективный опыт автора представлен в наррации о первых шагах как сумма противоречий между собственным осознанием невозможности зависимости писательских озарений от некой сторонней силы и очевидной демонстрацией ее наличия и влияния: «Но здесь вмешалась в дело “случайность”. Между прочим, сам я “случайности” не признаю и прибегаю к этому выражению только в целях упрощения рассказа» [36, с. 5]; «Здесь мой путь, как мне кажется, ничем не отличается от пути всякого иного беллетриста, начавшего свою литературную деятельность в газете» [36, с. 5]. Собственный дебют Андреев оценивает с достаточной временной дистанции, представляя сюжет жизни как напряженное чередование первоначальной успешности и дальнейших перипетий: «К этому времени относится очень характерная запись в моем дневнике: в ней с удивительной правильностью, хотя в выражениях и ребяческих, намечен тот литературный путь, которым я шел и иду ныне... Вспомнил о дневнике случайно, <...> и был поражен точностью и совсем не мальчишеской серьезностью сбывающегося предсказания [36, с. 5]).

Л. Андреев осознавал влияние прессы, видел новые механизмы взаимодействия с ней. Справедливо полагая, что писателю необходима «биография», он интенсивно влиял на формирование интереса к себе как к интересной не только творчеством персоне. С. Н. Сергеев-Ценский в воспоминаниях отмечал, что Л. Андреев хотел издавать серию биографий «замечательных людей», начав ее очерком собственной жизни [38], Ф. Фидлер свидетельствовал, что писатель регулярно обновлял фото для открыток-портретов, создавал аудиозаписи собственных произведений, а также полагал, что большой популярностью будут вскоре пользоваться кинохроники с литераторами: «Изображение писателя гипнотизирует публику. А ведь во всем, что мы пишем, и самые великие, и самые ничтожные, мы стремимся именно к тому, чтобы гипнотизировать; только один делает это искуснее, чем другой» [7, с. 554].

На наш взгляд, можно говорить о том, что Л. Андреев конструировал свой образ через симметрию с творчеством, т. е. подчеркивал экспрессионистский характер не только текстов, но и собственной рефлексии над окружающей действительностью, основанной на надломе, разрыве, повышенной экзальтированности, символичности, в противовес принятому в его писательском окружении начала 1900-х годов реалистическому, объективному подходу в изображении мира³: «По-

³ См. характерный комментарий из воспоминаний С. Кара-Мурзы о Л. Андрееве «И в критической литературе, и среди читателей давно установилось мнение, ставшее уже трюизмом: что в писателе Л. Андрееве мирно уживались два разных автора, с совершенно отличными друг от друга мироощущениями,

сколькo моя пьеса лирична, постолькo для нее не было нужды ни в исторической перспективе, ни в долгом периоде вынашивания» [40, с. 6]. Конфликт между ожиданиями читающей публики и выработанной индивидуальной манерой порождает, там, где это позволяет жанр, обильное автокомментарство и формирует аналитический самопрезентационный нарратив литератора.

При этом необходимо отличать автокомментирование «по существу творчества» от формально-ритуального. Вопросы корреспондентов Л. Андрееву формальной природы – событийно обусловленные разновидности вопроса «над чем работаете», «довольны ли вы собственной работой». Характер интервью Л. Андреева, данных разным изданиям, ритуальный, они содержат ответы на предложение дать самооценку удовлетворенности работой. Вопрос «Довольны ли вы своей прошлой работой?» в различных вариациях встречается в «Биржевых ведомостях», «Раннем утре», «Утре России» и др. Андреев отмечает принцип отчужденности текста от творца, неочевидный для интервьюера, для которого свойственна наивная интерпретация произведений через призму биографии: «Для меня прошлых моих произведений не существует. Я думаю только о будущих» [41, с. 4]. Вместе с тем сама по себе «удовлетворенность» писателем отрицается (писатель строг к самому себе), т. к., очевидно, она снижает ценность художественного высказывания в аспекте сложности писательского труда и нивелирует роль воспринимающего субъекта-читателя: «Конечно, вполне меня не удовлетворяет ни одно мое произведение, но более других, из последнего, написанного мною, удовлетворяет меня “Царь-Голод”. Большинство критиков отнеслось к этой вещи совершенно отрицательно. Но, по-моему, как преувеличены были восторги по поводу “Семи повешенных”, так несправедливы были отзывы о “Царе-Голоде”. Во всяком случае, я думаю, что эта вещь получит свою настоящую оценку только в критике будущего» [42, с. 6].

Совершенно по-иному раскрывают писателя вопросы о состоянии современного общества и новейшей литературы, которая его показывает. В целом можно считать этот блок вопросов также ритуальным, т. к. он характерен для интервью литераторов модерна в целом и вызван представлением общества о писателе как носителе истины, его авторитетностью (см., например, интервью с К. Чуковским «Где же будущее?» [43], С. Юшкевичем «Есть талантливые люди и бесталанная ли-

и творческими устремлениями, не имеющими между собой ничего общего. Один – художник-реалист, автор таких произведений как “Жили-были”, “Большой шлем”, “Дни нашей жизни”, “Гаудеамус”, “Екатерина Ивановна”, “Профессор Сторицын” и пр., другой – демонический писатель, мистик и фантаст, создавший “Анатэму”, “Жизнь человека”, “Черные маски”, “Призраки”, “Красный смех”, “Царь Голод”, “Савва”, “Тот кто получает пощечины” и др.» (Цит. по: [39, с. 59]).

тература» [44]) и И. Буниным «На литературные темы» [45]). Но Андреев развернуто рассуждает о специфике российской литературы в контексте национальной идентичности, соотнося литераторов третьей трети XIX века – Г. Успенского, А. Чехова, Л. Толстого с современниками-беллетристами, и его риторика построена на типичном для критики начала XX века противопоставлении успехов литературы прошлого измельчавшим и неглубоким произведениям настоящего⁴: «Бестемье», разумеется, есть. Объясняется это тем, что беллетристы отошли от основной темы русских писателей: “совесть”. “Совесть” – вот тема всех произведений Глеба Успенского и других. Это коренная тема всей русской литературы... Француз, итальянец, немец – он напишет на любой занимательный сюжет, и у него всё – тема. А у нас это не подходит...» [47, с. 5]. Авангард также вызывает сомнение как художественная практика: «Я в начале относился к футуристам гораздо лучше и питал какие-то неясные надежды. Как и некоторые другие, я думал, что они подрастут и явят собой нечто серьезное. В этом смысле мои слова даже однажды были переданы в печать, что создало мне на время славу друга футуристов. Но время прошло, они все те же, и я с огорчением вижу, как оправдывается на них грубоватая русская поговорка: “маленькая собачка до веку щенок”» [48, с. 5]. При этом негативное отношение к новейшим литераторам в отдельных интервью меняется на оптимистическое, когда писатель говорит не о частных и конкретных случаях, а о литературе в целом: «Мое мнение: русская литература находится в вожделенном здравии, беспокоиться за нее нечего, постоять за себя она сумеет!.. <...> Спросите немца, француза, в упадке ли русская литература? И вы, наверное, получите ответ: “Помилуйте, какая же литература привлекает сейчас большее внимание, чем русская?..”» [34, с. 15].

Отрицательные оценки писателей-современников Андреевым даны в контексте проблем собственного творчества и некоторых аспектов в них, вызывающих резкую общественную реакцию. Подобно тому как в прессе развернулись дискуссии, и в связи с этим интенсифицировалось взаимодействие с литераторами в жанре интервью, по поводу выхода романов «Санин» М. Арцыбашева (1907)

⁴ См., например: Леонид Николаевич достал брошюру Мережковского: «О причинах упадка в русской литературе». – Книга эта, как видите, появилась в 93 году... Стало быть, и тогда уже считали литературу в упадке... Это, когда жил Чехов и появился Горький, которые, конечно, не свидетельствовали о том... <...> И при этом вечная ссылка на предшествующий период, когда будто бы литература процветала...» [34, с. 15]. Подобные же высказывания мы видим также в интервью, например, И. Бунина: «... я застал еще не только самого Толстого, но и Чехова; застал Эртеля <...>; застал Короленко, написавшего свой чудесный “Сон Макара”, застал Григоровича...» [46, с. 301]; Я даже считаю унижительным для себя говорить о так называемых «новых течениях» в русской литературе» [45, с. 2].

и «Яма» Куприна (1909), журналисты обращаются за комментариями к Андрееву по поводу рассказа «Тьма» (1907), где соединяются две волнующие темы – революция и проституция («половой вопрос»). Стратегия самоанализа у Андреева здесь – четкое размежевание собственных интенций и замыслов писателей-современников: «Заговорили об эротическом потоке в новой литературе. Л. Н. относится к нему с глубочайшим отрицанием: <...> – Получали, читали эти новые эротические произведения, и становилось как-то глубоко досадно, неловко, порою стыдно. <...> Вопрос пола, один из самых важных вопросов жизни, – быть может, важнейший, – трактуется чисто порнографически. И главное, что топчутся-то все на одном месте, ничего не сказав интересного и важного, пи к чему не подошедши близко, ни на иоту ничего не разъяснив» [49, с. 4]. «Я убежден, – говорил Андреев, – что Анатолий Каменский впоследствии откажется от своего рассказа “Четыре”, ну и гадость, я вам скажу, этот рассказ» [50, с. 3]; «Что касается героя “Санина”, то, по моему мнению, он очень не умен, а самое произведение Арцыбашева плохо написано. В “Санине” я не вижу порнографического произведения, как многие называют, а напротив автора считаю моралистом и даже очень узким» [50, с. 3]. Высказываясь резко критически о М. Арцыбашеве, А. Каменском, М. Кузmine, Андреев дистанцируется также от их художественной манеры – детализации физиологии любви и репрезентации тела и телесности в портретных характеристиках: «Я понимаю, прежде были слишком, может быть, односторонни: Тургенев, например, никогда не описывал ничего, кроме лица женщины. Старательно выпишет лицо, а фигуры точно нет. Ну, а Арцыбашев делает наоборот. Начнет с бедер, опишет все подробно и остановится на шее. Все его герои в “Санине” без головы. Или “Четыре” Каменского. Что это? Я не говорю уже о Кузmine и других. Разве это любовь? В той области, которая занимает наших молодых писателей, все ясно, слишком ясно. Художнику тут нечего делать. “Заинтересованные стороны” сойдутся отлично сами...» [50, с. 3]. Позиция строгого рецензента самого себя реализована в категорических высказываниях по поводу сложности, а иногда и невозможности найти правильный путь в разрешении «острого» вопроса: [о рассказе «Тьма»] «Вот эта вещь, несмотря на все усилия сделать из нее что-нибудь порядочное, мне совсем не удалось. А стараний было много, я никогда так не бился над вещью, как в этот раз... Жаль, очень жаль, что испортил тему, которую считаю чрезвычайно важной и интересной... Большая, огромная тема... Мне “адски” досадно, что не справился с нею...» [37, с. 2].

Выводы

Таким образом, анализируя интервью писателя Л. Н. Андреева, можно сделать вывод о его методе взаимодействия с прессой: максимальная ча-

стотность и непринужденность в выборе площадки для трансляции своих идей (писателя не интересовал элитарный статус печатного издания), что не было характерно для всех писателей модерна. С точки зрения формы интервью Андреева подчиняются общим законам трансформации диалога в очерковую форму (экспозиция и завершающая часть) с сохранением вопрос-ответной формы в центральной части текста; большая часть интервью тяготеет к объему заметки, поэтому аналитической авторефлексии в них немного. Рекуррентные темы интервью Андреева включают в себя самоанализ литературного дебюта, импрессионистического характера стиля прозы и драматургии, исследование новейшей литературы. Для интервьюеров писатель являлся экспертом в «острых» вопросах современности, поэтому одной из тактик самопрезентации в нарративе осмысления для него является практика противопоставления собственных мотивов творчества интенциям литераторов-односюжесков, сделавших себе славу на порнографических текстах.

Литература

1. Аддисон, Д. Эссе из журнала «Зритель» / Д. Аддисон // Англия в памфлете: английская публицистическая проза нач. XVIII в. – М. : Прогресс, 1987. – С. 97–185.
2. Интервью и беседы с Львом Толстым / В. Я. Лакшин. – М. : Современник, 1987. – 525 с.
3. Маленькое интервью: беседа с М. Арцыбашевым / подгот. Атанасио // Голос Москвы. – 1912. – 14 марта (61). – С. 5.
4. Вербицкая А. А. о своем успехе : интервью с писательницей // Московская газета. – 1912. – 2 мая (№ 187). – С. 1.
5. Чехов о самом себе // Кинематограф. – 1911. – № 10 (11). – С. 4.
6. Измайлов, А. А. Литературный Олимп: характеристики, встречи, портреты, автографы / А. А. Измайлов. – М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. – 472 с.
7. Фидлер, Ф. Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Ф. Ф. Фидлер. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 861 с.
8. Литературное наследство. Т. 72 : Горький и Леонид Андреев : неизданная переписка / Акад. наук СССР, Ин-т литературы, Пушкинский дом. – М. : Наука, 1965. – 630 с.
9. Андреев, Л. S.O.S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919) / Л. Андреев; вступит. статья, составление и примечания Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. – М. ; СПб. : Atheneum ; Феникс, 1994. – 598 с.
10. Геворкян, А. В. Леонид Андреев и журнал «Русское богатство» к проблеме массовой культуры / А. В. Геворкян, М. В. Строганов // Культура и текст. – 2025. – № 1 (60). – С. 71–114.

11. Линин, А. М. Леонид Андреев и «Русское слово». Отдельный оттиск из 2/11 тома «Известий 1 и 2 СКПИ» / А. М. Линин. – Орджоникидзе, 1934. – 16 с.
12. Венгеров, С. А. Синтетический модернизм и богоискательство / С. А. Венгеров // Русская литература XX века. (1890–1910) ; под ред. проф. С. А. Венгерова. Ч. 1, Т. 2: Переоценка всех ценностей (1890-е годы). – М. : Мир, 1915. – С. 241–251.
13. Фидлер, Ф. Ф. Первые литературные шаги : Автобиографии современных русских писателей / Ф. Ф. Фидлер. – М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. – 268 с.
14. Грибовский, В. У графа Л. Н. Толстого / В. Грибовский // Неделя. – 1886. – № 33. – Ст. 1993–1998.
15. Регинин, В. У Куприна / В. Регинин // Петербургская газета. – 1908. – 24 августа (№ 232). – С. 3.
16. Леонид Николаевич Андреев : библиография. Вып. 2А: Аннотированный каталог Собрания рецензий Славянской библиотеки Хельсинкского университета / сост. М. В. Козьменко. – 2002. – 167 с.
17. О Леониде Андрееве // Биржевые ведомости. – 1902. – 13 ноября (№ 310). – С. 5.
18. Л. Н. Андреев. Письма к А. П. Алексеевскому / публ. В. Н. Чувакова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. – Л. : Наука, 1979. – 272 с.
19. Андрущенко, Е. А. Некрасовская анкета К. И. Чуковского и Д. С. Мережковский / Е. А. Андрущенко // Вестник славянских культур. – 2023. – № 67. – С. 174–185.
20. Анисенко, Д. А. Ловец автобиографий: Литературное коллекционирование Федора Фидлера / Д. А. Анисенко // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2023. – № 4. – С. 138–161.
21. Боева, Г. Н. Леонид Андреев и его читатели: стратегии взаимодействия / Г. Н. Боева // Филология и человек. – 2015. – № 4. – С. 63–75.
22. Бочарова, Т. Г. Литературные интервью как особый жанр медиадискурса / Т. Г. Бочарова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2020. – Вып. 10 (839). – С. 62–75.
23. Вахненко, Е. Е. Редакционная политика газеты «Биржевые ведомости» в контексте исторического слома (июль 1914 – октябрь 1917 года) / Е. Е. Вахненко // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 4. – С. 101–115.
24. Клементьев, Р. Е. Стенограммы и вокруг них: Из опыта работы по созданию цифрового архива документов Отдела рукописей ИМЛИ РАН / Р. Е. Клементьев // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2023. – № 3. – С. 165–172.
25. Кузнецов, И. В. «Как мы пишем» – тогда и теперь / И. В. Кузнецов // Новый филологический вестник. – 2019. – № 4 (51). – С. 65–72.
26. Александров, А. С. Ответы писателей на анкеты периодических изданий начала XX века / А. С. Александров // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 447. – С. 5–10.
27. Дубин, Б. В. Биография, репутация, анкета (о формах интеграции опыта в письменной культуре) / Б. В. Дубин // Очерки по социологии культуры. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – С. 98–120.
28. Рейтблат, А. И. Что не попадает в биографию? / А. И. Рейтблат // Писать поперек: Статьи по биофике, социологии и истории литературы. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – С. 203–210.
29. Загидуллина, М. В. Пушкинский миф в конце XX века / М. В. Загидуллина. – Челябинск : Челябин. гос. ун-т, 2001. – 243 с.
30. Черняк, М. А. «Как мы пишем», или проблема литературного самосознания / М. А. Черняк, М. А. Саргсян // Сибирский филологический форум. – 2021. – № 2 (14). – С. 67–79.
31. Савкина, И. Л. Записки как «деперсонализированный дневник»: документально-художественный потенциал жанра / И. Л. Савкина // Вопросы литературы. – 2013 – № 1. – С. 337–354.
32. Абашева, М. П. Литература в поисках лица (русская проза конца XX века: становление авторской идентичности) / М. П. Абашева. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2001. – 318 с.
33. Сабурова, Т. А. «Первые люди в России»: Сословная и профессиональная идентичность в мемуарно-автобиографической прозе русских литераторов XIX века / Т. А. Сабурова, Н. Н. Родигина // Вестник Омского университета. – 2015. – № 1. – С. 152–155.
34. Регинин, Вас. Леонид Андреев о своем читателе / Вас. Регинин // Огонек. – 1908. – № 14. – С. 14–15.
35. Покушение на Леонида Андреева (Из беседы с писателем) // Биржевые ведомости. – 1911. – 12 января (№ 9). – С. 2.
36. Л. Андреев о себе // Утро России. – 1911. – 11 января (№ 7). – С. 5.
37. У Леонида Андреева / А. Потемкин // Петербургская газета. – 1908. – 27 августа (№ 235). – С. 2.
38. Сергеев-Ценский, С. Н. Воспоминания / С. Н. Сергеев-Ценский // Москва. – 2014. – № 5. – С. 207–230.
39. Соболев, А. Л. Из воспоминаний С. Г. Кара-Мурзы / А. Л. Соболев // Литературный факт. – 2017. – № 5. – С. 35–94.
40. Кручинин, Н. Леонид Андреев о своей пьесе / Н. Кручинин // Биржевые ведомости. – 1915. – 25 января (№ 14632). – С. 6.
41. У Леонида Андреева / беседу вел кор. газ.

- А Д Е // Раннее утро. – 1909. – 24 апреля (№ 93). – С. 4.
42. Кодак. У Леонида Андреева. (В скиту на Черной речке) / Кодак // Биржевые ведомости. – 1908. – 12 ноября (№ 10806). – С. 6.
43. Где же будущее? : беседа с К. Чуковским // Вечерние известия. – 1913. – 28 октября (314). – С. 3.
44. У Семена Юшкевича: Есть талантливые люди и бесталанная литература // Раннее утро. – 1912. – 13 сентября (211). – С. 4.
45. Л. Фл. На литературные темы: беседа с И. Буниным / Л. Фл. // Южная мысль. – 1913. – № 491 (17 апр.). – С. 2.
46. Бунин, И. А. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 9 / И. А. Бунин ; под общ. ред. А. С. Мясникова. – М. : Художественная литература, 1967. – С. 532–548.
47. Дубровский, М. У Леонида Андреева. (Новый роман Андреева. Андреев о порнографии. Андреев о Горьком) / М. Дубровский // Московская газета. – 1911. – 5 октября (№ 124). – С. 5.
48. Леонид Андреев о футуристах / С. Ф. // Биржевые ведомости. – 1915. – 4 мая (№ 14824). – С. 5.
49. В мире искусств. У Леонида Андреева / Эс Пэ // Одесские новости. – 1907. – 5 октября (№ 228). – С. 4.
50. Л. Н. Андреев о современных вопросах // Русь. – 1908. – 27 февраля (№ 57). – С. 3.

Селюткина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории медиа, Челябинский государственный университет (Челябинск), e-mail: L22502@yandex.ru. ORCID 0000-0002-5982-6208

Поступила в редакцию 11 сентября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260110

THE STRATEGY OF L. N. ANDREEV'S SELF-PRESENTATION IN AN INTERVIEW WITH THE PRESS OF THE EARLY XX CENTURY

E. A. Selyutina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article analyzes the current form of interview-conversation, which is innovative for modernity, using the example of L. Andreev's interview. The interview is considered in the context of intensifying the interaction of the press with the reading public as a genre that meets the audience's demands for interaction with the author. The narrative framework of the interview is determined by the role of the writer in the modern era, his increased symbolic value, and the confidence of society that the writer knows the answers to the "painful" questions of the time. This leads to the orientation of interviewers to search for prototypes and real events underlying the texts, increasing the expert role of writers. It is noted that at the time of its appearance, the genre was guided by the tradition of the portrait essay, which seeks to transform the question-and-answer frame into a monologue statement, to highlight the figure of the writer being interviewed. It is concluded that Andreev's interview should be considered as a way to define the boundaries of the author's self-interpretation, to create a canon of "biography" modeled by the writer in symmetry with the chosen artistic manner. The narrative about himself, on the one hand, is conditioned by rapid non-reflective communication with reporters (event-driven), on the other hand, it consistently presents Andreev's right to an impressionistic style of writing, an unbiased word.

Keywords: literary interview, Russian modernism, journalism, history of journalism, mass media, media discourse, speech genres, periodicals, interviewers, interviewees, Leonid Andreev.

References

1. Addison D. Esse iz zhurnala "Zritel'" [Essay from the Journal "Zritel'"] // *Angliya v pamflete: angliyskaya publicisticheskaya proza nach. XVIII v.* Moscow: Progress, 1987. P. 97–185.
2. Lakshin V.Y. Interv'yu i besedy s L'vom Tolstym [Interviews and Conversations with Lev Tolstoy]. Moscow: Contemporary, 1987. 525 p.
3. Malen'koye interv'yu: beseda s M. Artsybashyevym [Small Interview: Conversation with M. Artsybashyev] / podgot. Atanasio // *Golos Moskvy.* 1912. 14 marta (61). P. 5.

4. Verbitskaya A.A. o svoem uspekhe: intervyyu s pisatel'nitsey [A.A. Verbitskaya about Her Success: Interview with the Writer] // *Moskovskaya gazeta*. 1912. 2 maya (№ 187). P. 1.
5. Chekhov o samom sebe [Chekhov about Himself] // *Kinematograf*. 1911. № 10 (11). P. 4.
6. Izmaylov A.A. Literaturnyy Olimp: kharakteristiki, vstrechi, portrety, avtografy [Literary Olympus: Characteristics, Meetings, Portraits, Autographs]. Moscow: I. D. Sytin Publishing House, 1911. 472 p.
7. Fidler F.F. Iz mira literatorov: kharaktery i suzhdeniya [From the World of Literators: Characters and Opinions]. Moscow: New Literary Review, 2008. 861 p.
8. Literaturnoye nasledstvo. T. 72: Gorkiy i Leonid Andreev: neizdannaya perepiska [Literary Heritage. Vol. 72: Gorky and Leonid Andreev: Unpublished Correspondence] / Akad. nauk SSSR, In-t literatury, Pushkinskiy dom. Moscow: Science, 1965. 630 p.
9. Andreev L. S.O.S.: Dnevnik (1914–1919); Pisma (1917–1919); Stati i intervyyu (1919); Vospominaniya sovremennikov (1918–1919) [S.O.S.: Diary (1914–1919); Letters (1917–1919); Articles and Interviews (1919); Memoirs of Contemporaries (1918–1919)] / vstupit. stat'ya, sostavlenie i primechaniya R. Davisa i B. Hellmana. Moscow; Saint Petersburg: Atheneum; Feniks, 1994. 598 p.
10. Gevorkyan A.V., Stroganov M.V. Leonid Andreev i zhurnal “Russkoye bogatstvo” k probleme massovoy kultury [Leonid Andreev and the Journal “Russian Wealth” and the Problem of Mass Culture] // *Kultura i tekst*. 2025. № 1 (60). P. 71–114.
11. Linin A.M. Leonid Andreev i “Russkoye slovo”. Otdel'nyy ottisk iz 2/11 toma “Izvestiy 1 i 2 SKPI” [Leonid Andreev and “Russian Word”. Separate Offprint from Volume 2/11 of “Izvestiya 1 and 2 SKPI”]. Ordzhonikidze, 1934. 16 p.
12. Vengerov S.A. Sinteticheskiy modernizm i bogoisatel'stvo [Synthetic Modernism and God-seeking] // *Russkaya literatura XX veka. (1890–1910)*; pod red. prof. S.A. Vengerova. Ch. 1, T. 2: Pereotsenka vsekh tsennostey (1890-e gody). Moscow: World, 1915. P. 241–251.
13. Fidler F.F. Pervye literaturnye shagi: Avtobiogr. sovrem. russ. pisateley [First Literary Steps: Autobiographies of Contemporary Russian Writers]. Moscow: I. D. Sytin Publishing House, 1911. 268 p.
14. Gribovskiy V. U grafa L.N. Tolstogo [At Count L. N. Tolstoy's] // *Nedelya*. 1886. № 33. P. 1993–1998.
15. Reginin V. U Kuprina [At Kuprin's] // *Peterburgskaya gazeta*. 1908. 24 avgusta (№ 232). P. 3.
16. Leonid Nikolaevich Andreev: bibliografiya. Vyp. 2A: Annotirovannyy katalog Sobraniya retsenziy Slavyanskoy biblioteki Khel'sinskogo universiteta [Leonid Nikolaevich Andreev: Bibliography. Issue 2A: Annotated Catalog of the Slavic Library's Review Collection at Helsinki University] / sost. M.V. Koz'menko. 2002. 167 p.
17. O Leonide Andreeve [About Leonid Andreev] // *Birzhevye vedomosti*. 1902. 13 noyabrya (№ 310). P. 5.
18. L.N. Andreev. Pisma k A.P. Alekseyevskomu [Letters to A.P. Alekseyevsky] / publ. V.N. Chuvakova // *Ezhгодnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1977 god*. Leningrad: Science, 1979. 272 p.
19. Andrushchenko E.A. Nekrasovskaya anketa K.I. Chukovskogo i D.S. Merezhevskiy [Nekrasov Questionnaire of K.I. Chukovsky and D.S. Merezhkovsky] // *Vestnik slavyanskikh kultur*. 2023. № 67. P. 174–185.
20. Anisenko D.A. Lovets avtobiografii: Literaturnoye kollektcionirovanie Fedora Fidl'era [The Autograph Collector: Literary Collecting of Fedor Fidler] // *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy*. 2023. № 4. P. 138–161.
21. Boeva G.N. Leonid Andreev i ego chitatel'ya: strategii vzaimodeystviya [Leonid Andreev and His Readers: Interaction Strategies] // *Filologiya i chelovek*. 2015. № 4. P. 63–75.
22. Bocharova T.G. Literaturnye intervyyu kak osoby zhanr mediadiskursa [Literary Interviews as a Special Genre of Media Discourse] // *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 2020. Вып. 10 (839). P. 62–75.
23. Vakhnenko E.E. Redaktsionnaya politika gazety “Birzhevye vedomosti” v kontekste istoricheskogo sloma (iyul' 1914 – oktyabr' 1917 goda) [Editorial Policy of the Newspaper “Birzhevye Vedomosti” in the Context of the Historical Collapse (July 1914 – October 1917)] // *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 2019. № 4. P. 101–115.
24. Klement'ev R.E. Stenogrammy i vokrug nikh: Iz opyta raboty po sozdaniyu tsifrovogo arkhiva dokumentov Otdela rukopisey IMLI RAN [Transcripts and Around Them: Experience in Creating a Digital Archive of Manuscripts of the Department of Manuscripts, IMLI RAS] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2023. № 3. P. 165–172.
25. Kuznetsov I.V. “Kak my pishem” – togda i seychas [“How We Write” – Then and Now] // *Novyy filologicheskiy vestnik*. 2019. № 4 (51). P. 65–72.
26. Aleksandrov A.S. Otvety pisateley na ankety periodicheskikh izdaniy nachala XX veka [Writers' Answers to Questionnaires of Early 20th Century Periodicals] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. № 447. P. 5–10.

27. Dubin B.V. Biografiya, reputatsiya, anketa (o formakh integratsii opyta v pis'mennoy kulture) [Biography, Reputation, Questionnaire (on Forms of Integrating Experience in Written Culture)] // *Ocherki po sotsiologii kulturey*. Moscow: New Literary Review, 2017. P. 98–120.
28. Reitblat A.I. Chto ne popadaet v biografiyu? [What Does Not Enter the Biography?] // *Pisat' poperek: Stati po biografike, sotsiologii i istorii literatury*. Moscow: New Literary Review, 2014. P. 203–210.
29. Zagidullina M.V. Pushkinskiy mif v kontse XX veka [The Pushkin Myth at the End of the 20th Century]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 2001. 243 p.
30. Chernyak M.A. "Kak my pishem", ili problema literaturnogo samosoznaniya ["How We Write", or the Problem of Literary Self-Consciousness] // *Sibirskiy filologicheskiy forum*. 2021. № 2 (14). P. 67–79.
31. Savkina I.L. Zapiski kak "depersonalizirovannyi dnevnik": dokumental'no-khudozhestvennyy potentsial zhanra [Notes as a "Depersonalized Diary": Documentary and Artistic Potential of the Genre] // *Voprosy literatury*. 2013. № 1. P. 337–354.
32. Abasheva M.P. Literatura v poiskakh litsa (russkaya proza kontsa XX veka: stanovlenie avtorskoj identichnosti) [Literature in Search of a Face (Russian Prose of the Late 20th Century: Formation of Authorial Identity)]. Perm': Perm University Publishing House, 2001. 318 p.
33. Saburova T.A., Rodigina N.N. "Pervye lyudi v Rossii": Soslovnaya i professional'naya identichnost' v memuarно-avtobiograficheskoy proze russkikh literatorov XIX veka ["First People in Russia": Estate and Professional Identity in Memoir-Autobiographical Prose of Russian Writers of the 19th Century] // *Vestnik Omskogo Universiteta*. 2015. № 1. P. 152–155.
34. Reginin V. Leonid Andreev o svoem chitatele [Leonid Andreev about His Reader] // *Ogonyok*. 1908. № 14. P. 14–15.
35. Pokushenie na Leonida Andreeva (Iz besedy s pisatelem) [Attempt on Leonid Andreev (From a Conversation with the Writer)] // *Birzhevye vedomosti*. 1911. 12 yanvarya (№ 9). P. 2.
36. L. Andreev o sebe [L. Andreev about Himself] // *Utro Rossii*. 1911. 11 yanvarya (№ 7). P. 5.
37. U Leonida Andreeva [At Leonid Andreev's] // *Peterburgskaya gazeta*. 1908. 27 avgusta (№ 235). P. 2.
38. Sergeev-Tsenskiy S.N. Vospominaniya [Memoirs] // *Moskva*. 2014. № 5. P. 207–230.
39. Sobolev A.L. Iz vospominaniy S.G. Kara-Murzy [From the Memoirs of S.G. Kara-Murza] // *Literaturnyy fakt*. 2017. № 5. P. 35–94.
40. Kruchinin N. Leonid Andreev o svoey p'ese [Leonid Andreev about His Play] // *Birzhevye vedomosti*. 1915. 25 yanvarya (№ 14632). P. 6.
41. U Leonida Andreeva [At Leonid Andreev's] / besedu vel kor. gaz. ADE // *Ranneye utro*. 1909. 24 aprelya (№ 93). P. 4.
42. Kodak. U Leonida Andreeva. (V skitu na Chernoi rechke) [Kodak. At Leonid Andreev's. (In the Hermitage at the Black River)] // *Birzhevye vedomosti*. 1908. 12 noyabrya (№ 10806). P. 6.
43. Gde zhe budushcheye?: beseda s K. Chukovskim [Where is the Future?: Conversation with K. Chukovsky] // *Vecherniye izvestiya*. 1913. 28 oktyabrya (314). P. 3.
44. U Semena Yushkevicha: Yest' talantlivyye lyudi i bestalannaya literatura [At Semyon Yushkevich's: There Are Talented People and Talentless Literature] // *Ranneye utro*. 1912. 13 sentyabrya (211). P. 4.
45. L. Fl. Na literaturnyye temy: beseda s I. Buninym [On Literary Topics: Conversation with I. Bunin] // *Yuzhnaya mysl'*. 1913. № 491 (17 apr.). P. 2.
46. Bunin I.A. Sobranie sochineniy [Collected Works]: v 9 t. T. 9; pod obshch. red. A.S. Myasnikova. Moscow: Artistic literature, 1967. P. 532–548.
47. Dubrovsky M. U Leonida Andreeva. (Novyy roman Andreeva. Andreev o pornografii. Andreev o Gorkom) [At Leonid Andreev's. (Andreev's New Novel. Andreev about Pornography. Andreev about Gorky)] // *Moskovskaya gazeta*. 1911. 5 oktyabrya (№ 124). P. 5.
48. Leonid Andreev o futuristakh [Leonid Andreev about Futurists] // *Birzhevye vedomosti*. 1915. 4 maya (№ 14824). P. 5.
49. V mire iskusstv. U Leonida Andreeva [In the World of Arts. At Leonid Andreev's] // *Odesskiye novosti*. 1907. 5 oktyabrya (№ 228). P. 4.
50. L.N. Andreev o sovremennykh voprosakh [L.N. Andreev about Contemporary Issues] [L.N. Andreev on Contemporary Issues] // *Rus'*. 1908. 27 fevralya (№ 57). P. 3.

Elena A. Selyutina – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Media Theory, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk), e-mail: L22502@yandex.ru

Received September 11, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Селютина, Е. А. Стратегия самопредставления Л. Н. Андреева в интервью в прессе начала XX века / Е. А. Селютина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 82–91. DOI: 10.14529/ssh260110

FOR CITATION

Selyutina E. A. The strategy of L. N. Andreev's self-presentation in an interview with the press of the early XX century. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 1, pp. 82–91. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260110

ОСОБЕННОСТИ И УРОВНИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ ПО ЭКОЛОГИИ ИНТЕРНЕТ-СМИ И СОЦИАЛЬНЫМИ МЕДИА ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА

А. А. Чуйдук

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Предметом данного исследования выступают особенности и уровни формирования информационной повестки по экологии. В работе показано, что информационная повестка функционирует не просто как инструмент информирования, а как иерархическая система проблем в сфере экологии, где приоритизация одних тем над другими является результатом целенаправленного управления вниманием аудитории. Теоретико-методологическую основу работы составляют ключевые положения теории установления повестки дня. В качестве исследовательских методов применялись общенаучные – анализ и синтез, на эмпирическом этапе использовались методы когнитивно-матричного анализа и контент-анализа. Эмпирическую базу составляют медиатексты 29 интернет-СМИ и 14 социальных медиа промышленных центров – городов Челябинской области и Екатеринбурга за 2024 год.

Научная новизна исследования заключается в комплексном описании взаимосвязи между уровнями формирования экологической повестки и особенностями ее содержания в медиасреде промышленного региона. Впервые на эмпирическом материале (2 663 медиатекста) показано, как глобальные экологические нарративы трансформируются под влиянием локальной экологической ситуации промышленных территорий.

Проведенный анализ создает основу для изучения информационной повестки по экологии в современном медиaprостранстве с позиции содержательно-тематического аспекта и атрибутов. Результаты исследования представляют практическую ценность для широкого круга специалистов в сфере медиакommunikаций: журналистов, контент-менеджеров, редакторов, медиааналитиков и исследователей, участвующих в формировании и анализе экологической повестки дня.

Ключевые слова: интернет-СМИ, социальные медиа, специфика информационной повестки по экологии, промышленный регион.

Введение

В современном обществе СМИ и социальные медиа занимают ключевое положение в организации информирования общества о различных проблемах, особенно в сфере экологии, благодаря своей способности к оперативному реагированию на происходящие события и репрезентации их в повестке дня. Исследования М. Маккомбса и Д. Шоу [1], ставшие основополагающими в теории установления повестки дня (англ. «agenda-setting theory»), отражают взаимосвязь между информационной повесткой дня и восприятием значимости событий аудиторией: от того, как определенные события освещаются в средствах массовой информации, зависит восприятие их общественностью с точки зрения значимости. Выбор тем и фокус освещения вопросов экологии – это не просто отражение реальности, а активный процесс, включающий в себя редакционные решения, ориентированные на интересы целевой аудитории: СМИ могут акцентировать внимание на различных аспектах одних и тех же событий, исходя из их идеологических позиций, редакционной политики и других факторов. Поскольку СМИ функционируют не только как каналы передачи информации, но и как «агенты» формирования общественного мнения, темы, которые находят отклик у общественности и получают

широкое освещение, становятся более заметными и важными, тогда как другие вопросы могут оставаться в тени.

Процессы, описанные выше, подвергаются фундаментальному пересмотру в контексте стремительной цифровизации медиасферы. Трансформация традиционных СМИ в сторону цифровых платформ сопряжена с преобразованием их внутренней логики: требования оперативности и интерактивности, предъявляемые онлайн-аудиторией, становятся определяющими факторами редакционной политики.

Социальные медиа при этом эволюционируют из вспомогательного канала в ключевой институт, выполняющий функцию генератора и акселератора публичной проблематики. Их роль заключается не столько в воспроизводстве, сколько в создании иных моделей общественного диалога. Происходит качественный сдвиг в их статусе: они трансформируются в самостоятельный и влиятельный институт, выполняющий двойную функцию – генерации общественно значимых тем и их интенсивного распространения. Следовательно, их значимость определяется уже не трансляционной способностью, а способностью создавать новые форматы публичной коммуникации, основанные на принципах сетевой, интерактивной и алгоритмически управляемой логики.

Актуальность выбранной темы базируется на научном потенциале исследований особенностей формирования информационной повестки дня по экологии и выявления ее содержательно-тематических аспектов и атрибутивных характеристик. Соответственно, целью данного исследования является анализ уровней и особенностей формирования экологической повестки интернет-СМИ и социальными медиа промышленного региона.

Обзор литературы

Классическая теория (Маккомбс и Шоу, 1972) является отправной точкой в определении влияния СМИ на значимость тем в общественном сознании. В отечественной науке эти процессы изучали И. М. Дзялошинский [2], Е. Л. Варганова [3], М. А. Шишкина [4]. Современные работы пересматривают теорию в условиях интернета. Как следует из научных трудов Дж. Т. Фейзел [5], цифровизация и борьба за вовлеченность пользователей ведут к пересмотру устоявшихся механизмов ранжирования новостной информации. Исследования Г. Дженкинса [6] и отечественные работы А. Амзина [7], А. Г. Качкаевой [8], И. И. Волковой [9] показывают, как редакции адаптируют контент под специфику различных цифровых платформ (сайт, соцсети, мессенджеры), что создает многоуровневую повестку. Работы зарубежных исследователей (К. Циммерманн и Д. Ли [10]) и отечественных ученых (Б. А. Грушин и Л. А. Оников [11]) подчеркивают, что средства массовой информации промышленных регионов формируют повестку на стыке глобальных экологических трендов и локальных социально-экономических интересов, создавая специфические рамки интерпретации для экологических проблем.

Помимо этого, в рамках исследований различных аспектов информационной повестки дня ключевое внимание уделяется изучению ее уровней. В настоящее время процесс установления информационной повестки исследователи рассматривают на двух взаимосвязанных уровнях: *первом* (тематическом или объектном) и *втором* (атрибутивном) [12]. Зарубежные медиаисследователи М. Альказами и У. Ванга уточняют: на первом уровне медиа определяют, какие именно проблемы или темы становятся значимыми для публичного обсуждения, на втором уровне медиа определяют ключевые атрибуты при освещении экологических тем, что в свою очередь формирует определенный способ их восприятия аудиторией [13]. При этом содержательно-тематический уровень в информационной повестке по экологии задает спектр обсуждаемых проблем и явлений, определяя, «о чем» сообщают медиа. Он отвечает за выявление ключевых направлений в освещении различных аспектов экологической сферы. Атрибутивный уровень определяет смысловые рамки и оценочные характеристики, через которые экологические темы преподносятся аудитории, отвечая на вопрос

о том, «как» о них говорят. Он представляет собой систему устойчивых категорий и коннотаций, которые, акцентируя одни аспекты проблем и затеняя другие, формируют целостное представление об экологической ситуации [14]. Таким образом, изучение содержательных компонентов и атрибутов информационной повестки по экологии способствует пониманию специфики ее формирования в медиaprостранстве промышленного региона.

Методы исследования

В качестве базовой использовалась теория установления повестки дня. Согласно данной теории, СМИ влияют на общественное мнение, определяя наиболее важные для обсуждения темы. Основатели данной теории М. Маккомбс и Д. Шоу [1] показали, что СМИ не просто информируют аудиторию, а активно формируют ее восприятие реальности, акцентируя внимание на «важных» и «второстепенных» темах.

Методологической основой работы выступил системный подход, в рамках которого информационная повестка по экологии исследуется как целостная система, состоящая из взаимосвязанных элементов, взаимодействующих друг с другом и внешней средой. Ключевое методологическое преимущество данного подхода заключается в переносе исследовательского фокуса: от анализа единичных текстов и сообщений – к изучению информационной повестки как целостного феномена, формируемого совокупностью акторов (СМИ, органы власти, общественность и др.) в региональном медиaprостранстве. Это позволяет выявить системные механизмы и взаимосвязи, определяющие специфику функционирования информационной повестки по экологии в промышленном регионе.

В свою очередь, в качестве методов исследования использовались общенаучные методы – анализ, предполагающий изучение информационной повестки с точки зрения ее структуры, и синтез, способствующий объединению частей в единое целое. Также для сбора и обработки эмпирических данных применялись такие методы, как контент-анализ, направленный на количественное описание параметров экологической повестки, и когнитивно-матричный анализ, задачей которого является качественная интерпретация атрибутов экологического дискурса.

Эмпирическую базу составляют медиатексты (2 663 ед.) 29 интернет-СМИ и 14 социальных медиа индустриальных центров – городов Челябинской области и Екатеринбурга за 2024 год, среди них: сетевые издания «АиФ – Урал», «Е1.РУ Екатеринбург Онлайн», «Карабашский рабочий online», СМИ «Хорошие новости Челябинской области», «Южноуральская панорама Онлайн», информационное агентство «Уралинформбюро», агентство новостей «Доступ», городские сообщества «Коркино и Коркинцы | КиК NEWS», «Гово-

рит Озерск», «Екатеринбург | Новости», «Наш Магнитогорск», «Наш Челябинск», «Регион 74 | Южный Урал и Челябинск», «Типичный Екатеринбург» и др.

Результаты и дискуссия

Для обеспечения логической стройности и наглядности результатов исследование проводилось в два последовательных этапа. Первый этап посвящен количественному и структурному анализу информационной повестки. В его рамках изучался экологический контент из общего массива публикаций, проводился анализ по территориальному признаку (Челябинская область и г. Екатеринбург), а также осуществлялась детализация по конкретным источникам – ключевым региональным интернет-СМИ и социальным медиа. Данный этап позволил выявить объективную картину тематических приоритетов и выделить ключевые медиаисточники, формирующие ядро экологической повестки в исследуемых регионах.

Методом контент-анализа были изучены 2 663 медиатекста за 2024 год, что позволило выявить и оценить структуру экологической повестки в информационном пространстве исследуемых регионов – Челябинской области и города Екатеринбурга. Для структурирования данных был применен разработанный рубрикатор¹, состоящий из 18 тематических категорий, который обеспечил систематизацию всего массива публикаций по ключевым направлениям экологической проблематики. Полученные данные демонстрируют следующую тематическую структуру повестки, отражающую степень приоритетности экологических проблем: «Управление отходами» (17) – 485 ед. медиатекстов, «Охрана растительного и животного мира» (12) – 395 ед. медиатекстов, «Загрязнение и охрана атмосферы» (05) – 393 ед. медиатекстов, «Общие вопросы охраны окружающей среды» (01) – 296 ед. медиатекстов, «Загрязнение и охрана водных объектов» (06) – 285 ед. медиатекстов, «Антропогенное воздействие на ландшафт» (13) – 201 ед. медиатекстов, «Стихийные бедствия и катастрофы антропогенного происхождения» (15) – 195 ед. медиатекстов, «Теория и методы изучения охраны окружающей среды» (02) – 154 ед. медиатекстов, «Загрязнение окружающей среды» (05) – 152 ед. медиатекстов, «Заповедное дело. Охранные природные территории» (14) – 35 ед. медиатекстов, «Охрана почв» (07) – 25 ед. медиатекстов, «Экологические основы жизнедеятельности челове-

ка» (09) – 18 ед. медиатекстов, «Защита от шума, вибрации, электрических и магнитных полей и излучений» (18) – 10 ед. медиатекстов, «Воздействие антропологических изменений окружающей среды на здоровье и социально-трудовой потенциал населения» (10) – 5 ед. медиатекстов, «Воздействие загрязнения окружающей среды на состояние природных экосистем, популяций и организмов растительного и животного мира» (11) – 5 ед. медиатекстов, «Международное сотрудничество» (03) – 3 ед. медиатекстов, «Охрана недр» (08) – 2 ед. медиатекстов, «Рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов» (16) – 2 ед. медиатекстов.

Проведенный анализ информационной повестки выявил тематические приоритеты в освещении экологической проблематики. Наибольшую репрезентативность в медиаполе регионов получили вопросы, непосредственно связанные с антропогенным воздействием и его последствиями. К ним относятся: «Загрязнение окружающей среды» (152 ед.; 5,7 %), «Загрязнение и охрана атмосферы» (393 ед.; 14,8 %), «Загрязнение и охрана водных объектов» (285 ед.; 10,7 %), «Антропогенное воздействие на ландшафт» (201 ед.; 7,5 %), «Стихийные бедствия и катастрофы антропогенного происхождения» (195 ед.; 7,3 %) и «Управление отходами» (485 ед.; 18,3 %). Совокупный объем публикаций по указанным направлениям составил 1 711 ед. медиатекстов, что составляет 64,3 % от общего массива проанализированных материалов. Данное распределение свидетельствует о том, что медиаповестка выполняет не репрезентативную, а конструктивную функцию: она не просто отражает экологические проблемы, а активно формирует специфический, проблемно-ориентированный образ реальности. Этот сконструированный медиаобраз региона, в свою очередь, оказывает прямое и существенное воздействие на формирование устойчивого негативного имиджа территории, закрепляя в общественном сознании нарративы экологического риска и неблагополучия.

В рамках исследования было проведено изучение распределения общего массива медиатекстов экологической тематики по отдельным средствам массовой информации за 2024 год. В результате количественного анализа были получены следующие данные о вкладе каждого источника в формирование повестки: Агентство новостей «Доступ» – 266 ед. (10,0 %), Городское информационное сообщество «Коркино и Коркинцы | КиК NEWS» – 75 ед. (2,8 %), Городское сообщество «Говорит Озерск» – 42 ед. (1,6 %), Городское сообщество «Городское телевидение. Карабаш» – 0 ед. (0 %), Городское сообщество «Екатеринбург | Новости» – 50 ед. (1,9 %), Городское сообщество «Жизнь Коркино» – 34 ед. (1,3 %), Городское сообщество «Наш Магнитогорск» – 48 ед. (1,8 %),

¹ В качестве методологической основы использован раздел 87 «Охрана окружающей среды. Экология человека» Государственного рубрикатора научно-технической информации. Исходная структура рубрикатора была адаптирована к задачам и масштабу настоящего исследования. Данный инструмент обеспечил содержательную структуризацию всего эмпирического массива и позволил провести количественную оценку распределения внимания между различными аспектами экологической проблематики в региональном медиаполе.

Городское сообщество «Наш Челябинск» – 30 ед. (1,1 %), Городское сообщество «Новый Карабаш» – 32 ед. (1,2 %), Городское сообщество «Регион 74 | Южный Урал и Челябинск» – 86 ед. (3,2 %), Городское сообщество «Сатка 24» – 55 ед. (2,1 %), Городское сообщество «Типичный Екатеринбург» – 131 ед. (4,9 %), Группа «Говорит Сатка» – 80 ед. (3,0 %), Группа «Озерск каждый день» – 28 ед. (1,1 %), Группа ВКонтакте «Магнитка-Онлайн. Новости Магнитогорска!» – 46 ед. (1,7 %), информационные агентства «Уралинформбюро» – 33 ед. (1,2 %), «УРА.РУ» – 70 ед. (2,6 %), Интернет-газета «Горняцкая правда» – 19 ед. (0,7 %), Интернет-журнал «Вечерний Магнитогорск» – 12 ед. (0,5 %), информационный портал «Озерск74 пресс» – 9 ед. (0,3 %), МИА «Верстов. Инфо» – 76 ед. (2,9 %), Официальный сайт газеты «Саткинский рабочий» – 7 ед. (0,3 %), РИАНА «Урал-пресс-информ» – 21 ед. (0,8 %), Сайт «Новости Озерска» – 28 ед. (1,1 %), Свердловское областное телевидение – 84 ед. (3,2 %), Сетевые издания «МК – Урал» – 162 ед. (6,1 %), «Магнитогорский рабочий» – 44 ед. (1,7 %), «74.ru» – 50 ед. (1,9 %), «MagCity74» – 54 ед. (2,0 %), «АиФ – Урал» – 163 ед. (6,1 %), «АиФ – Челябинск» – 59 ед. (2,2 %), «Е1.РУ Екатеринбург Онлайн» – 43 ед. (1,6 %), «Карабашский рабочий online» – 33 ед. (1,2 %), «Комсомольская правда. Екатеринбург» – 59 ед. (2,2 %), «Комсомольская правда. Челябинск» – 200 ед. (7,5 %), «Мгорск.ру» – 22 ед. (0,8 %), «МК – Урал. Свердловская и Курганская область» – 196 ед. (7,4 %), «Озерский вестник» – 23 ед. (0,9 %), «Современный портал Екатеринбурга – «66.ru» – 14 ед. (0,5 %), Govoritsatka.ru – 63 ед. (2,4 %), www.101.ru – 98 ед. (3,7 %), СМИ «Хорошие новости Челябинской области» – 4 ед. (0,2 %), СМИ «Южноуральская панорама Онлайн» – 12 ед. (0,5 %). Полученное распределение позволяет идентифицировать ключевых медиаакторов, формирующих экологическую повестку дня в исследуемых регионах.

Второй этап данной работы представляет собой качественное исследование, реализованное посредством когнитивно-матричного анализа. Данный метод позволяет осуществить переход от количественного описания тем (первый уровень установления повестки) к качественному исследованию глубинных смыслов и атрибутов, связанных с этими темами (второй уровень). Таким образом, если первый уровень теории установления повестки отвечает на вопрос «о чем говорят медиа?», выявляя спектр и значимость тем, то второй уровень призван ответить на вопрос «как именно об этом говорят?».

Атрибуты экологической информационной повестки дня определяются ее содержательной структурой, отражающей экологические проблемы. Данная модель может быть описана через

универсальную схему: *субъект* совершает *действие* в конкретном *месте* и *временном контексте*, руководствуясь определенной *причиной* и используя конкретный *способ* в заданных *условиях*.

Экологическая информационная повестка дня в соответствии с обозначенной структурой содержит следующие категории: 1) «*Географические объекты*»; 2) «*Среда обитания*»; 3) «*Флора и фауна*»; 4) «*Экологические проблемы*»; 5) «*Способы решения экологических проблем*»; 6) «*Экологические проекты, программы, мероприятия, гранты*»; 7) «*Субъекты экологического процесса*»; 8) «*Финансирование экологических проектов*»; 9) «*Экологический рейтинг / антирейтинг*»; 10) «*Юридическая ответственность в области экологии*».

Категории когнитивной матрицы атрибутов получили вербальное выражение в конкретных лексических единицах. Изучение медиатекстов двух регионов в 2024 г. выявило следующий ряд наиболее частотных категорий, упорядоченный по убыванию количества употреблений.

Первое место по частотности занимает категория «Географические объекты», включающая подкатегории «Населенные пункты», «Административные единицы», «Искусственные сооружения» и «Местности и районы особого значения». В первом регионе (г. Челябинск и Челябинская область) зафиксировано 108 атрибутов и 3 793 употребления, тогда как во втором (г. Екатеринбург) – 45 атрибутов и 1 163 употребления.

Следующей по объему языковой репрезентации является категория «Экологические проблемы», представленная восемью подкатегориями, такими как «Загрязнение атмосферы», «Отходы», «Загрязнение водных объектов», «Стихийные бедствия», «Негативное воздействие на животный мир», «Негативное воздействие на растительный мир», «Шум, вибрация», «Загрязнение почвы». Ее показатели составляют 43 атрибута и 2 443 употребления в первом регионе и 31 атрибут и 739 употреблений во втором.

Третью позицию занимает категория «Среда обитания» (подкатегории: «Общие понятия», «Водная среда», «Воздушная среда», «Почва») с 11 атрибутами и 1 933 употреблениями в Челябинской области и аналогичным числом атрибутов (11), но меньшим числом употреблений (555) в г. Екатеринбурге.

Далее следует категория «Флора и фауна», представленная подкатегориями «Растительный мир» и «Животный мир». В первом регионе зарегистрировано 32 атрибута и 1 165 употреблений, во втором – 14 атрибутов и 179 употреблений.

Категория «Субъекты экологического процесса» с подкатегориями «Юридические лица» и «Физические лица» в 2024 году продемонстрировала 56 атрибутов и 940 употреблений в Челябинской

области и 45 атрибутов и 596 употреблений в г. Екатеринбурге.

За ней располагается категория «Способы решения экологической проблемы», включающая пять подкатегорий: «Охрана водных объектов», «Охрана растительного и животного мира», «Управление отходами», «Охрана атмосферы», «Другое». Количественные показатели идентичны по числу атрибутов (22), но различаются по употреблениям: 850 в первом регионе и 289 во втором.

Менее частотными, но методологически значимыми оказались категории «Экологические проекты, программы, мероприятия, гранты» (26 атрибутов и 171 употребление в Челябинской области; 23 атрибута и 95 употреблений в г. Екатеринбурге), «Финансирование экологических проектов» (16 атрибутов и 101 употребление в первом регионе и 10 атрибутов и 40 употреблений во втором регионе), «Юридическая ответственность в области экологии» (по 6 атрибутов и 138 и 29 употреблений соответственно) и «Экологический рейтинг / антирейтинг» (4 атрибута и 14 употреблений в первом регионе против 1 атрибута и 1 употребления во втором).

Таким образом, совокупный объем проанализированных атрибутивных употреблений составил 15 234 ед., из которых 11 548 приходится на г. Челябинск и Челябинскую область и 3 686 – на г. Екатеринбург, что отражает различия как в объеме, так и в структуре медиапостки двух регионов по экологической тематике.

Анализ атрибутивной матрицы категорий выявил устойчивую иерархию их репрезентативности, подтверждаемую статистической обработкой данных за 2024 г. в медиадискурсе городов Челябинска и Екатеринбурга.

Доминирующее положение в структуре экологического знания занимает категория «Географические объекты», обладающая максимальными показателями как по количеству атрибутов, так и по частоте употреблений. Данная категория занимает центральное место в модели экологического знания.

Следующей по атрибутивной и частотной представленности является категория «Экологические проблемы», что коррелирует с целевой направленностью информационной повестки на проблематизацию экологической сферы. Количественные показатели атрибутов для категорий «Географические объекты» и «Экологические проблемы» демонстрируют вариативность, обусловленную возникновением или актуализацией медиа проблем в регионе, а также масштабом их локализации.

Третью позицию по числу атрибутов и частотности занимает категория «Среда обитания», отличающаяся фиксированным и ограниченным набором атрибутов.

Категории «Субъекты экологического процесса», «Способы решения экологических проблем» и «Флора и фауна» характеризуются значительной частотой употреблений. При этом категория «Субъекты экологического процесса» обладает наибольшим количеством атрибутов в данной группе.

Наименьшую степень атрибутивной и частотной репрезентации исследуемого периода демонстрируют категории: «Экологические проекты, программы, мероприятия, гранты», «Юридическая ответственность в области экологии», «Финансирование экологических проектов» и «Экологический рейтинг / антирейтинг».

Выводы

На основании проведенного комплексного исследования уровней и особенностей формирования экологической повестки в медиaprостранстве промышленного региона (Челябинская область и г. Екатеринбург) за 2024 год сформулированы выводы, представленные ниже.

На тематическом (первом) уровне установления повестки контент-анализ массива медиатекстов (2 663 ед.) выявил отчетливую проблемно-ориентированную направленность. Более 64 % контента (1 711 ед.) сконцентрировано на темах антропогенного воздействия: «Управление отходами» (18,3 %), «Загрязнение и охрана атмосферы» (14,8 %), «Загрязнение и охрана водных объектов» (10,7 %). Это подтверждает, что медиа выполняют не только репрезентативную, но и конструктивную функцию, формируя специфический образ региона как территории экологического риска.

Высокая репрезентативность категории «Экологические проблемы» напрямую коррелирует с выявленной на первом уровне проблемной повесткой. Фиксированный набор атрибутов категории «Среда обитания» формирует устойчивый контекст. При этом категории, связанные с решением проблем («Способы решения экологических проблем», «Экологические проекты, программы, мероприятия, гранты», «Финансирование»), а также «Юридическая ответственность в области экологии» и «Экологический рейтинг / антирейтинг» имеют ограниченную представленность, что указывает на дисбаланс между проблематизацией и освещением инструментов ее преодоления.

Помимо этого, в результате синтеза данных становится очевидно, что информационная повестка по экологии промышленного региона представляет собой иерархически организованную систему, где глобальные экологические нарративы («что» – темы загрязнения) трансформируются под влиянием локального контекста («как» – посредством доминирующих атрибутов («Географические объекты» и «Экологические проблемы»)). Полученные результаты имеют практическую ценность для специалистов в области журналистики и медиакоммуникаций, указывая на необходи-

мость сбалансированного подхода к формированию повестки, который, наряду с освещением проблем, усиливал бы атрибутивный фокус в сторону системного освещения инструментов решения экологических проблем и субъектов, несущих за них ответственность.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 23-18-20090, <https://rscf.ru/project/23-18-20090/>) «Исследование воздействия материалов СМИ, социальных медиа по экологии и медиаэффектов на молодежную аудиторию, проживающую на территории региона экологического риска».

Литература

1. McCombs, M. E. The agenda-setting function of mass media / M. E. McCombs, D. L. Shaw. *The Public Opinion Quarterly*. – 1972. – Vol. 36, № 2. P. 176–187. – URL: <https://www.jstor.org/stable/2747787>.
2. Дзялошинский, И. М. СМИ и общественные институты: перспективы взаимодействия / И. М. Дзялошинский // *Медиаскоп*. – 2008. – № 2. – С. 19.
3. Вартанова, Е. Л. Медиасистема России : учебное пособие для студентов вузов / Е. Л. Вартанова, М. И. Макеенко, А. В. Вырковский [и др.]. – М. : Аспект пресс, 2015. – 384 с.
4. Шишкина, М. А. Паблик рилейшнз в системе социального управления // М. А. Шишкина; М. А. Шишкина; Фак. журналистики СПбГУ. – М. : РГБ, 2006.
5. Faisal, J. T. Agenda Setting through Social Media: The Importance of Incidental News Exposure and Social Filtering in the Digital Era / J. T. Faisal // *Journal of Information Technology & Politics*. – 2018. – Vol. 15, № 2. – P. 1–18.
6. Jenkins, H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide* / H. Jenkins. – New York : New York University Press, 2006. – 308 p.
7. Амзин, А. А. Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / А. А. Амзин, А. Н. Галустьян, Д. Ю. Кульчицкая. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 304 с.
8. Качкаева, А. Г. Мультимедийная журналистика : учебник для вузов / А. Г. Качкаева, С. А. Шомова, Е. Г. Лапина-Кратасюк [и др.]. – М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. – 416 с.
9. Волкова, И. И. Интегративный подход к измерению эффективности контента в новых медиа: постановка проблемы / И. И. Волкова, Д. А. Гужвий // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2017. – Т. 22, № 3. – С. 532–543.
10. Zimmermann, K. Environmental Justice and Green Infrastructure in the Ruhr. From Distributive to Institutional Conceptions of Justice / K. Zimmermann, D. Lee // *Planning Practice & Research*. – 2023. – Vol. 38, № 3. – P. 390–407.
11. Грушин, Б. А. Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Б. А. Грушин, Л. Н. Федотова, Е. Я. Таршис [и др.]. – М. : Политиздат, 1980. – 446 с.
12. Каминченко, Д. И. Взаимодействие средств массовой информации и общества: анализ информационных повесток дня / Д. И. Каминченко // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. – 2020. – Т. 39, № 4. С. 533–544.
13. Alkazemi, M. F. The effect of oil prices on the media agenda: A model of agenda building / M. F. Alkazemi, W. Wanta // *Newspaper Research Journal*. – 2018. – Vol. 39(2). – P. 232–244.
14. Takeshita, T. Current Critical Problems in Agenda-Setting Research / T. Takeshita // *International Journal of Public Opinion Research*. – 2005. – Vol. 18 (3). – P. 275–296. – URL: https://www.researchgate.net/publication/31492511_Current_Critical_Problems_in_Agenda-Setting_Research. (дата обращения: 07.07.2025).

Чуйдук Анастасия Андреевна – преподаватель кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: bevzaa@susu.ru. ORCID 0009-0003-2900-8970

Поступила в редакцию 12 декабря 2025 г.

FEATURES AND LEVELS OF FORMATION OF THE INFORMATION AGENDA ON ECOLOGY BY INTERNET MEDIA AND SOCIAL MEDIA OF THE INDUSTRIAL REGION

A. A. Chuiduk

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This study examines the features and levels of forming an environmental information agenda. The paper demonstrates that the information agenda functions not simply as a tool for disseminating information, but as a hierarchical system of environmental issues, where the prioritization of some topics over others is the result of targeted attention management. The theoretical and methodological basis of the study is based on key tenets of agenda-setting theory. General scientific methods – analysis and synthesis – were used for the research, while cognitive matrix analysis and content analysis were employed in the empirical phase. The empirical base consists of media texts from 29 online media outlets and 14 social media outlets in industrial centers – cities in the Chelyabinsk region and Yekaterinburg – for 2024.

The research's novelty lies in its comprehensive description of the relationship between the levels of environmental agenda formation and the specifics of its content in the media environment of an industrial region. For the first time, empirical data (2,663 media texts) demonstrates how global environmental narratives are transformed by the local environmental situation in industrial territories.

The analysis provides a foundation for studying the environmental information agenda in the modern media space from the perspective of its content, thematic aspects, and attributes. The research results are of practical value to a wide range of media communications specialists: journalists, content managers, editors, media analysts, and researchers involved in the formation and analysis of the environmental agenda.

Keywords: online media, social media, specifics of the environmental information agenda, industrial region.

References

1. McCombs M.E., Shaw D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *The Public Opinion Quarterly*. 1972. Vol. 36. № 2. P. 176–187. URL: <https://www.jstor.org/stable/2747787>.
2. Dzyaloshinskij I.M. SMI i obshchestvennyye instituty: perspektivy vzaimodejstviya [Media and Public Institutions: Prospects for Interaction] // *Mediaskop*. 2008. № 2. P. 19.
3. Vartanova E.L., Makeenko M.I., Vyrkovskij A.V. [et al.] *Mediasistema Rossii* [The Russian Media System]: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov. Moscow: Aspekt press, 2015. 384 p.
4. Shishkina M.A. Pablik rileyshnz v sisteme social'nogo upravleniya [Public Relations in the Social Management System]. Moscow: RSL, 2006. 1 p.
5. Faisal J.T. Agenda Setting through Social Media: The Importance of Incidental News Exposure and Social Filtering in the Digital Era // *Journal of Information Technology & Politics*. 2018. Vol. 15, № 2. P. 1–18.
6. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press, 2006. 308 p.
7. Amzin A.A., Galustyan A.N., Kul'chickaya D.Y. Kak novye media izmenili zhurnalistiku [How New Media Has Changed Journalism]. Ekaterinburg: Humanity University, 2016. 304 p.
8. Kachkaeva A.G., Shomova S.A., Lapina-Kratasyuk E.G. [et al.] *Mul'timediynaya zhurnalistika* [Multimedia Journalism]: uchebnyk dlya vuzov. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2017. 416 p.
9. Volkova I.I., Guzhvij D.A. Integrativnyy podkhod k izmereniyu ehffektivnosti kontenta v novykh media: postanovka problem [An Integrative Approach to Measuring Content Effectiveness in New Media: Problem Statement] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 2017. Vol. 22. № 3. P. 532–543.
10. Zimmermann K., Lee D. Environmental Justice and Green Infrastructure in the Ruhr. From Distributive to Institutional Conceptions of Justice // *Planning Practice & Research*. 2023. Vol. 38, № 3. P. 390–407.

11. Grushin B.A., Fedotova L.N., Tarshis E.Y. [et al.] *Massovaya informatsiya v sovetskom promyshlennom gorode: Opyt kompleksnogo sociologicheskogo issledovaniya* [Mass Media in a Soviet Industrial City: An Attempt at a Comprehensive Sociological Study]. Moscow: Politizdat, 1980. 446 p.
12. Kaminchenko D.I. *Vzaimodejstvie sredstv massovoj informatsii i obshchestva: analiz informatsionnykh povestok dnya* [Interaction between the Media and Society: Analysis of Information Agendas] // *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya*. 2020. T. 39. № 4. P. 533–544.
13. Alkazemi M.F., Wanta W. The Effect of Oil Prices on the Media Agenda: A Model of Agenda Building // *Newspaper Research Journal*. 2018. Vol. 39 (2). P. 232–244.
14. Takeshita T. Current Critical Problems in Agenda-Setting Research // *International Journal of Public Opinion Research*. 2005. Vol. 18 (3). P. 275–296. URL: https://www.researchgate.net/publication/31492511_Current_Critical_Problems_in_Agenda-Setting_Research (date of accessed: 07.07.2025).

Anastasia A. Chuiduk – Lecturer of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: bevzaa@susu.ru

Received December 12, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Чуйдук, А. А. Особенности и уровни формирования информационной повестки по экологии интернет-СМИ и социальными медиа промышленного региона / А. А. Чуйдук // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 92–99. DOI: 10.14529/ssh260111

FOR CITATION

Chuiduk A. A. Features and levels of formation of the information agenda on ecology by Internet media and social media of the industrial region. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 1, pp. 92–99. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260111

ИСЕТСКАЯ ПРОВИНЦИЯ КАК НОВОЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ЗОНЕ ФРОНТИРА. О СБОРНИКЕ ДОКУМЕНТОВ «ИСЕТСКАЯ ПРОВИНЦИЯ: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ДОКУМЕНТАХ МИАССКОЙ КРЕПОСТИ»

А. И. Конюченко

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Рецензия дает общее представление о вышедшем в декабре 2024 г. сборнике документов по истории восточной части Южного Урала XVIII века. Созданная в 1737 г. в ходе деятельности Оренбургской экспедиции (с 1737 г. комиссии) Исетская провинция занимала юго-восточную часть Южного Урала: на севере она граничила с Екатеринбургским ведомством, на юге – с кочевьями киргиз-кайсаков (казахов), на западе – с Уфимской провинцией, на востоке – с Сибирской губернией, т. е. новое территориально-административное образование находилось в зоне фронта на стыке Южного Урала, Западной Сибири и Центральной Азии.

В этой зоне фронта в связи с башкирским восстанием 1735–1740 гг. по пути следования обозов с продовольствием к месту строительства Оренбурга были построены крепости. В них были записаны казаками в основном крестьяне. Одним из этих укрепленных пунктов стала Миасская крепость. По количеству казаков Исетская провинция в 1748 г. занимала первое место в Оренбургской губернии в ряду других территориально-административных подразделений Оренбургского казачьего войска. Поэтому опубликованные документы имеют отношение к казачьей истории Южного Урала.

Ключевые слова: Южный Урал, Исетская провинция, Оренбургское казачье войско.

Рецензия дает общее представление о вышедшем в декабре 2024 г. сборнике документов по истории восточной части Южного Урала XVIII века [1].

Исетская провинция оказалась практически сразу включена в научный дискурс. Она вскоре после учреждения стала фигурировать в поле научных исследований П. И. Рычкова, который был непосредственным участником событий, разворачивавшихся в Заволжье, на Южном Урале, Северном Казахстане и Западной Сибири [2, 3]. Автор стал первым членом-корреспондентом АН из числа русских, и его труды, переиздаваемые до сих пор, остаются важной и неотъемлемой частью российской историографии.

В 1770 г. в Исетской провинции побывал академик П. С. Паллас, который оставил свои заметки [4].

В 1773–1774 гг. на территории провинции разворачивались события пугачевщины. В оставленном правительственными войсками Челябинске, являвшемся центром Исетской провинции, восставшие находились около двух месяцев. Поэтому эти сюжетные повороты не могли остаться без внимания историков XIX в. [5, 6].

После революционного переворота в октябре 1917 г. дореволюционная история России в целом стала рассматриваться как прелюдия к новой эре в истории человечества, а в Челябинске стало разворачиваться промышленное строительство социалистической индустриализации. Развитие региональной истории – краеведения – было прерва-

но и разгромлено. Но после окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн начинается постепенное восстановление потерянной памяти.

К счастью амнезия оказалась неполной. Первым обратил внимание на первоначальную историю Исетской провинции научный сотрудник института истории АН СССР Н. В. Устюгов, до революции учившийся в Челябинском духовном училище и Оренбургской духовной семинарии [7].

Его статья оказалась в поле зрения челябинского краеведа И. В. Дегтярева, который заложил основы нового этапа в исследовании начального периода русской истории микрорегиона Исетской провинции [8–10].

Благодаря директору Центра историко-культурного наследия г. Челябинска В. С. Боже были опубликованы материалы первой переписи населения Челябинской крепости, которые выявил И. В. Дегтярев в ЦГАДА (ныне – РГАДА) и другие работы И. В. Дегтярева [11].

Краевед В. В. Поздеев занимался адаптацией материалов переписи населения первых четырех крепостей Исетской провинции (Челябинской, Чебаркульской, Миасской и Еткульской), которые были переданы ему И. В. Дегтяревым. Результатом проделанной кропотливой работы стала публикация материалов переписи первых жителей четырех крепостей [12].

Различные аспекты истории Исетской провинции исследовались в работах А. И. Потерпе-

евой [13], Г. Х. Самигулова [14–16], А. Г. Любимова [17–19], А. И. Конюченко [20–22] и др.

Издание, которому посвящена рецензия, представляет непосредственный интерес прежде всего для историков и лингвистов, интересующихся региональной историей и языком делопроизводственной документации XVIII в.

В сборник включены материалы одного дела из фонда И-63 ОГАЧО объёмом 867 листов. Фонд носит название «Комиссар Миасской крепости; Миасская крепость Исетской провинции Оренбургской губернии ([1744]–1781)».

Термин «комиссар» пришел в русский язык в связи с заимствованиями в ходе петровской вестернизации и означал уполномоченного кем-либо на что-либо. Дворяне избирали земских комиссаров. Петр I пожаловал чином комиссара Никиту Демидова за верную службу и поставку железа для нужд государства. Из употребления слово вышло в конце XVIII в. и вернулось в 1917 г. при Временном правительстве и Советской власти.

Главный археограф ОГАЧО Г. Н. Кибиткина рассказала в эфире Первого областного канала, что в 1936 г. один старый казак, приобрета в селе Миасском Красноармейского района дом, обнаружил в нем это дело [13].

Часть документов этого дела публиковалась раньше в небольшом объёме. Наибольший вклад во введение в научный оборот этих материалов внесли филологи Челябинского педагогического университета [14].

Предисловие к изданию 2024 г. написано сотрудниками ОГАЧО, кандидатами исторических наук, принимавшими непосредственное участие в подготовке сборника: Н. А. Антипиным, М. А. Базановым и С. А. Кусковым. Введение под названием «Исетская провинция: эскиз истории региона» написал ведущий специалист по региональной истории Южного Урала XVIII в. кандидат исторических наук Г. Х. Самигулов. Введение под названием «Документы Миасской крепости как лингвистический источник» написано докторами филологических наук Н. В. Глухих и С. Г. Шулежковой.

В сборнике опубликовано 579 документов в хронологической последовательности, в отличие от архивного дела, где они подшиты в хаотичном порядке. В основном это рукописные тексты, выполненные скорописью середины XVIII века, в оригиналах и копиях. Редко встречаются указы, напечатанные типографским способом в Санкт-Петербурге.

Самым ранним документом по времени создания, не считая копий, снятых вручную, является документ, датированный 8 ноября 1739 г., но он не имеет непосредственного отношения к жизни Исетской провинции. Самый поздний относится к 1794 г.

Основная часть документов приходится на 1740-е годы, когда происходило становление органов управления этой территориально-административной единицы Оренбургского края.

Большая часть делопроизводственной документации сборника является указами Исетской провинциальной канцелярии. Название начиналось с буквы «Б», хотя на карте, составленной в 1742 г. геодезистом, прапорщиком И. Куроедовым, показана река Исеть.

Миасская крепость, заложенная в 1736 г., была не самой значительной и важной в Исетской провинции по месту расположения и количеству записанных в неё казаков. Но аналогичных документов по другим крепостям в научном обороте не известно, что делает издание уникальным и позволяет экстраполировать зафиксированные данные.

Первые документы сборника в период декабря 1739 – мая 1743 г. адресованы прапорщику Зиллову и поручику Тарбееву Ивану Кирилловичу, которые не называются комиссарами. С 20 мая 1743 г. обращения поступают квартирмейстеру Стрюкову.

Благодаря появившемуся сборнику документов, можно сказать, что должность комиссаров в крепостях Исетской провинции была введена в 1744 г. На них назначались люди из числа унтер-офицеров пехотной роты Оренбургского драгунского полка.

В связи с этим ротный квартирмейстер Стрюков получил уведомление: «определено в Миасской на место твое комиссаром быть капралу Степану Голявинскому» (1, документ № 245. 10 сентября 1744 г. с. 268). На протяжении 1744–1748 гг. в Миасской крепости сменилось пять комиссаров, из которых двое переводились на аналогичные должности в другие крепости и возвращались вновь.

Название фонда И-63 соответствует его содержанию, поскольку адресатом большинства документов являются люди, занимавшие пост комиссара Миасской крепости. Обер-офицеры, не называвшиеся в официальной документации комиссарами, выполняли аналогичный круг поручений-распоряжений.

Некоторые указы адресованы комиссару крепости и казачьему старшине, есть и адресованные конкретно исключительно казачьим старшинам. Адресантом в большинстве случаев является Исетская провинциальная канцелярия. Поэтому документы, поступавшие из нее в Миасскую крепость, в большинстве случаев подписывались подполковником П. Бахметевым, который являлся воеводой Исетской провинции, капитаном С. Касторинным и секретарем М. Черемисиновым. Бахметев с места воеводы провинции был переведен командующим на обустривающуюся Уйскую линию, где фигурировал уже полковником.

Помимо канцелярии Исетской провинции ад-ресантами выступают Оренбургское духовное правление, Челябинская таможня, земские конторы и опосредованно другие инстанции.

По видовой классификации делопроизводственная документация сборника делится на несколько категорий: указы, инструкции, ордера, промемории, именные списки, рапорты, квитанции, расписки, сообщения, отпускные свидетельства, выписки из книг продаж лошадей и др.

Поскольку большинство документов является указами, то в сборнике преобладает императив (повелительное наклонение). Если по отношению к обер-офицерам (младший офицерский состав) выдерживается уважительный тон – «Благородный гсдн поручик» [1, документ № 30, с. 73], то в обращениях к унтер-офицерам (сержантский состав) присутствует императив, грозящий наказаниями – «по силе данной тебе Голявинскому инструкции и указам без упущения ... неослабно под опасением жесточайшего наказания...» [1, документ № 283, с. 307].

В делопроизводственной документации содержится разнообразная информация, касающаяся:

- доукомплектования казачьих гарнизонов крепостей,
- доставки различных грузов и денег,
- распределения провианта по крепостям,
- установления мер безопасности в связи со сменяющейся международной и региональной обстановкой;
- карантинных мер в связи с эпидемиями и эпизоотиями,
- поиска пропавших, бежавших и объявленных в розыск,
- предоставления документации,
- расследований,
- объявления аукционов по поводу отдачи в аренду и оказания услуг и другие сведения, позволяющие заниматься реконструкцией повседневной жизни Исетской провинции середины XVIII в.

Подписанное к печати 16.12.2004 г. издание, прекрасное по исполнению, объёмом 624 страницы, снабженное цветными картами Исетской провинции и иллюстрациями, географическим, именным указателями и указателем слов и словосочетаний, вышедших из употребления в современном русском языке, напоминает увесистый новогодний подарок, в который разные люди положили то, что считали нужным и способным обрадовать читателя. Им удалось создать настольную книгу, которая будет не просто красиво стоять на полке, а находиться в работе. Она обречена на долгое служение и будет способствовать новым открытиям.

Литература

1. Исетская провинция: повседневная жизнь в документах Миасской крепости : сборник документов. – Челябинск, 2024. – 623 с. ил.

2. Рычков, П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской комиссии / П. И. Рычков // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. – СПб., 1759. – Январь – август, октябрь, ноябрь.

3. Рычков, П. И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии / П. И. Рычков. – СПб.: При императорской Академии Наук, 1762. – Ч. 1. – 331 с.; Ч. 2. – 262 с.

4. Паллас, П. С. Путешествие по разным местам Российского государства / П. С. Паллас. – Ч. II. Кн. II. 1770 г. – СПб., 1786. – 575 с.

5. Дубровин, Н. Ф. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования Екатерины II. 1773–1774. По неизданным источникам : в 3 т. / Н. Ф. Дубровин. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1884. – Т. 2. – 412 с.

6. Пугачевщина в Сибири. Очерк по документам экспедиции генерала Деколлонга; сост. А. И. Дмитриев-Мамонов. – М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1898. – 152 с.

7. Устюгов, Н. В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Урала в XVIII веке / Н. В. Устюгов // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 1958 г. – Таллин, 1959. – С. 33–42.

8. Дегтярев, И. В. Как была построена Миасская крепость / И. В. Дегтярев, В. К. Егоров // Доклады к научно-краеведческой конференции в Красноармейском районе Челябинской области. – Миасское; Челябинск, 1966. – С. 51–54.

9. Дегтярев, И. В. Русская Теча – самое старинное селение в нашей области / И. В. Дегтярев // Маяк (Миасское). – 1967. – 13 мая.

10. Дегтярев, И. В. Из истории возникновения Челябинска (обстоятельства построения Челябинской крепости) / И. В. Дегтярев // Родной край и школа. – Челябинск, 1973. – С. 102–111.

11. Дегтярев, И. В. Челябинская старина / И. В. Дегтярев. – Челябинск, 1996. – 121 с.

12. Поздеев, В. В. Первопоселенцы Челябинской области / В. В. Поздеев // Союзная мысль. – 2011. – 25 сентября. № 53 (288). – URL: http://samlib.ru/s/shetkova_o_a/mojaelektronnajagazeta-6.shtml (дата обращения: 17.07.2020).

13. Потерпеева, А. И. Уклад жизни, нравы и занятия жителей Челябинской крепости / А. И. Потерпеева // Исторические чтения. – Вып. 7–8. – Челябинск : Центр ист.-культ. наследия, 2004. – С. 154–164.

14. Самигулов, Г. Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости / Г. Х. Самигулов. – Чебаркуль; Челябинск, 2011. – 344 с.

15. Самигулов, Г. Х. Развенчивая мифы истории. Откуда на самом деле пошли исетские казаки / Г. Х. Самигулов // Южноуральская панорама. – 10 марта 2015.

16. Самигулов, Г. Х. Мужичий атаман /

Г. Х. Самигулов // Южноуральская панорама. – 27 октября 2011.

17. Любимов, А. Г. Миасская крепость (станция). XVIII век (о некоторых событиях) / А. Г. Любимов // Гороховские чтения : материалы седьмой региональной музейной конференции. – Челябинск, 2016. – С. 165–172.

18. Любимов, А. Г. Из истории Еткульской станицы. Некоторые эпизоды местной жизни. XVIII век / А. Г. Любимов // Гороховские чтения : материалы седьмой региональной музейной конференции. – Челябинск, 2016. – С. 173–179.

19. Любимов, А. Г. Об атаманах и старейшинах исетских казаков (1740–1780 годы) / А. Г. Любимов // Гороховские чтения : материалы седьмой региональной музейной конференции. – Челябинск, 2021. – С. 185–192.

20. Конюченко, А. И. Социальный состав и малая родина первопоселенцев Челябинской крепости (по материалам переписи 1739–1740 годов) / А. И. Конюченко // Новый исторический вестник. – 2022. – № 3 (73). – С. 6–29.

21. Конюченко, А. И. Служба и быт казаков Исетской провинции в период перехода от крестьянской к казачьей жизни (1737–1740-е гг.) / А. И. Конюченко // Российская история. – 2024. – № 2. – С. 47–57.

22. Конюченко, А. И. Первый храм Челябинской крепости в контексте сакрализации пространства в ходе русской колонизации Урала и Сибири / А. И. Конюченко // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской православной церкви. – 2024. – № 119. – С. 63–78.

23. Комиссар Миасской крепости в рубрике «История одного документа». 26.05.2022 г. – URL: <https://www.1obl.ru/tv/nashe-utro/nashe-utro-ot-26-05-2022/komissar-miasskoy-kreposti-v-rubrike-istoriya-odnogo-dokumenta/> (дата обращения: 24.07.2025).

24. Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. II. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII в. / под общ. ред. Л. А. Глинкиной. – Челябинск : Изд-во Челябинского педуниверситета, 2001. – 242 с.

Конюченко Андрей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран, Челябинский государственный университет, e-mail konan6262@mail.ru. ORCID 0000-0002-8973-8241

Поступила в редакцию 3 августа 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260112

ISETSKAYA PROVINCE AS A NEW TERRITORIAL-ADMINISTRATIVE FORMATION IN THE SOUTHERN URALS IN THE FRONTIER ZONE. ABOUT THE COLLECTION OF DOCUMENTS “ISETSKAYA PROVINCE: EVERYDAY LIFE IN THE DOCUMENTS OF THE MIASS FORTRESS”

A. I. Konyuchenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The review gives a general idea of the collection of documents on the history of the eastern part of the Southern Urals in the 18th century, published in December 2024. The Isetskaya Province, created in 1737 during the activities of the Orenburg expedition (since 1737, the commission), occupied the southeastern part of the Southern Urals: in the north it bordered on the Yekaterinburg department, in the south – on the nomadic camps of the Kyrgyz-Kaisaks (Kazakhs), in the west – on the Ufa province, in the east – on the Siberian province. That is, the new territorial and administrative entity was located in the frontier zone at the junction of the Southern Urals, Western Siberia and Central Asia. In this frontier zone, in connection with the Bashkir uprising of 1735–1740, fortresses were built along the route of convoys with food to the construction site of Orenburg. They were mostly peasants who were registered as Cossacks. One of these fortified points was the Miass fortress. In terms of the number of Cossacks, the Isetsk province in 1748 occupied first place in the Orenburg province among other territorial-administrative divisions of the Orenburg Cossack army. Therefore, the published documents are related to the Cossack history of the Southern Urals.

Keywords: Southern Urals, Isetsk province, Orenburg Cossack army.

References

1. Isetskaya provintsiya: povsednevnyaya zhizn' v dokumentakh Miasskoy kreposti [Iset Province: Everyday Life in the Documents of the Miass Fortress]: sbornik dokumentov. Chelyabinsk, 2024. 623 p.
2. Rychkov P.I. Istoriya Orenburgskaya po uchrezhdenii Orenburgskoy komissii [History of Orenburg on the Establishment of the Orenburg Commission] // *Sochineniya i perevody k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie*. Saint Petersburg, 1759. Yanvar' – avgust, oktyabr', noyabr'.
3. Rychkov P.I. Topografiya Orenburgskaya, to est': obstayatel'noe opisanie Orenburgskoy gubernii [Orenburg Topography, that is: a Detailed Description of the Orenburg Province]. Saint Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences, 1762. Ch. 1, 331 p. Ch. 2. 262 p.
4. Pallas P.S. Puteshestvie po raznym mestam Rossiyskogo gosudarstva [Traveling to Different Places of the Russian State]. Ch. II. Kn. II. 1770 g. Saint Petersburg, 1786. 575 p.
5. Dubrovin N.F. Pugachev i ego soobshchniki. Epizod iz istorii tsarstvovaniya Ekateriny II. 1773–1774 [Pugachev and his Accomplices. A Fragment from the History of the Reign of Catherine I. 1773–1774]: Po neizdannym istochnikam: v 3 t. Saint Petersburg: Printing house of I.N. Skorokhodov, 1884. T. 2. 412 p.
6. Pugachevshchina v Sibiri. Ocherk po dokumentam ekspeditsii generala Dekolonga [Pugachevshchina in Siberia. Essay on the Documents of the Expedition of General Dekolong]; sost. A.I. Dmitriev-Mamonov. Moscow: University Printing House, Strastnoy Boulevard, 1898. 152 p.
7. Ustyugov N.V. Iz istorii russkoy krest'yanskoy kolonizatsii Yuzhnogo Urala v XVIII veke [From the History of Russian Peasant Colonization of the Southern Urals in the 18th Century] // *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. 1958 g. Tallin, 1959. P. 33–42.
8. Degtyarev I.V., Egorov V.K. Kak byla postroena Miasskaya krepost' [How the Miass Fortress was Built] // *Doklady k nauchno-kraevedcheskoy konferentsii v Krasnoarmeyskom rayone Chelyabinskoy oblasti*. Miasskoe; Chelyabinsk, 1966. P. 51–54.
9. Degtyarev I.V. Russkaya Techa – самое старинное селение в нашей области [Russkaya Techa is the oldest village in our region] // *Mayak (Miasskoe)*. 1967. 13 maya.
10. Degtyarev I.V. Iz istorii vozniknoveniya Chelyabinska (obstayatel'stva postroeniya Chelyabinskoy kreposti) [From the History of the Emergence of Chelyabinsk (Circumstances of the Construction of the Chelyabinsk Fortress)] // *Rodnoy kray i shkola*. Chelyabinsk, 1973. P. 102–111.
11. Degtyarev I.V. Chelyabinskaya starina [Chelyabinsk Antiquity]. Chelyabinsk, 1996. 121 p.
12. Pozdeev V.V. Pervoposelentsy Chelyabinskoy oblasti [The First Settlers of the Chelyabinsk Region] // *Soyuznaya mysl'*. 2011. 25 sentyabrya. № 53 (288). URL: http://samlib.ru/s/shetkova_o_a/mojaelektronnaja_gazeta-6.shtml (date of accessed: 17.07.2020).
13. Poterpeeva A.I. Uklad zhizni, nrawy i zanyatiya zHITELEY Chelyabinskoy kreposti [The Way of Life, Customs and Occupations of the Inhabitants of the Chelyabinsk Fortress] // *Istoricheskie chteniya*. Vyp. 7–8. Chelyabinsk: Center for Historical and Cultural Heritage, 2004. P. 154–164.
14. Samigulov G.H. Ot Dalmatova monastyrya do Chebarkul'skoy kreposti [From Dalmatovo Monastery to Chebarkul Fortress]. Chebarkul'; Chelyabinsk, 2011. 344 p.
15. Samigulov G.H. Razvenchivaya mify istorii. Otkuda na samom dele poshli isetskie kazaki [Debunking the Myths of History. Where did the Iset Cossacks Really Come from?] // *Yuzhnoural'skaya panorama*. 10 marta 2015.
16. Samigulov G.H. Muzhitskiy ataman [Peasant Chieftain] // *Yuzhnoural'skaya panorama*. 27 oktyabrya 2011.
17. Lyubimov A.G. Miasskaya krepost' (stanitsa). XVIII vek (o nekotorykh sobyitiyakh) [Miass Fortress (Stanitsa). 18th Century (about Some Events)] // *Gorokhovskie chteniya: materialy sed'moy regional'noy muzeynoy konferentsii*. Chelyabinsk, 2016. P. 165–172.
18. Lyubimov A.G. Iz istorii Etkul'skoy stanitsy. Nekotorye epizody mestnoy zhizni. XVIII vek [From the History of the Etkul Village. Some Episodes of Local Life. 18th Century] // *Gorokhovskie chteniya: materialy sed'moy regional'noy muzeynoy konferentsii*. Chelyabinsk, 2016. P. 173–179.
19. Lyubimov A.G. Ob atamanakh i stareyshinakh isetskikh kazakov (1740–1780 gody) [About the Atamans and Elders of the Iset Cossacks (1740–1780)] // *Gorokhovskie chteniya: materialy sed'moy regional'noy muzeynoy konferentsii*. Chelyabinsk, 2021. P. 185–192.
20. Konyuchenko A.I. Sotsial'nyy sostav i malaya rodina pervoposelentsev Chelyabinskoy kreposti (po materialam perepisi 1739–1740 godov) [Social Composition and Small Homeland of the First Settlers of the Chelyabinsk Fortress (Based on the Census of 1739–1740)] // *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2022. № 3 (73). P. 6–29.
21. Konyuchenko A.I. Sluzhba i byt kazakov Isetskoy provintsii v period perekhoda ot krest'yanskoy k kazach'ey zhizni (1737–1740-e gg.) [Service and Life of the Cossacks of the Isetsk Province during the Transition from Peasant to Cossack life (1737–1740s)] // *Rossiyskaya istoriya*. 2024. № 2. P. 47–57.

22. Konyuchenko A.I. Pervyy khram Chelyabinskoy kreposti v kontekste sakralizatsii prostranstva v khode russkoy kolonizatsii Urala i Sibiri [The First Temple of the Chelyabinsk Fortress in the Context of the Sacralization of Space during the Russian Colonization of the Urals and Siberia] // *Vestnik pravoslavного Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy pravoslavnoy tserkvi*. 2024. № 119. P. 63–78.

23. Komissar Miasskoy kreposti v rubrike «Istoriya odnogo dokumenta» [Commissar of the Miass Fortress in the section “History of one document”]. 26.05.2022 g. URL: <https://www.1obl.ru/tv/nashe-utro/nashe-utro-ot-26-05-2022/komissar-miasskoy-kreposti-v-rubrike-istoriya-odnogo-dokumenta> (date of accessed: 24.07.2025).

24. Lingvisticheskoe kraevedenie na Yuzhnom Urale. Ch. II. Materialy k istorii yazyka delovoy pis'mennosti XVIII v. [Linguistic Regional Studies in the Southern Urals. Part II. Materials for the History of the Language of Business Writing in the 18th Century] / pod obshch. red. L.A. Glinkinoy. Chelyabinsk: Publishing House of Chelyabinsk Pedagogical University, 2001. 242 p.

Andrey I. Konyuchenko – D. Sc. (History), Professor of the Department of History of Russia and Foreign Countries, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk), e-mail: konan6262@mail.ru

Received August 3, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Конюченко, А. И. Исетская провинция как новое территориально-административное образование на Южном Урале в зоне фронта. О сборнике документов «Исетская провинция: повседневная жизнь в документах Миасской крепости» / А. И. Конюченко // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 100–105. DOI: 10.14529/ssh260112

FOR CITATION

Konyuchenko A. I. Isetskaya province as a new territorial-administrative formation in the Southern Urals in the frontier zone. About the collection of documents “Isetskaya province: everyday life in the documents of the Miass fortress”. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 1, pp. 100–105. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260112

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Журнал основан в 2001 году. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57373 выдано 24 марта 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.3. Археология (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика, 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства).

Журнал включен в Реферативный журнал и базы данных ВИНТИ. Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписной индекс 29076 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода — 4 номера в год.

Адрес редакции, 454080, г. Челябинск, ул. С. Кривой, 79, Издательский центр ЮУрГУ, каб. 2.

Адрес издателя: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы, сроки обучения в аспирантуре для аспирантов), контактная информация ответственного за подготовку рукописи (адрес, телефон, e-mail).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, ORCID (Open Researcher and Contributor ID) каждого автора, аннотация (200—250 слов), список ключевых слов, текст работы, литература (в порядке упоминания, ГОСТ 7.1-2003), сведения об авторах. После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов, список литературы и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: верхнее — 30, нижнее — 30, левое — 30, правое — 30 мм. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал — полупетличный. Рисунки и схемы должны быть сгруппированы и иметь названия.

4. Адрес редакционной коллегии научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Социально-гуманитарные науки»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, главный корпус, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, дирекция ИМСГН, 435/1. Тел./факс (351) 267-90-29. E-mail: shesterkina@susul.ru, главный редактор — профессор Шестеркина Людмила Петровна, ответственный секретарь — доцент Салганова Елена Ивановна.

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта журнала <http://vestnik.susu.ru/humanities>.

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»
2026 Том 26, № 1

16+

Главный редактор *Шестеркина Л. П.*
Компьютерная верстка: *Выборнова Л. В.*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 16.01.2026. Дата выхода в свет 30.01.2026. Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 12,55. Тираж 500 экз. Заказ 3/1. Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.